Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Томск Гос Универ Библиотека

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ *).

Мысль о первобытномъ состояніи человѣчества современна началу цивилизаціи. Какъ жили люди въ древности, было-ли тогда лучше или хуже, чѣмъ теперь,—эти вопросы волновали человѣка еще на низшихъ ступеняхъ развитія, но втеченіи долгихъ тысячелѣтій умъ человѣческій, сбитый многими нелѣпостями съ прямого пути къ истинѣ, рѣшалъ эти вопросы совершенно несогласно съ дѣйствительностью. Вплоть до начала новѣйшей цивилизаціи, вплоть до XVI вѣка нашей эры, человѣчество, начиная отъ полудикой, невѣжественной черни и кончая величайшими свѣтилами науки и философіи, жило въ убѣжденіи, что въ древности было несравненно лучше, что міръ день ото дня становится хуже и хуже, люди грѣховнѣе и недолговѣчнѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти мнѣнія имѣли фактическое основаніе и относительную вѣрность, именно тогда, когда они относились къ дикарямъ, всегда страдающимъ отъ столкновеній съ народами болѣе сильными и цивилизованными. Вымирающіе индѣйцы сѣверной Америки имѣютъ полное основаніе сожалѣть о давно минувшемъ золотомъ вѣкѣ, когда жизнь была лучше, чѣмъ теперь, когда у нихъ были лучшіе за-

---

*) Начало цивилизаціи, Дж. Лёбока, 1875. — Доисторическія времена, Лёбока, 1876. — Древнѣйшая исторія учрежденій, Г. Мэна, 1876. — Первобытная собственность, Лавелэ, 1875. — Деревенскія общины Востока и Запада, Мэна, 1874. — Первобытная культура, Тэйлора, 2 т., 1871—1873. — Доисторическій бытъ человѣчества, Тэйлора, 1869.—Urgeschichte der Menschheit, von Caspari, 2 B., 1873.— Anthropologie der Naturvölker, v. Waitz, 6 B., 1859—1873. — Der Mensch in der Geschichte, v. Bastian, 3 B., 1861.—Die Rechtsverhältnisse der versch. Völker der Erde, v. Bastian, 1872.—Maine, Ancient Law, 1866. — Der Fetischismus, v. Fr. Schultze, 1871.—Culturgeschichte in ihrer natürlicher Entwicklung, v. Hellwald, 1875.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

коны и начальники и менѣе грубые нравы. Даже полудикій камчадалъ можетъ утверждать, что свѣтъ идетъ все хуже и хуже, люди вымираютъ и портятся, пищи становится меньше, такъ-какъ охотничья собака, медвѣдь и сѣверный олень уходятъ отсюда въ иныя страны, гдѣ жизнь счастливѣе. Но идея регресса господствовала у всѣхъ, у самыхъ сильныхъ и счастливыхъ народовъ древняго міра, и ея нельзя объяснять одними подобными основаніями. Люди древности знали только настоящее и не имѣли данныхъ, чтобы понять его дѣйствительныя отношенія къ прошедшему и будущему. Вслѣдствіе органическаго стремленія къ счастію, съ одной стороны, и вслѣдствіе неудобствъ, неустройствъ, несчастій, съ другой, древній человѣкъ ставилъ идеалъ своего благополучія и нравственнаго совершенства не въ будущемъ, котораго онъ не могъ понимать, не въ настоящемъ, которымъ онъ былъ недоволенъ, а въ прошедшемъ, которое мифологія рисовала въ самомъ розовомъ свѣтѣ и на которое онъ переносилъ свое обычное уваженіе къ старости. Парсы обращаются къ счастливому времени царя Ийма, когда люди и животныя были безсмертны, источники и деревья никогда не высыхали, пища не истощалась, не было ни холода, ни жары, ни зависти, ни старости. Буддисты вспоминаютъ вѣкъ прекрасныхъ воздушныхъ существъ, которыя не имѣли ни пола, ни грѣха, ни нужды въ пищѣ, до той несчастной минуты, когда они, впавъ во зло, были осуждены питаться рисомъ, рождать дѣтей, строить жилища. Съ этого времени люди постепенно и непрерывно дѣлались хуже и хуже. Царь Шетійа сказалъ первую ложь, и граждане, услыхавъ объ этомъ и не зная, что такое ложь, спрашивали, какая она—бѣлая, черная или голубая. Человѣческая жизнь становилась короче и короче, и король Мага-Сара, послѣ короткаго, 250,000-лѣтняго царствованія, началъ уже сѣдѣть!.. Наблюденія надъ жизнью народовъ и данныя историческихъ памятниковъ нерѣдко наталкивали людей на мысль, что первобытные люди жили плохо. Баснословныя лѣтописи Перу изображаютъ первыхъ людей въ совершенно дикомъ, несчастномъ состояніи. Хроники китайцевъ разсказываютъ, какъ ихъ древніе предки жили въ пещерахъ, одѣвались листьями, ѣли сырое мясо, пока, наконецъ, при мудрыхъ, божественныхъ правителяхъ не научились добывать огонь, строить хижины и т. д. Поэтъ Лукрецій въ прекрасныхъ стихахъ описывалъ ширококостное, отважное,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

необузданное племя первобытныхъ людей, ведущихъ жизнь дикихъ звѣрей, побѣждающихъ послѣднихъ каменьями и тяжелыми дубинами, незнающихъ ни огня, ни одежды, пожирающихъ жолуди и дикія ягоды. Но всѣ представленія не подрывали идеи регресса, а въ большинствѣ случаевъ даже служили ей. Возвысившись изъ ничтожества, человѣкъ, по этимъ сказаніямъ, жилъ сначала счастливо, но золотой вѣкъ продолжался не долго, и затѣмъ все пошло къ худшему. Теорія регресса живетъ въ необразованной толпѣ до настоящаго времени и даже находитъ себѣ защиту у образованныхъ теоретиковъ извѣстнаго сорта. Но есть еще другая, чрезвычайно интересная вѣтвь этой теоріи, развившаяся, какъ результатъ компромиса между идеей регресса и стремленіемъ человѣка къ счастію. Идеаломъ стоиковъ была жизнь, согласная съ природой; этотъ идеалъ много содѣйствовалъ развитію римской доктрины естественнаго права, т. е. права, основаннаго на вѣчныхъ, справедливыхъ законахъ природы. Но гдѣ-же дѣйствительно существуетъ такое право? Его нѣтъ въ настоящемъ, но оно жило и дѣйствовало въ тотъ золотой вѣкъ, когда люди наслаждались благами и радостями естественнаго состоянія. Реставрація этого права—задача общественнаго развитія. Эта теорія совершенно преобразовала римскіе законы и не переставала вліять на жизнь вплоть до новѣйшаго времени. Во имя ея средневѣковые французскіе короли освобождали крѣпостныхъ рабовъ, во имя ея Руссо отрицалъ цивилизацію, американцы составляли свою декларацію независимости, французы провозглашали принципы 1789 года.

Идеи, развившіяся на представленіи объ естественномъ состояніи людей, продолжаютъ жить и дѣйствовать, но самое представленіе давно уже разрушено наукой. Еще въ XVI вѣкѣ представитель новаго знанія, Бэконъ, рѣшительно заявилъ, что золотой вѣкъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, и эта идея сдѣлалась основнымъ мотивомъ новой исторіи. Наука не находила въ древности ничего, что-бы оправдывало вѣру въ золотой вѣкъ, а блаженное естественное состояніе людей въ дикой жизни, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывалось варварскимъ и жалкимъ. Изслѣдованія болѣе и болѣе убѣждали, что чѣмъ дальше уходило человѣчество отъ своего первобытнаго состоянія, тѣмъ болѣе оно совершенствовалось, и еще Гиббонъ своею смѣлою кистью набросалъ картину

Digital Library (repository
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

прогресивнаго развитія цивилизаціи, вполнѣ сходную въ своихъ основныхъ чертахъ съ современной теоріей прогреса. „Открытія древнихъ и новѣйшихъ мореплавателей, говоритъ онъ, — и исторія или преданіе наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ представляютъ *человѣка-дикаря* нагимъ умственно и тѣлесно, неимѣющимъ ни законовъ, ни искуствъ, ни идей. Изъ этого отверженнаго состоянія онъ постепенно возвысился до власти надъ животными, до искуства оплодотворять землю, переплывать океаны, измѣрять небеса. Его успѣхи были неправильны и разнообразны, безконечно медленные въ началѣ и постепенно возрастающіе съ удвоенною скоростью... Опытъ четырехъ тысячъ лѣтъ долженъ увеличить наши надежды и разсѣять наши опасенія; мы не можемъ опредѣлить, до какой высоты можетъ подняться человѣчество въ своемъ движеніи къ совершенству, но можемъ съ увѣренностью полагать, что ни одинъ народъ, если только не измѣнится самая природа земли, не возвратится къ прежнему варварству. Общественныя усовершенствованія могутъ являться въ троякомъ видѣ. 1) Поэтъ или философъ освѣщаетъ свой вѣкъ или страну усиліями одного ума; но эти высшія способности ума или воображенія — явленія рѣдкія и самостоятельныя, и геній Гомера, Цицерона или Ньютона возбуждалъ-бы меньше удивленія, если-бы онъ былъ созданъ волею государя или уроками учителя. 2) Благодѣянія законодательства и политическихъ учрежденій, торговли и промышленности, искуствъ и наукъ болѣе прочны и постоянны, и многія отдѣльныя личности могутъ, по воспитанію и образованію, сдѣлаться способными двигать впередъ интересы общества, каждый въ своемъ кругѣ занятій. Но этотъ общій порядокъ есть дѣло искуства и труда, и весь сложный механизмъ можетъ разрушиться отъ времени или отъ насилія. 3) Къ счастью для человѣчества, полезныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе необходимыя искуства могутъ не требовать для своего выполненія высокихъ талантовъ или общаго подчиненія, не требовать власти одного или союза многихъ. Каждая деревня, каждая семья, каждый отдѣльный человѣкъ долженъ всегда обладать умѣньемъ и желаньемъ поддерживать употребленіе огня и металовъ, разведеніе и прирученіе домашнихъ животныхъ, способы охоты и рыболовства, начала мореплаванія, простые способы воздѣлыванія хлѣба и другихъ питательныхъ сѣмянъ и производство простыхъ механическихъ про-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

мысловъ. Талантливость одного лица и развитость цѣлаго общества могутъ погибнуть, но эти крѣпкія растенія переживаютъ бурю и пускаютъ несокрушимый корень въ самую неблагопріятную почву. Туча невѣжества затмила блестящіе дни Августа и Траяна и варвары ниспровергли законы и дворцы Рима. Но коса, изобрѣтеніе или эмблема Сатурна, еще продолжаетъ каждый годъ собирать жатвы Италіи, а человѣческія жертвоприношенія лестригоновъ никогда уже не возобновлялись на берегахъ Кампаньи. Со времени перваго открытія искуствъ, война, торговля и религіозная ревность распространили среди дикарей Стараго и Новаго Свѣта эти неоцѣненные дары, которые затѣмъ распространялись болѣе и болѣе и уже никакъ не могутъ погибнуть. Мы можемъ, слѣдовательно, успокоиться на томъ отрадномъ заключеніи, что каждый вѣкъ, переживаемый міромъ, увеличилъ и еще увеличиваетъ дѣйствительное богатство, счастье, знаніе и, быть можетъ, нравственность рода человѣческаго". Основныя мысли этой теоріи подтверждаются всей новѣйшей наукой и вошли въ общее сознаніе образованнаго меньшинства. Но хотя наука, съ одной стороны, признаетъ, что возвращеніе человѣчества, какъ въ цѣломъ, такъ и по частямъ, въ дикое, первобытное состояніе положительно невозможно, съ другой стороны, та-же наука доказываетъ, что самые цивилизованные народы далеко еще не освободились отъ очень многихъ понятій, обычаевъ, недостатковъ самой варварской первобытной жизни. Что человѣчество прогресируетъ, это несомнѣнно; но такъ-же несомнѣнно, что до сихъ поръ прогрессъ его никогда не бывалъ всестороннимъ. Старое держится упорно; даже теряя подъ вліяніемъ новой жизни свой первоначальный смыслъ, оно продолжаетъ, иногда втеченіи тысячелѣтій, господствовать надъ умами людей своею первобытною формою. Это явленіе совершенно паралельно подобному-же феномену въ органической жизни, гдѣ у самца, напр., мы видимъ ни на что ненужные ему остатки сосцовъ и т. д. Это—*переживаніе*, явленіе чрезвычайно интересное и даже практически полезное при изученіи первобытной жизни.

Въ жизни, въ строгомъ смыслѣ, ничего нѣтъ безсмысленнаго. Каждый обычай, каждое вѣрованіе, каждый обрядъ, каждая церемоніяльная фраза, каждая мелкая подробность въ архитектурной постройкѣ или въ костюмѣ, утверждаясь въ жизни, имѣютъ свой смыслъ, свое значеніе. Входя во всеобщее употребленіе, они

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

укореняются въ человѣческомъ умѣ такъ прочно, что даже въ то время, какъ первоначальная идея ихъ исчезаетъ изъ людской памяти, первобытная форма ихъ упорно держится въ жизни, получая другой смыслъ, другое значеніе, а иногда сохраняясь вслѣдствіе одной только своей вѣковѣчной давности. Вся наша жизнь, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, полна такими пережившими остатками первобытной культуры. Въ русскихъ деревняхъ, напр., въ сѣверныхъ губерніяхъ, вы сплошь и рядомъ передъ средними окнами верхняго этажа увидите нѣчто вродѣ балкона, такого узенькаго, что на немъ не помѣстится и ребенокъ; на этотъ балкончикъ вовсе нѣтъ ни хода, никакого отверстія изъ комнаты, и онъ, не имѣя практическаго значенія, служитъ лишь пережившимъ, атрофированнымъ остаткомъ настоящаго балкона. На татарскихъ кладбищахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вы увидите надгробные памятники, имѣющіе видъ маленькаго домика. Значенія этой формы вамъ не объяснитъ ни одинъ татаринъ, но объяснитъ первобытное міросозерцаніе, въ силу котораго считалось необходимымъ строить на могилахъ для душъ покойниковъ помѣщенія, которыя, начиная съ грубаго первобытнаго шалаша, развились до массивныхъ, вѣковѣчныхъ пирамидъ египетскихъ фараоновъ, а въ своей измѣненной, пережившей формѣ являются даже на нашихъ кладбищахъ въ видѣ часовень и склеповъ надъ могилами знатныхъ и богатыхъ людей. Взгляните на вашъ костюмъ—и въ немъ вы найдете, что почти половина его деталей не имѣетъ никакого практическаго смысла и принадлежитъ къ пережившимъ остаткамъ. Фальшивые карманы, фальшивые обшлага, пуговицы, посаженныя на мѣстахъ, гдѣ нечего застегивать,—все это остатки настоящихъ кармановъ, настоящихъ пуговицъ, которыя что-нибудь застегивали. На шеѣ у васъ узенькая ленточка, непредохраняющая ни отъ вѣтра, ни отъ холода и служащая только пережившимъ остаткомъ шейнаго платка. Шейный платокъ имѣлъ сначала одно гигіеническое значеніе, пережившая форма его, современный галстухъ, имѣетъ лишь значеніе украшенія и приличія. Эполеты и погоны офицеровъ служатъ нынѣ знакомъ ранга, а въ своей первобытной формѣ это были просто наплечники, предохранявшіе плечо отъ удара саблей или топоромъ. Всѣ обычаи обхожденія, всѣ формы вѣжливости обыденной жизни—ничто иное, какъ пережившія формы первобытныхъ церемоній, бывшихъ въ употребленіи при обращеніи

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

съ первобытными государями. У дикарей Отаити до сихъ поръ вождю воинственнаго племени воздаются божескія почести и послѣ одержанной имъ побѣды приносятся ему наравнѣ съ божествомъ человѣческія жертвы. Въ знакъ покорности подобному владыкѣ нѣкоторые дикари до сихъ поръ еще подставляютъ свою шею подъ ногу того, кому подчиняются, на что намекаетъ и довольно употребительное выраженіе—„повергнуть враговъ къ подножію ногъ своихъ". Это первобытное паденіе ницъ, говоритъ Спенсеръ, сопровождалось цѣлованіемъ ногъ (которое до сихъ поръ употребляется относительно папы) и „выражало готовность быть попраннымъ, составляло попытку смягчить гнѣвъ, говоря знаками: топчи меня, если хочешь". Постепенно смягчаясь, сокращаясь и распространяясь все на большее и большее число лицъ, эта церемонія перешла черезъ нѣсколько посредствующихъ формъ и, наконецъ, выразилась въ поклонѣ мужчины и въ присѣданіи женщины, которые суть пережившія сокращенныя формы первобытнаго паденія ницъ, на которое намекаетъ даже обычная вѣжливая фраза поляка: *падамъ до ногъ*. Выраженія вѣжливости, вродѣ *милостивый государь*, *государь*, *вашъ покорный слуга* и т. д.—тоже пережившія формы обращеній, имѣвшихъ нѣкогда буквальный смыслъ и относившихся только къ самымъ высокопоставленнымъ личностямъ. Къ тому-же разряду первобытныхъ остатковъ относятся всѣ старинные обряды и церемоніи, начиная съ какой-нибудь свадебной обстановки русскаго крестьянина и кончая торжественными церемоніями при пріемѣ иностранныхъ пословъ во дворцахъ Стамбула или Пекина. У весьма многихъ народовъ свадебный обрядъ представляетъ борьбу жениха съ родственниками невѣсты, старанія послѣдней скрыться и убѣжать отъ суженаго, поимку и насильственный увозъ ея женихомъ, ея плачъ о томъ, что похитители увлекаютъ ее на чужедальнюю сторону, и т. д. Эти пережившіе остатки сохранились по мѣстамъ въ такой цѣлости, что по нимъ мы можемъ изучать первобытный способъ заключенія брака посредствомъ насильственнаго умыканія. Въ дѣтскихъ и народныхъ играхъ мы встрѣчаемъ новый разрядъ пережившихъ явленій. Луки и стрѣлы давно уже вышли изъ практическаго употребленія, но сохраняются до сихъ поръ въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ. Въ народной шотландской игрѣ парни берутъ другъ друга за хохолъ и спрашиваютъ: „хочешь-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ли быть моимъ?“ Это ничто иное, какъ пережившій остатокъ стариннаго символическаго обряда, сопровождавшаго принятіе въ феодальное подданство. На Готландѣ помнятъ до сихъ поръ, что древнее приношеніе въ жертву дикаго кабана въ новѣйшее время перешло въ игру, въ которой молодые парни наряжаются въ маскарадные костюмы, чернятъ и раскрашиваютъ себѣ лица, между тѣмъ какъ кабана изображаетъ мальчикъ, завернутый въ мѣхъ, поставленный на скамейку и держащій во рту пучекъ соломы, представляющій собою кабанью щетину. Всѣ предразсудки, всѣ неимѣющіе, повидимому, никакого смысла суевѣрные обряды вполнѣ объясняются закономъ переживанія. Напр., въ Шотландіи, Индіи, Камчаткѣ въ народѣ держится суевѣрное мнѣніе, что не слѣдуетъ спасать утопающаго человѣка, такъ-какъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ вредъ своему спасителю. Это пережившій остатокъ древняго воззрѣнія, по которому утопающій считался схваченнымъ водянымъ божествомъ; спасать его—значило вырывать добычу изъ самыхъ когтей водяного духа и призывать на себя мщеніе послѣдняго.—У многихъ народовъ считается необходимымъ прибѣгать къ извѣстнымъ предохранительнымъ средствамъ при зѣвотѣ. Тирольскій крестьянинъ, зѣвая, креститъ свой ротъ; индусъ сжимаетъ большой и еще другой палецъ и нѣсколько разъ произноситъ имя какого-нибудь бога; мусульманинъ при зѣвотѣ прикрываетъ ротъ лѣвой рукой и говоритъ: „Аллахъ, укрой меня отъ проклятаго сатаны!“ Все это остатки первобытнаго вѣрованія въ злыхъ духовъ, которые при зѣвотѣ могутъ проникать во внутренность человѣка и мучить его. Гаданіе, магія, хиромантія, снотолкованіе, всѣ эти отупляющія умъ человѣческій и вредныя суевѣрія, вся эта неизмѣримая масса пережившихъ остатковъ первобытной жизни и первобытныхъ вѣрованій существуетъ въ силу того-же историческаго закона, по которому я ежедневно повязываю шею узенькой, ни на что непригодной ленточкой, а англійскій канцлеръ казначейства сидитъ въ парламентѣ на шерстяномъ мѣшкѣ, смыслъ котораго можетъ объяснить только ученый историкъ.

Въ органической жизни мы видимъ не только существованіе выродившихся, потерявшихъ всякое функціональное значеніе формъ и органовъ, но и *атавизмъ*, временной поворотъ къ старымъ, выродившимся формамъ; напр. отъ совершенно европейскихъ по на-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ружности родителей неожиданно рождается нѣчто вродѣ негритенка, и оказывается, что въ числѣ ихъ предковъ, часто отдаленныхъ, былъ негръ. Тотъ-же законъ дѣйствуетъ въ развитіи культуры, въ которомъ мы видимъ не только *переживаніе*, но и *оживаніе*, атавизмъ первобытныхъ вѣрованій, отношеній, вкусовъ. Къ числу самыхъ поразительныхъ явленій этого разряда принадлежитъ новѣйшій спиритизмъ, низводящій Сведенборга до уровня сибирскаго шамана и ниспускающій миліоны просвѣщенныхъ американцевъ на степень умственнаго развитія краснокожихъ. Понятія спиритовъ въ существенныхъ своихъ чертахъ вполнѣ сходны съ понятіями о духахъ дикарей. Подобно послѣднимъ, они считаютъ міръ духовъ точной копіей земного міра. Одинъ умершій уже спиритъ, Тустановскій, пресерьезно убѣждалъ меня, что въ духовномъ мірѣ были и крѣпостное право, и винные откупа, только они уничтожены немного раньше, чѣмъ у насъ. Представленія о душѣ спиритовъ и дикарей также вполнѣ тождественны. „Какъ колдуны варварскихъ племенъ, говоритъ Тэйлоръ,—лежатъ въ летаргіи или во снѣ въ то время, когда ихъ души отправляются въ далекія странствованія, такъ точно въ разсказахъ новѣйшихъ спиритовъ люди нерѣдко остаются въ безчувственномъ состояніи, пока ихъ тѣни посѣщаютъ отдаленныя мѣста, откуда онѣ приносятъ извѣстія и гдѣ сообщаются съ живыми людьми. Духи живыхъ и мертвыхъ, души Штрауса и Карла Фогта такъ-же, какъ души Августина и Іеронима, призываются медіумами въ отдаленные кружки спиритовъ“. Шумъ и постукиванье, производимые духами на спиритскихъ сеансахъ, въ полномъ ходу и въ дикой жизни. Писаніе духовъ мы видимъ въ Китаѣ. Галюцинаціи летанія по воздуху, которымъ подвержены многіе спириты, играютъ важную роль въ вѣрованіяхъ дикарей и т. д.

Переживаніе и оживаніе оказываютъ чрезвычайно важное пособіе при изученіи первобытной культуры. Эти обычаи, суевѣрія, церемоніи, игры, уцѣлѣвшія впродолженіи тысячелѣтій, даютъ чрезвычайно много матеріяла для научнаго реставрированія древней жизни. Не меньше матеріяла доставляетъ намъ и этнографія дикихъ народовъ, находящихся на той ступени развитія, съ которой цивилизованное человѣчество сошло уже много тысячъ лѣтъ назадъ. Въ дикой жизни мы можемъ въ качествѣ очевидцевъ наблюдать и жизнь гомеровскихъ циклоповъ, и бытъ, о кото-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ромъ говорятъ самыя древнія легенды Китая. Если въ нашей цивилизованной жизни мы встрѣчаемъ множество пережившихъ остатковъ того, что существуетъ въ полной силѣ у дикарей, то въ жизни послѣднихъ мы находимъ множество такихъ-же остатковъ самаго древняго быта. Дикари, большею частью, не имѣютъ историческихъ преданій, которыя замѣняются у нихъ легендами и мифическими сказаніями. Но за то въ послѣднихъ можно найти множество частностей, отлично характеризующихъ умственное, матеріяльное и соціальное положеніе первобытнаго человѣчества. Наука только недавно открыла, напр., что человѣкъ жилъ на землѣ еще въ то время, когда на ней существовали мамонты; между тѣмъ легенды индѣйцевъ и одинъ древній мехиканскій рисунокъ сохранили память объ этомъ времени въ такомъ точномъ изображеніи „великой лоси", которое могло быть составлено только людьми, видѣвшими живого мамонта. Филологія, геологія, антропологія и въ особенности историческая археологія въ послѣднее время сдѣлали также очень много для рѣшенія вопроса о происхожденіи и развитіи первобытной культуры. Независимо отъ переживаній и оживаній, въ нашей цивилизованной жизни существуетъ много явленій, поясняющихъ развитіе первобытнаго человѣка. Доисторическія времена не даромъ называются дѣтствомъ рода человѣческаго. Дикари, во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно похожи на нашихъ дѣтей, и, наблюдая послѣднихъ, мы, по аналогіи, многое можемъ понять и уяснить въ жизни первыхъ. Въ нашихъ психическихъ болѣзняхъ мы находимъ также многое, что разъясняетъ намъ нѣкоторыя стороны первобытной культуры. Матеріяловъ и пособій для изученія, такимъ образомъ, много, но исторія культуры начинаетъ только разработываться и превращаться въ положительную науку. Ей суждено играть, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важную роль въ умственномъ развитіи человѣчества. „Для двигателей всего здраваго и преобразователей всего ложнаго, говоритъ Тэйлоръ, — этнографія можетъ быть вдвойнѣ полезной. Она можетъ запечатлѣть въ человѣческихъ умахъ идею послѣдовательнаго развитія, которая, не уменьшая ихъ уваженія къ предкамъ, побудитъ ихъ продолжать эту работу съ тѣмъ большей энергіей, что масса свѣта въ мірѣ вообще увеличилась, и тамъ, гдѣ нѣкогда блуждали ощупью толпы варваровъ, цивилизованные люди часто могутъ уже идти впередъ, ясно видя свой путь передъ собою. Болѣе трудная и иногда даже

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

весьма тяжелая задача этнографіи состоитъ въ указаніи остатковъ грубой древней культуры, обратившихся во вредныя суевѣрія, и въ произнесеніи имъ смертнаго приговора. Но и это дѣло, хотя и менѣе возвышенное, существенно необходимо для блага человѣчества. Такимъ образомъ, въ одно и то-же время, способствуя прогресу и уничтожая препятствія къ нему, наука культуры является наукой реформы по-преимуществу".

Извѣстное сочиненіе Тэйлора переведено уже на русскій языкъ. Но, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, оно едва-ли можетъ получить значительную популярность въ массѣ нашего общества. Ему сильно вредитъ излишняя скрупулезность изложенія. Оно читается не такъ легко, какъ, напр., книга Бокля, тѣмъ болѣе, что русскій переводъ очень тяжелъ и мѣстами рѣшительно неуклюжъ. Кромѣ того, Тэйлоръ остороженъ въ своихъ выводахъ до педантизма, хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ пускается въ черезчуръ смѣлыя и поверхностныя обобщенія. Мы намѣрены воспользоваться здѣсь его книгою и другими новѣйшими сочиненіями, чтобы познакомить читателя съ современнымъ положеніемъ вопроса о происхожденіи и развитіи первобытной культуры.

I.

Орудія, пища, жилье, одежда.

Въ незавидномъ положеніи находился первобытный человѣкъ при добываніи себѣ пищи, при защитѣ своей жизни отъ животныхъ. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы онъ былъ значительно сильнѣе нынѣшнихъ людей. Напротивъ, мускульная сила увеличивается по мѣрѣ развитія цивилизаціи, и образованный европеецъ поднимаетъ бо́льшую тяжесть, чѣмъ грубый дикарь. Нѣсколько разъ дѣлались сравнительные опыты съ динамометромъ и оказывалось въ среднемъ выводѣ, что

тасманіецъ поднимаетъ	50,6	килограмовъ.
новоголандецъ . . .	50,8	„
мозамбикскій негръ .	57,1	„
тиморезецъ	58,7	„

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сандвичанинъ . . .	58,3	килограмъ.
французъ	69,2	„
англичанинъ . . .	71,4	„

Но сравнительная слабость мускуловъ вознаграждается ихъ неутомимостью. Дикарь, въ случаѣ нужды, можетъ гораздо дольше европейца ходить, плавать, работать, часто терпя при этомъ голодъ и жажду. Скоростью бѣга, мѣткостью и ловкостью дикари изумляютъ путешественниковъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе ихъ несравненно сильнѣе и впечатлительнѣе, чѣмъ у европейца. Австраліецъ, негръ, индѣецъ узнаютъ по слѣду ноги не только племя, но и личность оставившаго этотъ слѣдъ. Многіе арабы видятъ по слѣду, чей верблюдъ прошелъ, былъ-ли онъ съ сѣдокомъ или безъ сѣдока, съ большимъ-ли вьюкомъ и т. д. Дикарь видитъ на небѣ гораздо больше звѣздъ, чѣмъ мы, и въ этомъ отношеніи европеецъ можетъ сравняться съ нимъ только съ помощью телескопа. Абипонецъ и караибъ различаютъ посредствомъ одного обонянія бѣлаго, негра и американца. Индѣйцы прежде выслѣживали обоняніемъ и дичь, и враговъ. Негры отличаются тѣмъ-же. Сила физическихъ чувствъ дополняется ловкостью и хитростью. Южные островитяне подъ водой отыскиваютъ раковины, гоняются за рыбами и вытаскиваютъ ихъ на своихъ пальцахъ, воткнутыхъ въ ихъ глаза. Австраліецъ ложится на скалу подъ солнцемъ съ рыбой въ рукѣ и притворяется спящимъ; птица, соколъ или воронъ, не замѣчая въ немъ движенія, бросается на рыбу, но въ то мгновеніе, какъ хочетъ схватить ее, австраліецъ ловитъ птицу и жаритъ ее. Эскимосъ ушелъ уже впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія этой первобытной охоты на птицъ. Онъ строитъ себѣ маленькую лачужку изъ снѣга съ отверстіемъ, сквозь которое онъ просовываетъ руку и овладѣваетъ птицей, прилетѣвшей на положенную вблизи приманку. Такимъ образомъ, съ помощью своихъ острыхъ чувствъ, хитрости и ловкости первобытный дикарь могъ добывать себѣ пищу. Жизнь въ тепломъ климатѣ доставляла ему возможность, даже при неудачной охотѣ, существовать растительною пищею. Дикій медъ, устрицы, рыба, которой даже въ населенныхъ странахъ бываетъ по временамъ такъ много, что ее сколько угодно можно ловить руками, доставляли значительную поддержку для его существованія. Падаль тоже нерѣдко была его пищею, и въ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

настоящее время многіе дикари подолгу кормятся трупами животныхъ, напр., китовъ, выброшенныхъ на берегъ морскими волнами. Но при всемъ томъ положеніе человѣка было шаткое и онъ чаще дѣлался добычею, чѣмъ находился въ положеніи счастливаго охотника. У него не было ни такой силы, ни такихъ естественныхъ орудій, какъ у крупныхъ животныхъ. Что онъ могъ противопоставить хоботу слона, когтямъ льва, смертоносной пасти акулы и крокодила, рогамъ буйвола? Независимо отъ этихъ естественныхъ преимуществъ, животныя обладали и нѣкоторою искуственной культурой. Бобры, медвѣди, птицы строили себѣ постоянныя жилища, а нѣкоторые виды употребляютъ даже различныя искуственныя орудія. Слоны рвутъ древесныя вѣтви и пользуются ими, какъ опахаломъ. Обезьяны употребляютъ дубины, защищаются отъ нападеній бросаньемъ палокъ и камней, раскалываютъ орѣхи круглыми камнями и т. д. Не лучше были и орудія первобытнаго человѣка. У него не было ни лука, ни стрѣлъ, какъ не было ихъ до новѣйшаго времени у австралійцевъ или тасманійцевъ, которые, во время посѣщенія ихъ Кукомъ, не имѣли ни жилищъ, ни платья, ни лодокъ, ни гарпуновъ; единственное ихъ орудіе состояло въ шестѣ, заостренномъ съ одного конца; питались-же они главнымъ образомъ раковинами. Шестъ, дубина, камень — вотъ были первичныя орудія для защиты и нападенія. Они были крайне несовершенны, но ихъ недостатки восполнялись тою мѣткостью, которою до сихъ поръ отличаются дикари. Индѣецъ насквозь пробиваетъ своей стрѣлой лошадь и буйвола. Австраліецъ за тридцать шаговъ убиваетъ голубя метательнымъ копьемъ и сражается подъ водой съ акулою съ однимъ только ножикомъ въ рукѣ.

Дубина и простой камень, служившій и молотомъ, и метательнымъ орудіемъ, не могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ первобытнаго дикаря. Постепенное усовершенствованіе ихъ, какъ это подробно показываетъ Клемъ, совершалось путемъ подражанія животнымъ, подбора и приспособленія предметовъ природы. Чтобы показать, до какой степени древнѣйшее развитіе военныхъ искуствъ могло зависѣть отъ подражательной способности человѣка, Фоксъ указываетъ на аналогію въ способахъ веденія войны у животныхъ и у людей; животныя имѣютъ оборонительныя средства въ своихъ шкурахъ, щитахъ, чешуѣ; наступательныя — колющее оружіе въ рогахъ, ударяющее въ копытахъ, отравленное

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ жалѣ и т. д.; у нихъ есть свои военныя стратагемы—бѣгство, засады, аванпосты и т. д. Все это воспроизвелъ человѣкъ и постепенно развилъ до степени утонченнаго искуства.

Камни и кости животныхъ дали ему матеріялъ для усовершенствованія своихъ орудій. Появились кремневые ножи, каменные топоры и наконечники стрѣлъ, иголки изъ рыбьихъ костей, сверлящіе инструменты изъ оленьяго рога и т. д. Все это или вовсе не обдѣлывалось, а употреблялось въ натуральномъ видѣ, или-же обдѣлывалось, выравнивалось, заострялось посредствомъ простого откалыванья. Это каменный вѣкъ необточенныхъ инструментовъ, представителей котораго уже нѣтъ на землѣ и съ которымъ знакомитъ насъ только одна историческая археологія. Раскопки, сдѣланныя въ пещерахъ южной Франціи, показываютъ, что люди той эпохи были охотники и рыболовы, не имѣли никакихъ домашнихъ животныхъ, даже собакъ, но дѣлали себѣ грубыя украшенія, шили костяными иголками съ ушками и украшали свои костяныя издѣлія не только волнообразными высѣчками, но и рѣзьбою животныхъ, сдѣланною съ замѣчательнымъ искуствомъ и вкусомъ. Способъ приготовленія каменныхъ орудій теперь вполнѣ ясенъ для археологовъ. Джонъ Ивэнсъ, напр., успѣлъ воспроизвести самые тонкіе образцы орудій посредствомъ ударовъ камня, давленія кускомъ оленьяго рога, распиливанья пластинкой изъ кремня, бурав-ленія посредствомъ палки и песка, тренія о поверхность камня. Инструменты были плохи и малочисленны, но несовершенство ихъ вознаграждалось громадною тратою времени на работу. Въ южной Америкѣ въ древности самые твердые камни, напр., изумруды, обдѣлывались въ форму просверленныхъ и высѣченныхъ цилиндровъ, имѣвшихъ подобіе плодовъ и животныхъ. Форма придавалась имъ просто посредствомъ тренія, а сверленіе дѣлалось такъ: къ твердому камню приставляли заостренный, неразвившійся листокъ дикаго подорожника и вертѣли имъ руками, пока съ помощью воды и мелкаго песку не просверливали камня. Такая работа продолжалась годы. Просверливаніе цилиндровъ, носимыхъ князьками этихъ племенъ, занимало иногда продолжительность жизни двухъ человѣкъ. Когда русскіе пришли въ Камчатку, то туземцы имѣли только такіе каменные и костяные инструменты, что для выдалбливанья ими лодки требовалось три года, а для корыта—годъ. Но какъ ни трудна была работа, она все-таки не замирала на

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

одной степени и постепенно подвигала впередъ усовершенствованіе орудій. За каменнымъ вѣкомъ необточенныхъ инструментовъ слѣдовала эпоха обточенныхъ каменныхъ орудій, представляющая собою несомнѣнный прогресъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый родъ этихъ орудій свидѣтельствуетъ о постепенномъ развитіи людей. Первобытный молотокъ, напр., это овальный голышъ, который держатъ просто рукой. Затѣмъ этотъ голышъ является съ искуственными выемками, для того, чтобы обвязать его кругомъ ивовымъ прутомъ, который служитъ рукояткою. Наконецъ, въ голышѣ стали дѣлать сквозную дыру для рукоятки. Нѣкоторыя изъ орудій, принадлежащихъ этой эпохѣ развитія человѣчества, замѣчательны въ такой степени, что многіе, на основаніи ихъ, дѣлали предположеніе, что владѣвшіе ими дикари находятся въ состояніи упадка сравнительно съ древней эпохой, когда они были гораздо болѣе цивилизованы и благодаря только этой цивилизаціи могли изобрѣтать такія орудія. Таковъ бумерангъ, австралійское метательное орудіе, которое можетъ измѣнять въ воздухѣ линію своего направленія и, достигнувъ цѣли, снова возвращаться къ бросившему. Ученые долго не могли объяснить этихъ свойствъ бумеранга и удивлялись уму его изобрѣтателей, которые, конечно, дошли до него не теоретическимъ путемъ, а случайно, постепенно подвигаясь къ нему отъ метательнаго копья и палицы.

Каменный вѣкъ обточенныхъ инструментовъ обнималъ собою очень долгую эпоху. Въ Европѣ къ нему относится не только цивилизація свайныхъ построекъ, но остатки его въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Ирландіи, сохранились до позднѣйшаго времени. Многіе сибирскіе инородцы до русскаго завоеванія, Америка и Австралія до ихъ открытія оставались въ каменномъ вѣкѣ, орудія котораго постепенно смѣнялись металическими и нерѣдко долго удерживались въ жизни, какъ освященные временемъ и наиболѣе пригодныя для религіозныхъ церемоній. Евреи совершали обрѣзаніе острыми камнями и рѣзали животныхъ каменными ножами, египтяне съ помощью послѣднихъ бальзамировали трупы и т. д. Переходъ отъ каменныхъ орудій къ металическимъ совершился, благодаря обилію во многихъ мѣстностяхъ мѣдныхъ рудъ и такой ковкости послѣднихъ, что ихъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ обдѣлывать въ инструменты, не расплавляя, какъ это еще сравнительно недавно дѣлали индѣйцы сѣверной Амери-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ки. Но мѣдныя орудія держались не долго. Случайныя прибавки олова къ расплавленной мѣди указали превосходство надъ послѣдней бронзы, которая въ Греціи господствовала еще въ эпоху троянской войны, хотя уже и вытѣснялась постепенно желѣзомъ,—металомъ болѣе прочнымъ, но гораздо менѣе удобнымъ для выплавки и ковки.

Замѣна деревянныхъ, костяныхъ и каменныхъ орудій металическими могла совершиться лишь въ то время, когда искуство добыванія огня и многосторонняго приложенія его къ житейскимъ потребностямъ стояло уже на довольно высокой степени развитія, сравнительно съ первою эпохою жизни человѣчества. Существовалъ-ли когда человѣкъ безъ огня—этотъ вопросъ интересовалъ умы втеченіи долгихъ тысячелѣтій и большею частію рѣшался утвердительно, причемъ въ мифическій періодъ мысли изобрѣтеніе огня приписывалось Прометеямъ или другимъ необыкновеннымъ существамъ, а въ позднѣйшее время, напр., у Плинія,—случаю и наблюдательности обыкновенныхъ смертныхъ. Извѣстія о народахъ безъ огня были въ большомъ ходу до позднѣйшаго времени. Положимъ, что всѣ эти извѣстія не выдерживаютъ критики, какъ это доказываетъ Тэйлоръ, но осторожность послѣдняго при рѣшеніи упомянутаго вопроса переходитъ въ совершенный педантизмъ. Все доказываетъ постепенность человѣческаго развитія изъ низшихъ формъ, а поэтому преданія о народахъ безъ огня и о народахъ, знакомыхъ съ огнемъ, но неумѣвшихъ добывать его, имѣютъ несомнѣнное историческое основаніе, хотя и могутъ быть отвергаемы относительно тѣхъ племенъ, къ которымъ они прилагались разскащиками, обличаемыми Тэйлоромъ въ недостовѣрности. Огонь, какъ и орудія, не былъ, конечно, самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ человѣка. Онъ не похищалъ его съ неба, какъ Прометей,—небо и земля сами дали его въ огнѣ вулкановъ, въ пламени, зажженномъ молніей, въ самовозгораніи дерева подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей или тренія древесныхъ вѣтвей одна о другую во время сильнаго вѣтра. Туземцы Вандименовой земли разсказываютъ, что предки ихъ получили огонь съ неба и сохраняли его, нося съ собою горящія головни; когда послѣднія гасли, то дикари искали глазами, не поднимается-ли гдѣ дымъ отъ огня другой партіи, или-же старались отыскать и раздуть тлѣющіе остатки своего недавно погасшаго огня. Подобныхъ извѣстій не

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

мало, и они вполнѣ подтверждаются обычаемъ поддержанія постояннаго священнаго огня,—обычаемъ, естественно развившимся изъ этихъ обстоятельствъ, существующимъ у нѣкоторыхъ дикарей, напр., у индѣйцевъ, и сохранившимся въ своей пережившей формѣ даже въ обществахъ высокой культуры, напр., въ Римѣ и въ Перу. Въ послѣднемъ случаѣ огонь хранился точно также ради его священной древности, какъ огонь, добытый первобытнымъ способомъ, употреблялся даже въ Европѣ вплоть до новѣйшаго времени для особенно важныхъ цѣлей, напр., для прекращенія скотскаго падежа, или пережившія каменныя орудія употреблялись для жертвоприношеній и обрѣзанія, Что-же касается первобытнаго способа добывать искуственный огонь, то онъ состоялъ въ треніи двухъ кусковъ дерева и имѣлъ длинную исторію, начавшуюся треніемъ двухъ необдѣланныхъ деревяшекъ и кончившуюся изобрѣтеніемъ очень сложныхъ деревянныхъ огнивъ. Высѣканіе огня изъ минераловъ — болѣе поздняго происхожденія, хотя и встрѣчается у многихъ дикарей.

Огонь значительно возвысилъ человѣка надъ животными, доставивъ ему возможность важныхъ улучшеній въ своей матеріяльной обстановкѣ и прежде всего въ способѣ приготовленія пищи. Пока онъ не вошелъ въ употребленіе, люди жили въ томъ-же положеніи, какъ въ недавнее еще время обитатели острововъ Факаафо, у которыхъ не найдено никакихъ слѣдовъ огня и поваренного искуства. Первымъ способомъ горячаго приготовленія пищи было, конечно, жаренье ея прямо на кострѣ, потомъ въ печахъ, которыя прошли черезъ нѣсколько фазисовъ развитія. Люди сначала не дѣлали печей, а пользовались готовыми уже для этой цѣли предметами. Жители Андаманскихъ острововъ, напр., сохраняютъ постоянно тлѣющійся огонь въ пустыхъ деревьяхъ, въ которыхъ они и жарятъ своихъ маленькихъ свиней и рыбу. Туземцы Африки съ той-же цѣлью превращаютъ въ печи муравейники, а островитяне Великаго Океана приготовляютъ пищу въ ямахъ, въ которыя кладутъ ее вмѣстѣ съ раскаленными камнями. Вареніе пищи явилось только съ усовершенствованіемъ посуды, которая первоначально состояла изъ корки тыквы, скорлупы кокосовыхъ орѣховъ и т. п. естественныхъ предметовъ, а потомъ перешла къ плетенымъ изъ вѣтвей корзинамъ, выдолбленнымъ изъ дерева корытамъ, мѣхамъ, сдѣланнымъ изъ желудка и шкуръ животныхъ, и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

т. д. Пища, приготовляемая въ этихъ сосудахъ, варилась посредствомъ положенныхъ въ нихъ раскаленныхъ камней. Чтобы сдѣлать эту посуду огнеупорною, ее начали обмазывать глиной, послѣ чего ее можно было уже прямо ставить на огонь для кипяченія налитой въ нее жидкости. Когда-же оказалось, что для этой цѣли достаточно глины, то явилось искуство дѣлать глиняную посуду. Гончарное колесо, впрочемъ, не было извѣстно ни въ каменномъ, ни въ бронзовомъ вѣкѣ, и посуда дѣлалась посредствомъ накладыванія слоевъ глины на наружную сторону раковины или коры какого-нибудь плода. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и очевидная форма тыквы, столь часто встрѣчаемая въ глиняныхъ сосудахъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга частей свѣта.

Относительно своего жилища первобытный человѣкъ былъ безпомощнѣе многихъ животныхъ, не только муравьевъ, пчелъ и бобровъ съ ихъ постройками, но даже птицъ съ ихъ гнѣздами. Говоря точнѣе, онъ не имѣлъ жилища, а спалъ на деревьяхъ, въ ямахъ, пещерахъ и т. д. Такъ почти живутъ до сихъ поръ бушмены, которые, не имѣя постоянныхъ ночлеговъ, отдыхаютъ въ ямахъ, прикрывая ихъ древесными вѣтвями, въ разсѣлинахъ скалъ, въ кустарникахъ, въ которыхъ они устраиваютъ себѣ настоящія гнѣзда. Впрочемъ, у нихъ уже появились жалкіе шалаши и хижины. Первобытный шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей и коры, съ развитіемъ скотоводства и ткацкаго ремесла, замѣнился палаткой, юртой изъ звѣриныхъ шкуръ. Болѣе прочныя жилища появляются съ развитіемъ осѣдлости. Они уже строятся изъ дерева и между прочимъ имѣютъ цѣлью безопасность обитателей ихъ отъ враговъ и хищныхъ звѣрей. Негры фертитъ и индѣйцы на Ориноко строятъ свои жилища на деревьяхъ и, взобравшись въ нихъ по лѣстницамъ, на ночь поднимаютъ послѣднія къ себѣ наверхъ. Болѣе этого распространенъ способъ строить жилища на сваяхъ, какъ это дѣлаютъ малайскія племена, дикари Новой Гвинеи и др., и какъ дѣлали это въ древности пеніане, описанные Геродотомъ. „Ихъ жилища, говоритъ онъ,—строятся такимъ образомъ: на высокихъ сваяхъ, расположенныхъ среди озера, дѣлается помостъ, имѣющій сообщеніе съ берегомъ только посредствомъ одного узенькаго моста. Сваи, поддерживающія этотъ помостъ, вбиты общими силами всѣхъ жителей, которые опредѣлили по-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

томъ, что каждый мужчина, вступающій въ бракъ, долженъ вбить три сваи на каждую свою жену. У нихъ по нѣскольку женъ. Каждый мужчина имѣетъ на упомянутомъ помостѣ свою хижину со спускомъ къ озеру. Чтобы дѣти ихъ не падали въ воду, они привязываютъ ихъ веревкою за ноги. Своихъ лошадей и вьючный скотъ они кормятъ рыбой, которой такъ много, что, опустивъ въ озеро пустую корзину, немного погодя вытаскиваютъ ее полной рыбою". Свайныя постройки, которыхъ такъ много открыто и изслѣдовано въ послѣдніе годы, особенно въ Швейцаріи, показываютъ, что и европейцы прошли черезъ ту-же ступень развитія, на какой находились въ древности Геродотовы пеніане и находятся еще до сихъ поръ многіе дикари. Отдаленный отъ насъ періодъ европейскихъ свайныхъ построекъ продолжался тысячелѣтія, и разрабатываемые остатки ихъ показываютъ намъ, какъ медленно, но постепенно и непрерывно развивались ихъ жители, какъ они отъ грубыхъ каменныхъ орудій доходили до изящныхъ издѣлій изъ бронзы, болѣе и болѣе приручали животныхъ, развивали земледѣліе, совершенствовали свое платье, переходя отъ звѣриныхъ шкуръ къ матеріямъ изъ растительныхъ и шерстяныхъ тканей, заводили обширную торговлю. Въ началѣ этого періода страна была населена малочисленными дикими племенами, а въ концѣ его—уже довольно развитымъ, могущественнымъ народомъ.

Исторія матеріяльной культуры свидѣтельствуетъ о постепенномъ прогресивномъ развитіи человѣка. Но это развитіе шло чрезвычайно медленно, шагъ-за-шагомъ, съ большими затрудненіями. Достигнувъ какого-нибудь усовершенствованія, люди нерѣдко не доводили его до конца и долго не могли сдѣлать самаго незначительнаго прибавленія къ нему. На Целебесѣ, напримѣръ, гдѣ бамбуковые дома легко наклоняются въ сторону отъ господствующаго западнаго вѣтра, туземцы нашли, что если укрѣпить нѣсколько изогнутыхъ стволовъ по сторонамъ дома, то онъ упадетъ. Поэтому они выбираютъ самыя изогнутыя деревья, не попадая на мысль, что укрѣпленныя въ косвенномъ направленіи прямыя жерди достигали-бы той-же самой цѣли. Они прошли половину дороги къ устройству подпорки и пока остановились. Но, несмотря на такую медленность роста первобытной матеріяльной культуры, развитіе ея шло непрерывно и постепенно усиливаясь и въ наши дни достигло, наконецъ, чрезвычайной быстроты.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

II.

Основы умственной культуры.

Наши предки назвали германцевъ *нѣмцами*, т. е. нѣмыми людьми, потому, конечно, что германцы, не зная ихъ языка, объяснялись съ ними посредствомъ жестовъ, какъ это дѣлаютъ глухонѣмые и всѣ дикари въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами, языкъ которыхъ имъ неизвѣстенъ. Эти разговоры жестами породили множество извѣстій о нѣмыхъ народахъ; но исторія относитъ всѣ эти извѣстія къ области мифовъ; она не знаетъ племенъ безъ языка, нѣмыхъ народовъ. Языкъ есть даже у животныхъ... Но чѣмъ ниже стоитъ человѣкъ по своему развитію, тѣмъ бѣднѣе словарь его, тѣмъ болѣе онъ употребляетъ въ разговорѣ жестовъ и тѣлодвиженій, замѣняющихъ собою слова. Языкъ бразильскихъ пурисовъ и коровдасовъ такъ бѣденъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ перемѣнъ окончаній, никакой конструкціи, которыя замѣняются жестами рукъ и рта. Чтобы сказать: *я пойду въ лѣсъ*, индѣецъ говоритъ: *лѣсъ идти*, и потомъ, вытянувъ губы на подобіе свиного рыла, указываетъ ими по направленію къ лѣсу. Для словъ *сегодня*, *завтра*, *вчера* онъ употребляетъ только слово *день*, дополняя остальное знаками. Чтобы сказать *вчера*, напр., онъ говоритъ *день* и потомъ указываетъ рукою назадъ. Подобныхъ племенъ еще не мало на землѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ, подобно арапаносамъ сѣверной Америки, такъ нуждаются въ жестахъ для передачи своихъ мыслей, что не могутъ въ темнотѣ разговаривать другъ съ другомъ. Подобно глухонѣмымъ, съ которыми дикари бесѣдуютъ довольно свободно, они, какъ между собой, такъ и съ иностранцами, могутъ посредствомъ однихъ только жестовъ вести довольно сложные разговоры. Вотъ, напр., разсказъ *жестами* индѣйскаго охотника. „Рано утромъ я сѣлъ на лошадь, поскакалъ галопомъ, перескочилъ оврагъ, потомъ съ горы спустился въ долину, гдѣ не было воды, примѣтилъ бизоновъ, погнался за ними, убилъ изъ нихъ трехъ, содралъ шкуру, положилъ мясо на лошадь, опять сѣлъ на нее и возвратился домой“. Или вотъ путешественникъ встрѣчаетъ индѣйца и спрашиваетъ его жестами: „не видѣлъ-ли ты шесть повозокъ, запряженныхъ быками, трехъ мехиканцевъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

трехъ американцевъ и еще одного человѣка верхомъ на лошади?“ Для этого онъ сначала указываетъ на индѣйца, что значитъ *ты*, потомъ на его глаза — *видѣлъ*; затѣмъ поднимаетъ всѣ пальцы правой и одинъ лѣвой руки — *шесть*, дѣлаетъ изъ пальцевъ подобіе движущихся колесъ — *повозки*; прикладываетъ руки по обѣимъ сторонамъ своей головы, изображая рога — *быки*; описываетъ знаками птицу, какъ называются *мехиканцы*, и проводитъ тремя пальцами по своему лбу, что значитъ „три бѣлыхъ брови“ или „три блѣдныхъ лица“ — *три американца*. Наконецъ, посредствомъ тѣхъ-же пальцевъ онъ изображаетъ человѣка, галопирующаго верхомъ на лошади—*одного всадника*. Языкъ жестовъ раздѣляется на два класса, которые употребляются отдѣльно или вмѣстѣ. Во-первыхъ, предметы обозначаются указываніемъ или взглядомъ на нихъ, во-вторыхъ — подражаніемъ дѣйствіямя или посредствомъ картинъ въ воздухѣ. Послѣдній, наиболѣе усовершенствованный способъ выраженія служитъ уже переходною ступенью къ языку словъ. Чтобы представить воду, напр., индѣецъ какъ-бы черпаетъ ладонью и пьетъ изъ нея. *Рѣку* онъ изображаетъ тѣмъ-же знакомъ и потомъ разводитъ руками, ладонями вверхъ, представляя этимъ обширную поверхность. Этотъ знакъ перешелъ въ языкъ западныхъ американцевъ, называющихъ рѣку *водопой* (a drink) отъ глагола *пить* (to drink), а Миссисипи— *огромный водопой*. Всѣ языки полны подобныхъ выраженій, служащихъ только переводомъ на слова первобытныхъ жестовъ. Напр., *смотрѣть сквозь пальцы*, *закрывать глаза на* ваши недостатки, *сытъ по горло* и т. д. — ничто иное, какъ такіе жесты, выраженные словами. Языкъ словъ несомнѣнно развился въ значительной степени изъ языка жестовъ, но предположеніе о безусловномъ господствѣ послѣдняго въ первобытномъ состояніи человѣчества было-бы неосновательнымъ. Даже глухонѣмые употребляютъ для выраженія своихъ мыслей нѣкоторые звуки, а у животныхъ звуковой языкъ развитъ до значительной степени совершенства. Людское племя поэтому никогда не могло быть безусловно нѣмымъ и жесты служили ему, хотя и въ значительной степени, только дополненіемъ къ звуковому способу выраженія чувствъ и мыслей. Развитіе языка состояло въ развитіи членораздѣльности звуковъ, въ изобрѣтеніи новыхъ словъ и въ замѣнѣ ими жестовъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Человѣческій языкъ на своей низшей, доступной наблюденію, ступени очень бѣденъ звуками. Гуроны не имѣютъ губныхъ буквъ, нѣкоторые индѣйцы Колумбіи не могутъ произносить *б, ф, кси, д, п, в;* въ перувіанскомъ языкѣ не было *б, д, ф, г, с, и, кси;* китайцы и многіе негры не произносятъ *р;* туземцы Новой Зеландіи не имѣютъ слѣдующихъ звуковъ: b, c, d, f, g, j, l, q, s, v, x, y, z; португальцы, открывшіе Бразилію, замѣтили, что у туземцевъ нѣтъ ни f, ни l, ни r, почему и назвали ихъ народомъ, неимѣющимъ ни fè, ни leу, ни reу, — ни вѣры, ни закона, ни короля. Не имѣя многихъ ясныхъ и опредѣленныхъ звуковъ, свойственныхъ развитымъ языкамъ, дикари употребляютъ не мало такихъ звуковъ, которые не могутъ быть вовсе выражены буквами европейскихъ алфавитовъ и походятъ на звуки, издаваемые животными. Таковы, напр., звуки прищелкивающіе, клохчущіе, булькающіе, хрюкающіе, которыми богаты языки готтентотовъ, негровъ, индѣйцевъ и т. д. Сходство первобытныхъ языковъ съ звуковымъ способомъ выраженія животныхъ не ограничивается этимъ. У животныхъ одинъ и тотъ-же звукъ; лай, напр., имѣетъ разное значеніе, смотря по интонаціи, по модуляціи музыкальной высоты своей. То-же самое видимъ мы и въ тѣхъ человѣческихъ языкахъ, которые наиболѣе сохранили свой первобытный характеръ. Благодаря интонаціи, 450 коренныхъ китайскихъ словъ имѣютъ 1,200 значеній. Въ сіамскомъ языкѣ há значитъ искать, ha̋ — чума, hà — пять; въ дагомейскомъ языкѣ so — палка, só — лошадь, sò — громъ и т. д. Бѣдные звуками, первобытные языки бѣдны и словами, что зависитъ отъ бѣднаго запаса идей первичнаго человѣка и его малоспособности къ отвлеченному мышленію. У многихъ дикарей нѣтъ, напр., такихъ словъ, какъ *дѣвица, любовь, милый, благодарность* и т. д. Словъ, выражающихъ общія понятія, тоже нѣтъ. У индѣйцевъ, напр., много названій разныхъ видовъ дуба, но слова *дубъ* нѣтъ. У туземцевъ Бразиліи нѣтъ такихъ, напр., терминовъ, какъ *цвѣтъ, тонъ, родъ, духъ* и т. д. У тасманійцевъ нѣтъ словъ *дерево* (хотя есть названія всѣхъ деревьевъ), *жосткій, мягкій, теплый, длинный, короткій* и т. д. Вмѣсто *твердый* тасманіецъ говоритъ — *какъ камень*, вмѣсто *круглый* — *какъ шаръ* или *какъ луна*.

Въ языкахъ цивилизованныхъ народовъ словъ очень много, —

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ китайскомъ, напр., 40,000, въ англійскомъ словарѣ Вебстера 70,000. Но бо̀льшая часть этихъ словъ—производныя отъ первоначальныхъ словъ или корней, которыхъ считается въ китайскомъ 450, въ еврейскомъ 500, въ санскритскомъ около тогоже. „Это обстоятельство, говоритъ Максъ Мюллеръ,—чрезвычайно упрощаетъ вопросъ о происхожденіи языка... Послѣдній оказывается вовсе не такимъ чуднымъ орудіемъ, которое служитъ живымъ изображеніемъ цѣлаго міра, даетъ форму утонченнымъ чувствованіямъ нашей души и тѣла, самымъ выспреннимъ мечтамъ нашего воображенія, способно располагать въ точной перспективѣ прошлое, настоящее и будущее и бросать на все разнообразные оттѣнки достовѣрности, сомнительности, случайности". Происхожденіе значительной части упомянутыхъ первобытныхъ словъ или корней объясняется очень просто. Это звуки, подражающіе звукамъ тѣхъ предметовъ, которые опредѣляются ими,—крикамъ, вою, топоту, треску, скрипу, стуку, визгу и т. д. Таковы, напр., *кукушка* (cuckoo, coucou, kuckuk), *квакать* (quack, caqueter, quaken), *чирикать* (chirp, zirpen), *ворковать* (coo, roucouler, gurren), *рычать* (roar, rugir, brüllen), *хохотать*, *хихикать*, *свистѣть*, *шипѣть*, *хлопать*, *визжать*, *стукъ*, *мычанье*, *дребезжать*, *плевать* и т. д., и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова подобнаго происхожденія несходны между собой въ разныхъ языкахъ, или потому, что въ одномъ языкѣ они образовались описаннымъ выше способомъ, а въ другомъ иначе, или-же потому, что звуки, давшіе имъ начало, не обладаютъ рѣзкою опредѣленностью, не могутъ быть вполнѣ точно воспроизведены человѣческимъ голосомъ и поэтому подражаніе имъ разнообразится у разныхъ племенъ. Но при всемъ томъ множество словъ этого разряда очень сходны между собой въ языкахъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ. Такъ, напр., *колоколъ* по-якамски *квалааквалалъ*, по-іолофски *валвалъ*; *нѣмой* у африканскихъ племенъ—*муму*, *имаму* и т. д., у фиджіянъ—*номо*, на языкѣ киче—*мемъ* и проч. Многія изъ этихъ подражательныхъ коренныхъ словъ происходятъ отъ междометій, выражающихъ собою то или другое состояніе человѣческаго чувства и стоящихъ наравнѣ съ нечленораздѣльными звуками животныхъ. Такъ, напр., вздохъ, выражаемый одинаково на всѣхъ почти языкахъ (по-іолофски hhihhe, по-латыни heu, по-англійски heigho, по-коптски ouae,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

по-осетински voy) даетъ глаголъ вздыхать и множество производныхъ. Oile, звукъ плача женщинъ на островахъ Фиджи, даетъ глаголъ oile—оплакивать, сѣтовать. Простые, наиболѣе удобные для произношенія, короткіе звуки *па*, *та*, *ма* и *на* послужили во всемъ мірѣ началомъ названій отца и матери съ ихъ производными. Большая часть этихъ названій вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ *папа*, *тятя* и *мама;* но во многихъ языкахъ эти названія замѣняются одно другимъ: по-чилійски, напр., *папа*—мать, по-тлатсканайски *мама* — отецъ; русское *няня* соотвѣтствуетъ санскритскому nana — мать, яванскому nini — дѣдъ, испанскому nina—дитя, миланскому ninin — постель. Такимъ образомъ, извѣстное чувство выражается посредствомъ извѣстныхъ, наиболѣе гармонирующихъ съ нимъ звуковъ. Хотя физіологія и филологія еще далеки отъ научнаго объясненія этого процеса образованія словъ, неимѣющихъ подражательнаго происхожденія, но не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутыя слова произошли именно такимъ способомъ, остающимся до сихъ поръ неразъясненнымъ.

Развитіе письменности или способа передачи словъ и мыслей писаными знаками совершалось по тому-же методу, какъ и развитіе языка. Дикіе народы считаютъ письмо и чтеніе своего рода волшебствомъ. Когда отаитяне увидѣли, что миссіонеры обмѣниваются другъ съ другомъ своими мыслями посредствомъ какихъ-то бумагъ, испещренныхъ какими-то знаками, то, удивляясь столь искусному волшебству, они прикладывали письма къ ушамъ, слушая, что говорятъ они. Гренландцы также думали, что читающіе повторяютъ только то, что таинственнымъ голосомъ говоритъ имъ книга. Но въ такое изумленіе приводитъ дикаря только усовершенствованный, позднѣйшій видъ письменности, начатки которой рано встрѣчаются въ исторіи развитія. Письменность началась фигурнымъ или картиннымъ способомъ передачи мыслей, образцы котораго мы можемъ видѣть у всѣхъ дикарей и въ древнихъ изображеніяхъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ на скалахъ Америки, Сибири, Австраліи и т. д. Для объясненія характера этого письма достаточно привести переданный фигурами, на обнаженной отъ коры соснѣ, слѣдующій коротенькій индѣйскій разсказъ. На правой сторонѣ рисунка представлены двѣ лодки; въ одной изъ нихъ находится полосатая акула, въ другой—мифическое животное, называемое мѣднохвостымъ медвѣдемъ. На лѣвой сторонѣ изображе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ны бѣгущими отъ лодокъ медвѣдь и шесть акулъ. Значеніе картины то, что „два охотника, изъ которыхъ одинъ назывался Мѣднохвостымъ Медвѣдемъ, а другой—Акулой, отправились въ двухъ лодкахъ на охоту и убили медвѣдя да шесть акулъ". Нѣкоторые виды этого письма могутъ быть понятны только самому ограниченному кругу читателей, такъ-какъ они служатъ не способомъ передачи заключающагося въ нихъ смысла, который можетъ быть и неизвѣстенъ заранѣе, а только средствомъ напоминанія извѣстнаго. Письма и заклинанія индѣйцевъ сѣверной Америки, напр., произносятся или поются наизустъ, но для пособія пѣвцу дѣлаются фигурныя изображенія на палочкахъ или древесной корѣ, для напоминанія порядка и содержанія стиховъ. Такъ, напр., изображеніе человѣка съ двумя знаками на груди и четырьмя на бедрахъ напоминаетъ пѣвцу, что въ этомъ мѣстѣ должно пѣть слѣдующіе стихи: „два дня ты долженъ поститься, мой другъ, четыре дня сидѣть въ безмолвіи". Числа изображались сначала тоже фигурнымъ способомъ, который до сихъ поръ удержался въ римскихъ цифрахъ I, II, III. Сосчитавъ до десяти, многіе дикари ставятъ знакъ креста, что̀ сохранилось до сихъ поръ въ китайскомъ и римскомъ цифроначертаніи; въ первомъ десять изображалось +, а во второмъ знакомъ X, половина котораго, V, обозначаетъ пять. Какъ ни несовершенна эта первобытная форма письменности, но при господствѣ ея возможно было уже возникновеніе картографіи и письменныхъ памятниковъ, служащихъ лѣтописями, календарями, памятными книгами и т. д. Образцомъ этихъ памятниковъ могутъ служить счетныя бирки, которыя до сихъ поръ еще употребляются нашими крестьянами. Нѣкоторыя дикія племена пользуются подобными-же бирками для записыванія на нихъ посредствомъ разнообразныхъ надрѣзовъ своихъ покупокъ, продажъ, долговъ и т. д. На Сандвичевыхъ островахъ сборщики податей употребляли вмѣсто реестра длинную веревку съ навязанными на нее меньшими веревками и раковинами. У многихъ дикихъ племенъ Азіи, Африки, Австраліи и Америки существуютъ подобныя-же орудія записыванія, если можно такъ выразиться, цифръ и фактовъ. Китайцы въ древности тоже употребляли веревочный снарядъ, разнообразно расположенные узлы котораго замѣняли собой буквы, а весь онъ служилъ вмѣсто записной книги. Этотъ снарядъ,—первобытную, пережившую форму

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

котораго мы можемъ видѣть даже въ современной жизни, въ узлахъ, навязываемыхъ на платкѣ, для напоминанія, напр., о предметахъ, которые слѣдуетъ купить на базарѣ,—этотъ снарядъ былъ доведенъ до возможнаго совершенства въ Перу, гдѣ онъ назывался *квипосомъ*. Квипосъ состоитъ изъ толстой главной веревки и привязанныхъ къ ней на извѣстныхъ разстояніяхъ тонкихъ веревокъ. Послѣднія большею частію разнаго цвѣта, для обозначенія разныхъ родовъ предметовъ. Веревка краснаго цвѣта обозначала солдатъ, желтаго цвѣта—золото, зеленаго—хлѣбъ и т. д. Такимъ образомъ велись финансовые счеты, списки войскамъ, отчеты о сраженіяхъ, даже хроники наиболѣе замѣчательныхъ событій, законовъ, указовъ. Въ каждомъ городѣ были особые чиновники, которые вели эти узловые списки, хранили ихъ и толковали, доводя эту систему постоянной практикой до замѣчательной степени совершенства.

Фигурное письмо и квипосообразные снаряды долго могли удовлетворять всѣмъ интелектуальнымъ и общественнымъ потребностямъ древней жизни, въ которой очень рано мы находимъ даже и начатки картографіи. Эскимосы, индѣйцы, киргизы могутъ чертить карты знакомыхъ имъ мѣстностей. Туземцы Таити тоже составляютъ карты для иноземныхъ посѣтителей. Картографическое искуство, какъ и вообще фигурное письмо, достигло своего высшаго развитія въ Египтѣ, Мехикѣ и Перу. Въ этихъ странахъ окончательно совершился переходъ первобытнаго фигурнаго письма къ гіероглифамъ и фонетической системѣ. Переходъ этотъ, впрочемъ, начался еще въ дикой жизни. Виргинскіе индѣйцы, напр., обозначали время извѣстными гіероглифическими знаками, которые рисовались на кожахъ, хранившихся у жрецовъ. Годъ прибытія европейцевъ, напр., былъ обозначенъ лебедемъ, извергающимъ изо рта огонь и дымъ. Бѣлый цвѣтъ птицы и ея жизнь на водѣ служили знакомъ блѣднолицыхъ людей и ихъ прибытія по морю, а огонь и дымъ напоминали объ огнестрѣльномъ оружіи пришельцевъ. Но эти гіероглифы служили для напоминанія, а не для *чтенія*. Чтеніе возможно сдѣлалось только съ переходомъ къ фонетическому фигурному письму, какое мы видимъ въ Египтѣ и Мехикѣ. Египетскіе гіероглифы раздѣляются на два класса. Одни изъ этихъ изображеній имѣютъ фигурное значеніе, напр., фигура лошади значитъ лошадь; другіе-же читаются фонетически, напр.,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

фигура ремня, по-египетски m-s, служитъ знакомъ для звука m-s. По мехиканской азбукѣ, слово *теокалтланъ* (мѣсто дома божія) изображалось сложнымъ изображеніемъ губъ (*те*), дорожки (*о*), дома (*кал*) и зубовъ (*тлан*). Этотъ способъ письма, до сихъ поръ употребляющійся въ своей пережившей формѣ въ новѣйшей жизни, именно въ видѣ шарадъ, — перешелъ въ болѣе удобную систему буквъ, нефигурныхъ знаковъ, служащихъ для обозначенія сложныхъ звуковъ или слоговъ, и простыхъ звуковъ.

Искуство счисленія, составляющее одну изъ основъ цивилизаціи, развилось тѣмъ-же путемъ, какъ и всѣ другія отрасли послѣдней. „Всѣ основныя истины науки о числѣ, говоритъ Миль,— опираются на свидѣтельствѣ чувствъ: онѣ доказываются опытомъ нашихъ глазъ и нашихъ пальцевъ, что всякое данное количество предметовъ, напр., 10 шаровъ, можетъ разъединеніемъ и возсоединеніемъ представить нашимъ чувствамъ всевозможныя группировки чиселъ, сумма которыхъ равна десяти. Всѣ усовершенствованные методы обученія дѣтей арифметикѣ основываются на знакомствѣ съ этимъ фактомъ“. Но до того, чему теперь можно выучить ребенка втеченіи нѣсколькихъ недѣль, первобытное человѣчество доходило путемъ опыта впродолженіи долгой эпохи своего младенчества. До сихъ поръ многія племена стоятъ до того низко въ этомъ отношеніи, что буквально „двухъ перечесть не умѣютъ“, по пословицѣ. Въ языкѣ ботокудовъ только три цифры—*1, 2 и много*, равно какъ и у тасманійцевъ. Туземцы Бразиліи считаютъ только до 3, дальше-же слѣдуетъ *много*. Большинство дикарей Австраліи считаютъ только до 5 и самые развитые изъ нихъ— до 20. „Сосчитать десять, говоритъ одинъ путешественникъ,— эскимосу трудно, а пятнадцать для многихъ положительно невозможно“. Если спросить эскимоса о числѣ его дѣтей, то онъ, обыкновенно, сначала смѣшается, потомъ начнетъ считать по пальцамъ, посовѣтуется съ своей женой, которая иногда заспоритъ съ нимъ о числѣ своихъ ребятъ, хотя-бы ихъ было не болѣе 4 или 5. Когда нумерація начнетъ идти далѣе двухъ, то числительныя не составляютъ отдѣльнаго слова для каждой цифры, а образуются просто посредствомъ повторенія двухъ или трехъ словъ. Одно австралійское племя, напр., подобно множеству другихъ дикарей, считаетъ до шести такимъ образомъ:

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Одинъ — нетатъ.
Два — несъ.
Три — несъ-нетатъ.
Четыре — несъ-несъ.
Пять — несъ-несъ-нетатъ.
Шесть — несъ-несъ-несъ.

Такой дикарь можетъ считать и нѣсколько дальше, но уже не съ помощью словъ, а при пособіи какихъ-нибудь матеріяльныхъ предметовъ, которые могли-бы служить опорою и воплощеніемъ его слабой мысли. Тутъ помогаютъ дикарю его собственные члены. Подобно тому, какъ мѣры длины произошли отъ руки (*локоть*) и *ноги* (*футъ*), такъ и первобытный счетъ былъ основанъ на пальцахъ, какимъ мы находимъ его до сихъ поръ у большинства культурныхъ народовъ. Этотъ счетъ не только развиваетъ числительную способность, но и даетъ возможность выражать цифры словами, уже имѣющимися въ скудномъ языкѣ. Сосчитавъ до 5, дикарь говоритъ *одна рука*; 6—*одинъ на другой рукѣ* и т. д. до 10; это число передается выраженіемъ *обѣ руки* или *полчеловѣка*. Для обозначенія 11 вытягиваются обѣ руки и одна нога съ словами *одинъ на ногѣ* и т. д. до 15, что передается словами *цѣлая нога*; 16—*одинъ на другой ногѣ*; 20—*цѣлый человѣкъ*; 21—*одинъ на рукѣ другого человѣка*; 100—*пять человѣкъ* и т. д. Такой предметный счетъ, служащій уже признакомъ развитыхъ сравнительно племенъ, основывается не на однихъ пальцахъ. Для этого употреблялись въ первобытныя времена и посторонніе предметы. Слово calculation (вычисленіе, счетъ) указываетъ на первоначальное искуство считать посредствомъ кремней, calculi. На то-же указываетъ и мехиканскій счетъ, въ которомъ слово *телль* (камень) служило окончаніемъ цифръ; напр., *центель*, 1, значитъ собственно одинъ камень, 3 *етель*,—три камня и т. д. Малайцы говорятъ не просто *одинъ*, са, а *одинъ камень*, савату; яванцы — *одно зерно*, саваджи, ніасы—*одинъ плодъ*, сумбуа, и т. д. Маркизцы, вслѣдствіе обыкновенія связывать плоды хлѣбнаго дерева по четыре въ пучекъ, говорятъ вмѣсто 4—*пучекъ*, пона. Такимъ-же образомъ составились іорубское 40—„связка“, маорисское 100—„вязанка“ и мн. др. Во множествѣ языковъ слово *пять* происходитъ отъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

названія руки. Зулусы начинаютъ считать съ мизинца лѣвой руки, потомъ, „кончивъ руку", т. е. насчитавъ 5, переходятъ къ большому пальцу правой руки, и, такимъ образомъ, слово *берущій большой палецъ* становится числительнымъ шесть; а слово *указатель*, какъ называется указательный палецъ, превращается въ числительное 7. Въ нѣкоторыхъ языкахъ выраженіе 2 происходитъ отъ слова *крыло*. Первобытное значеніе многихъ числительныхъ теперь уже забыто, но изъ приведенныхъ примѣровъ читатель можетъ понять процесъ образованія ихъ. Нумерическія системы произошли тѣмъ-же путемъ. Счетъ по пальцамъ одной руки до 5 и затѣмъ по пальцамъ другой руки породилъ пятичную, квинарную систему, какую мы видимъ, напр., у полинезійцевъ, считающихъ такъ: 1, 2, 3, 4, 5, 5—1, 5—2 и т. д. Счетъ при помощи обѣихъ рукъ до десяти и далѣе десятками далъ десятичную систему, въ которой цифры свыше 10 составляются посредствомъ прибавленія къ 10 всѣхъ по порядку первыхъ цифръ: одинадцать—10—1, пятнадцать 10—5, двадцать два 20—2 и т. д. Двудесятичная система, происшедшая отъ первобытнаго счета до 20 по пальцамъ рукъ и ногъ, до сихъ поръ еще уцѣлѣла отчасти во французскомъ языкѣ, въ которомъ 4 раза 20 (quatre-vingts) значитъ 80; 4 раза 20 и 13 (quatre-vingts-treize) 93 и т. д.

При всей бѣглости этого журнальнаго очерка, читатель можетъ видѣть, что человѣческая культура началась съ самыхъ грубыхъ и несовершенныхъ формъ. Умъ первобытнаго человѣка, этотъ факторъ прогреса, также вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру своихъ произведеній. Онъ не обладалъ на-столько силой и энергіей, чтобы сразу сдѣлать человѣка вѣнцомъ созданія. „Мышленіе для большинства дикарей весьма трудно, говоритъ одинъ африканскій путешественникъ; — если ихъ спрашиваютъ о чемъ-нибудь невещественномъ, то они скоро жалуются на утомленіе *и головную боль*". „Умъ туземцевъ, говоритъ по поводу индѣйцевъ другой путешественникъ, — находится вообще въ сонномъ состояніи, и если вы зададите имъ какой-нибудь новый для нихъ вопросъ, то вы должны будете повторять его до тѣхъ поръ, пока умъ дикаря не пробудится". „Я часто разспрашивалъ негровъ, разсказываетъ Мунго Паркъ, — что дѣлается съ солнцемъ ночью и видимъ-ли мы одно и то-же солнце или разныя каждое утро; но оказалось, что они считаютъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

эти вопросы глупыми. Предметъ казался имъ недоступнымъ для человѣческаго пониманія; они никогда не старались сдѣлать какую-нибудь догадку или составить гипотезу по этому вопросу". Выслушавъ объясненія Доброцгофера о красотѣ звѣзднаго неба, заставляющей предположить всесовершеннаго фактора ея, абипонцы отвѣчали: „мой отецъ, наши дѣды и предки смотрѣли только на землю и заботились только о травѣ да водѣ для лошадей. Что-же происходитъ на небѣ и кто царствуетъ надъ звѣздами, о томъ они не думали". Однакожъ, на основаніи этихъ данныхъ невозможно заключать объ абсолютной бездѣятельности и слабости ума дикаря. Онъ дѣйствуетъ, но понемногу, съ большими отдыхами, и только у натуръ исключительныхъ проявляется въ такой силѣ, что возбуждаетъ очень широкіе вопросы и добивается отвѣта на нихъ. Коль скоро вопросъ какъ-нибудь рѣшенъ, дикарь успокоивается на этомъ рѣшеніи, утомленный непривычнымъ для него напряженіемъ умъ впадаетъ въ апатію и не только не старается провѣрить рѣшенной задачи, но часто даже не доводитъ ея рѣшенія до конца. Вотъ что разсказываетъ Леженъ о канадскихъ туземцахъ. „Я спросилъ у нихъ, отчего происходитъ затмѣніе луны и солнца? Они отвѣчали, что луна затмѣвается оттого, что беретъ на руки своего сына, который и заслоняетъ отъ насъ ея свѣтъ. — Если у луны есть сынъ, стало быть она замужняя? спросилъ я.—Да, сказали они,—ея мужъ—солнце, который ходитъ весь день, а она всю ночь, и если онъ затмѣвается или темнѣетъ, это значитъ, что и онъ беретъ иногда на руки своего сына отъ луны.—Да ни луна, ни солнце не имѣютъ рукъ, говорилъ я имъ.—Ты ничего не понимаешь: они постоянно держатъ передъ собой натянутые луки, вотъ почему и не видно ихъ рукъ.—Въ кого-же они хотятъ стрѣлять?—А мы почемъ знаемъ!" Этой-же апатіей ума объясняется и то обстоятельство, что у дикарей такъ слабо стремленіе къ чему-нибудь лучшему, чѣмъ наличныя данныя ихъ жизни. „Жители полярныхъ странъ, говоритъ Вайцъ,—не стремятся къ югу, чтобы улучшить свое положеніе, какъ обитатели жаркаго и вреднаго климата не стараются перемѣнить своего мѣста жительства на болѣе благопріятное... Въ какой-бы крайней бѣдности ни жило извѣстное племя, оно все-таки считаетъ свою страну и свой образъ жизни лучшими всѣхъ другихъ... Первобытный человѣкъ вполнѣ до-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

воленъ собой и своей участью, въ то время какъ среди цивилизованныхъ народовъ такъ рѣдко можно найти кого-нибудь довольнаго". Лѣнь и бездѣятельность — идеалъ дикаря, и только настоятельная нужда заставляетъ его трудиться на-столько, чтобы удовлетворить своимъ настоящимъ потребностямъ. Онъ не заботится объ отдаленномъ будущемъ и начинаетъ думать о немъ лишь тогда, когда оно сдѣлается настоящимъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ чистый ребенокъ. Одинъ индѣецъ говорилъ бѣлому: „ахъ, мой братъ, ты никогда не узнаешь счастья ни о чемъ не думать и ничего не дѣлать; послѣ сна это первое блаженство. Таковы были мы отъ рожденія, таковы будемъ и послѣ смерти". Потомъ, высказавъ свое презрѣніе къ неустанной дѣятельности бѣлыхъ, онъ продолжалъ: „мы, напротивъ, живемъ только настоящимъ; прошедшее ничто иное, какъ дымъ, разсѣеваемый вѣтромъ; будущее-же—но гдѣ оно? оно еще не пришло и, можетъ быть, мы его не увидимъ. Будемъ-же наслаждаться нынѣшнимъ днемъ, завтра онъ уже будетъ далеко отъ насъ!" Подчиненный вполнѣ вліяніямъ природы и настоящей минуты, дикарь, подобно ребенку, не имѣетъ никакого постоянства въ своемъ характерѣ. Читая путешественниковъ, удивляешься противорѣчію ихъ показаній о характерѣ натурныхъ племенъ. Одни описываютъ ихъ добрыми и искренными, другіе—жестокими и коварными, одни—дѣятельными, другіе—лѣнивыми и т. д. Большая часть подобныхъ противорѣчій объясняется именно невыработанностью характера этихъ народовъ, мало способныхъ къ самоопредѣленности дѣйствій и быстро переходящихъ изъ одного состоянія въ другое подъ давленіемъ внѣшнихъ вліяній. Чикитосы, люди довольно добродушные, продаютъ часто даже своихъ дѣтей за прельстившую ихъ бездѣлицу. Караибы продаютъ все гораздо дешевле натощакъ, утромъ, чѣмъ вечеромъ. Ричардсонъ разсказываетъ о догрибскихъ индѣйцахъ, что ни щедрой платой и ничѣмъ нельзя было заставить ихъ акуратно доставлять посылаемыя съ ними письма. „Малѣйшее затрудненіе, желаніе поѣсть дичины или внезапное побужденіе посѣтить какого-нибудь друга заставляли ихъ откладывать исполненіе порученія на неопредѣленное время". „Полинезійцы, говоритъ Герландъ,—вполнѣ зависятъ отъ своихъ душевныхъ движеній. Цѣлыя общества могутъ внезапно переходить отъ самой шумной радости къ самой глубокой печали, если

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

они вспомнятъ случайно о чемъ-нибудь горестномъ, и наоборотъ". „Они, говоритъ Кукъ,—подобно дѣтямъ, всегда готовы выражать свое сильно возбужденное чувство слезами, которыя такъ-же скоро и забываются, какъ у дѣтей. Они никогда не стараются скрывать своихъ чувствованій и всегда находятся подъ вліяніемъ настоящаго, какъ-бы часто оно ни измѣнялось".

Человѣкъ имѣетъ въ своемъ сознаніи только то, что онъ извѣдалъ на опытѣ. Кругъ-же опыта дикаря очень ограниченъ. Что знаетъ, напр., эскимосъ? Онъ видитъ только снѣгъ, ледъ, эскимосовъ, онъ имѣетъ только чувственныя представленія объ ѣдѣ, снѣ, половомъ актѣ и т. д. У дикаря очень мало знаній. Спиксъ и Марціусъ не нашли, напр., у индѣйцевъ никакихъ слѣдовъ понятія о воздухѣ. Петербургское библейское общество не могло перевести даже *Отче нашъ* на чукотскій языкъ за неимѣніемъ въ послѣднемъ многихъ словъ для выраженія понятій, заключающихся въ этой простой молитвѣ. На языкѣ госовъ Индустана вовсе нѣтъ эпитетовъ, выражающихъ нѣжность. Въ одномъ изъ богатѣйшихъ языковъ сѣверной Америки, алгоквинскомъ, въ XVII вѣкѣ миссіонеры не нашли слова *любить*. У нѣкоторыхъ дикарей до сихъ поръ нѣтъ такихъ обыденныхъ словъ и понятій, какъ *дѣвица*, *вѣрность*, *благодарность* и т. д. Слабость мышленія дикаря рѣзко проявляется въ его неспособности обобщать свои представленія. Алгоквинцы, напримѣръ, не имѣютъ общаго названія *дубъ*. Въ языкахъ бразильскихъ племенъ нѣтъ словъ для выраженія понятій *цвѣтъ*, *тонъ*, *полъ*, *родъ*, *духъ*, *растеніе*, *животное* и т. д. У многихъ индѣйцевъ есть особыя названія для ноги человѣка, собаки, ворона и проч., но нѣтъ общаго слова *нога*. Въ натурномъ состояніи у человѣка слабъ анализъ. онъ не можетъ раздѣлять, классифицировать, обобщать своихъ представленій; онъ часто не отличаетъ даже своихъ сновидѣній и мечтаній отъ дѣйствительности и совершенно отожествляетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже смѣшиваетъ часть и цѣлое, какъ мы видимъ въ колдовствѣ, въ этомъ пережившемъ остаткѣ первобытнаго міросозерцанія. Во всѣхъ частяхъ свѣта чародѣи добываютъ очески волосъ своего врага, обрѣзки ногтей, остатки его пищи и другія части его тѣла или выдѣленій, чтобы посредствомъ ихъ повредить самому человѣку. Вредъ, сдѣланный части, напр., сожженіе ея, считается достаточнымъ для причиненія вреда

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

цѣлому, въ составъ котораго входила эта часть. Если хотите нанести вредъ какому-нибудь человѣку, то положите на порогъ его одежду, произнесите надъ нею его имя, и когда потомъ вы будете бить эту одежду, то вашъ врагъ будетъ чувствовать каждый ударъ точно такъ-же, какъ если-бы онъ наносился по его собственному тѣлу. Имя—это часть человѣка и посредствомъ его съ послѣднимъ можно сдѣлать что угодно. Поэтому-то, изъ боязни вѣдовскихъ чаръ, дикари и скрываютъ свое имя отъ всякаго чужого человѣка. Точно также первобытный умъ не въ состояніи отдѣлить окончательно изображеніе отъ оригинала. Свою тѣнь, свое отображеніе въ водѣ первичный человѣкъ считалъ своимъ двойникомъ, своей душой. Дикари до сихъ поръ приходятъ въ ужасъ, если кто вздумаетъ снять съ нихъ портретъ. Намѣреніе рисовать ихъ можетъ обратить ихъ въ бѣгство или довести до такого ожесточенія, что они готовы убить рисовальщика. Имѣть у себя портретъ кого-нибудь—все равно, что имѣть въ своемъ распоряженіи оригиналъ. По первобытному воззрѣнію, между предметомъ и его изображеніемъ существуетъ дѣйствительная связь, и извѣстное дѣйствіе, совершенное надъ изображеніемъ, отражается вполнѣ на оригиналѣ. На этомъ основаны многоразличные способы волшебства, посредствомъ которыхъ человѣку можно причинить болѣзнь, страданіе, смерть, сожигая или прокалывая его изображеніе, истребляя его волосъ и т. д. Часть отожествлялась съ цѣлымъ, подобіе считалось тожествомъ, слѣдованіе явленій одно за другимъ—ихъ причинной связью. Логика въ эпоху дѣтства рода человѣческаго была совершенно другая, чѣмъ теперь, и съ помощью этой логики человѣкъ долго не могъ опредѣлить своихъ истинныхъ отношеній къ природѣ. Онъ не понималъ ни природы, ни самого себя, и не предчувствовалъ тѣхъ могучихъ силъ, которыя таились въ немъ и постепенно, незамѣтно возвышали его надъ природой.

С. Шашковъ.

(Окончаніе будетъ.)

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Сосредоточенное вниманіе Европы на борьбѣ Сербіи съ Турціей. — Гдѣ искать окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса?—Можетъ-ли мечъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ? Роль Франціи въ событіяхъ Балканскаго полуострова. — Политика невмѣшательства, предписываемая осторожностью. — Положеніемъ, принятымъ различными государствами въ крымскую войну, обусловливаются дальнѣйшія событія. — Опасенія французовъ. — Боязнь иниціативы. — Недовѣріе къ приближеннымъ маршала Мак-Магона.—Посредственный уровень французской администраціи.—Симпатіи большинства французскаго народа къ сербамъ.—Клерикалы сочувствуютъ туркамъ. — Воззваніе Виктора Гюго. — Вліяніе клерикаловъ на французскую политику по восточному вопросу.—Мнѣніе „Journal des Dèbats“ о брошюрѣ Гладстона. — Апатія и своекорыстіе французской буржуазіи. — Причины политики удаленія. — Несостоятельность французской магистратуры.— Неожиданныя послѣдствія несмѣняемости судей.—Склонность французскихъ судей къ произнесенію обвинительныхъ приговоровъ. — Суды исправительной полиціи. — Политическій характеръ французской полиціи. — Франція можетъ подняться только поднятіемъ нравственнаго уровня своей магистратуры.

I.

Событія Балканскаго полуострова по-прежнему сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе Европы. Образованное меньшинство съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдитъ за развитіемъ борьбы, предпринятой ничтожной горстью славянскаго населенія противъ громадной турецкой имперіи и превратившейся въ упорную и отчаянную войну; въ массахъ европейскаго населенія, особенно въ Англіи, послѣ злодѣйствъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи, возбуждено чувство состраданія къ несчастнымъ жертвамъ и чувство глубочайшаго отвращенія къ ихъ палачамъ. Телеграфныя проволоки по всѣмъ направленіямъ Европы работаютъ дѣятельно, дипломатическія сношенія ведутся энергично, отовсюду стекаются во-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

76 оксидъ

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

III.

Первичный фетишизмъ.

Множество путешественниковъ и этнографовъ упоминаютъ о племенахъ, будто-бы неимѣющихъ никакихъ вѣрованій, никакихъ религіозныхъ представленій. Въ извѣстной книгѣ Лебока, „Prehistoric Times“, собраны свидѣтельства обо всѣхъ подобныхъ народахъ, но ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не выдерживаетъ критики. Говорящіе о мнимомъ атеизмѣ первобытныхъ народовъ путешественники и миссіонеры не находили у нихъ религіи потому только, что прикладывали къ нимъ мѣрку своихъ религіозныхъ понятій. Эта субъективность взглядовъ доходитъ у нихъ до смѣшного, и одинъ миссіонеръ XVIII вѣка называетъ дикарей даже „вольнодумцами и матеріялистами“, приравнивая ихъ къ извѣстнымъ философамъ своего времени! Тенденціозные писатели противоположнаго лагеря, вродѣ Бюхнера, нерѣдко пользуются для своихъ цѣлей подобными свидѣтельствами, не провѣряя ихъ фактически, и видятъ атеизмъ въ той эпохѣ человѣческаго развитія, которая теистична въ высшей степени. Конечно, первобытный дикарь, неимѣющій никакихъ общихъ идей, неспособный даже „пяти перечесть“, не можетъ имѣть сколько-нибудь утонченныхъ религіозныхъ представленій; но онъ такъ слабъ умственно, поставленъ въ такую зависимость и отъ животныхъ, и отъ неодушевленной природы, что чувство этой зависимости ведетъ къ формированію извѣстныхъ вѣрованій и религіозныхъ отношеній къ природѣ. Чувство зависимости отъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

природы неизбѣжно даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, и каковы-бы ни были тѣ представленія и понятія, которыя подъ вліяніемъ этого чувства составлялись въ головѣ первобытнаго человѣка, они во всякомъ случаѣ должны быть названы религіей.

Смотря на всю природу съ чисто-субъективной точки зрѣнія, мѣряя все на свой аршинъ, первобытный человѣкъ создалъ ту систему очеловѣкотворенія, которая лежитъ въ основѣ первичныхъ религіозныхъ представленій. Онъ не отдѣлялъ себя отъ природы и всѣ явленія ея объяснялъ тѣмъ, что предполагалъ въ нихъ такую-же точно жизнь, какую сознавалъ въ самомъ себѣ. Перенесеніе психическихъ свойствъ человѣка на животныхъ было, конечно, первымъ фазисомъ развитія этой системы. Животныя имѣютъ такъ много общаго съ людьми, что отожествленіе ихъ въ умѣ первобытнаго человѣка было неизбѣжно. Дикарь ставитъ многихъ животныхъ гораздо выше себя въ умственномъ отношеніи. Индѣйцы говорятъ, что бобры и бѣлые *самые умные люди* въ мірѣ. На Сенегалѣ, въ Кордофанѣ и Бразиліи обезьянамъ приписывается человѣческій разумъ и способность говорить, которою они не пользуются изъ боязни попасть въ рабство. Арабъ бесѣдуетъ съ своей лошадью, а индѣецъ съ своей собакой. Животные, по первобытному воззрѣнію, ведутъ такой-же образъ жизни и имѣютъ такое-же общественное устройство, какъ люди; у нихъ есть свои совѣщательныя собранія, они ведутъ свои войны и т. д. Все, что впослѣдствіи разсказывается въ назиданіе дѣтямъ въ пережившихъ остаткахъ животнаго эпоса, въ басняхъ, — все это въ дѣтскій періодъ рода человѣческаго было не алегоріей, не сказкой, а голою фактическою истиной. Первобытный человѣкъ въ своей борьбѣ за существованіе съ остальнымъ животнымъ міромъ извѣдалъ горькимъ опытомъ превосходство надъ собою многихъ животныхъ не только по ихъ физической силѣ, но и по ихъ хитрости. Онъ преклонился передъ ними и призналъ ихъ своими старшими братьями, даже своими родителями. Жители Тибета и нѣкоторыя племена сѣверной Америки, Индіи и Африки считаютъ себя потомками обезьянъ; камчадалы и индѣйцы чиппевей производятъ себя отъ собаки и т. д. Признавъ животныхъ че-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ловѣкоподобными существами и чувствуя ихъ превосходство надъ собой, первобытный дикарь естественно дошелъ до идеи зависимости своей судьбы отъ ихъ произвола, до сознанія необходимости упрашивать ихъ о милости, ублажать жертвами и знаками почтенія. Возникло поклоненіе животнымъ, до сихъ поръ еще существующее въ своей первичной формѣ во многихъ странахъ. Левъ и тигръ, слонъ и китъ, медвѣдь, крокодилъ, орелъ и акула, китъ, змѣя, голубь, скорпіонъ — всѣ виды животнаго царства фигурируютъ въ первобытномъ пантеонѣ и будущій царь пресмыкается передъ самыми отвратительными гадинами. Сибирскій остякъ до сихъ поръ клянется именемъ медвѣдя, которому финны приписываютъ человѣческій умъ и двѣнадцать человѣческихъ силъ. Жители Суматры покланяются тигру и считаютъ своимъ долгомъ предупреждать его об опасности, которою угрожаютъ ему капканы, разставленные е лейцами. Въ Сіамѣ еще не такъ давно слонъ считался втор ъ королемъ и имѣлъ королевскую душу. Во многихъ мѣста Африки божественные крокодилы пользуются величайшими почестями и откармливаются лучшими яствами, даже мясомъ живыхъ дѣтей. Змѣя была самымъ популярнымъ божествомъ на всей поверхности земного шара и до сихъ поръ стоитъ у многихъ народовъ во главѣ ихъ пантеоновъ. Въ западной Африкѣ до сихъ поръ города и селенія кишатъ священными змѣями, которыя окружены всѣми съѣдобными благами и убійство которыхъ европейцами нерѣдко вело за собой истребленіе послѣднихъ фанатичными змѣепоклонниками. Въ Видахѣ, во время Босмана, святыя змѣи встрѣчались на каждомъ шагу; ихъ царемъ считалось громадное чудовище, жившее въ особомъ домѣ и нерѣдко получавшее даже человѣческія жертвы. Самъ царь не удостоивался видѣть этой змѣи и молился ей только въ преддверіи храма. Кромѣ многочисленнаго штата жрецовъ, это божество имѣло свой гаремъ, для котораго набирались и спеціально подготовлялись дѣвушки 8—12 лѣтъ. По достиженіи зрѣлости онѣ въ торжественной ночной процесіи, украшенныя цвѣтами, приводились въ яму, служившую брачнымъ покоемъ, проводили здѣсь ночь и съ тѣхъ поръ считались женами божества, отъ котораго, однакожь, чудеснымъ образомъ онѣ рождали дѣтей, а не змѣй...

Digital Library (repository
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Тѣ-же самыя причины, которыя вели къ очеловѣкотворенію и затѣмъ къ обоготворенію животныхъ, заставляли первобытнаго человѣка распространить свои субъективныя понятія и на міръ растеній. Убѣжденіе въ святости хлѣба и въ томъ, что грѣшно небрежно обходиться съ нимъ, есть ничто иное, какъ пережившій остатокъ той эпохи человѣческаго развитія, когда люди покланялись деревьямъ, боготворили рисъ, кукурузу и чеснокъ и считали живымъ божественнымъ существомъ цвѣтокъ лотоса. Древнія, особенно большія и оригинальныя по формѣ деревья, полезныя или вредныя растенія до сихъ поръ еще служатъ божествами во многихъ странахъ, напр., въ Африкѣ. Особеннымъ почетомъ первобытнаго человѣка пользовались тѣ растенія, возбуждающее и опьяняющее дѣйствіе которыхъ прямо указывало на ихъ сверхъестественную природу. Въ древней Индіи покланялись, такимъ образомъ, богу *сомѣ*, и процесъ приготовленія изъ него опьяняющаго напитка былъ таинствомъ. Въ священныхъ санскритскихъ гимнахъ этотъ богъ воспѣвается такъ: „онъ, будучи выпитъ, возбуждаетъ мою рѣчь; онъ вызываетъ пылкую мысль. Мы напились Сомы, мы стали безсмертными, мы озарились свѣтомъ, мы познали боговъ!“ Тѣмъ-же путемъ возникло поклоненіе цвѣтку лотоса, въ Персіи растенію гаомѣ, въ Греціи винограду, превратившемуся впослѣдствіи въ бога Вакха. „Онъ, говорится про Вакха,—рожденный богомъ, *течетъ* при возліяніяхъ богамъ. Это божество слѣдуетъ назвать прорицающимъ, ибо когда этотъ богъ входитъ въ силу въ тѣлѣ человѣка, онъ заставляетъ людей, находящихся въ пьяномъ бреду, предсказывать будущее“. Въ Перу табакъ назывался *святою травою* и еще бо̀льшимъ почтеніемъ пользовалась кока. Многіе дикари обожаютъ ядовитыя растенія и носятъ ихъ на себѣ въ видѣ амулетовъ. Древніе вавилоняне считали святымъ деревомъ пальму, перебродившій сокъ которой до сихъ поръ употребляется вмѣсто вина. Подобно тому, какъ водку французы называютъ *водою жизни*, eau de vie, индійскій Сома давалъ безсмертіе „Сома — источникъ несравненной мудрости, говоритъ гимнъ;— румяный сома одаренъ пониманіемъ мудреца; мы напились Сомы и озарились свѣтомъ“. Наконецъ, тамъ, гдѣ постоянное производство драгоцѣннаго продукта не велико, высшіе

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

классы естественно запрещаютъ низшимъ употреблять его. Въ Перу, напр., употребленіе возбудительнаго кока было ограничено только членами царской фамиліи и нѣкоторыми другими избранниками, всѣмъ-же остальнымъ было запрещено прикасаться къ этому „древу познанія"...

Первобытный человѣкъ рѣшительно неспособенъ представить себѣ какое-нибудь другое существованіе, кромѣ того, какое ощущаетъ онъ самъ. Онъ живетъ, чувствуетъ, думаетъ, хочетъ, и все въ мірѣ кажется ему живущимъ, чувствующимъ, желающимъ. Жизнь животныхъ и растеній только подкрѣпляетъ такое воззрѣніе, но не порождаетъ его, и предметы, неимѣющіе никакихъ признаковъ животной или растительной жизни, очеловѣкотворяются фантазіей дикаря такъ-же легко, какъ фантазіей ребенка цивилизованной страны. Мальчикъ, скачущій верхомъ на палочкѣ, находится въ такомъ состояніи илюзіи, что чувствуетъ себя настоящимъ кавалеристомъ, галопирующимъ на превосходной лошади; кусокъ дерева, которымъ онъ играетъ, можетъ превратиться въ его глазахъ въ корову, въ экипажъ, въ корабль; ребенку съ сильнымъ воображеніемъ достаточно нѣсколькихъ камешковъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ стадо барановъ, и простой палочки, чтобы видѣть въ ней пастуха для этого стада. Та-же способность отожествлять дѣйствительность съ своими фантазіями замѣчается и у всѣхъ дикарей. Бакгаусъ видѣлъ однажды на Ванъ-Дименовой землѣ туземку, раскладывающую камни и бесѣдующую съ ними: это были ея отсутствующіе друзья и родные. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ мать, лишившаяся ребенка, наполняетъ его колыбель черными перьями, постоянно носитъ ее съ собой впродолженіи года и больше, разговариваетъ съ нею, какъ съ живымъ ребенкомъ. У племени ваніамвези одного изъ двойниковъ непремѣнно убиваютъ, но мать завертываетъ въ мѣхъ тыкву или фляжку изъ тыквы, кладетъ ее спать съ собой и съ оставшимся ребенкомъ и кормитъ ее наравнѣ съ послѣднимъ. Эта наклонность и способность олицетворять неодушевленные предметы вполнѣ понятна въ дикарѣ. Онъ не знаетъ специфическихъ внутреннихъ свойствъ предметовъ и различаетъ послѣдніе только по ихъ наружнымъ признакамъ, по формѣ, цвѣту, запаху и т. д. Онъ можетъ имѣть объ этихъ предметахъ только такія

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

представленія, которыя находятся въ его умственномъ запасѣ. Но такъ-какъ въ его головѣ есть только одно полное представленіе о внутреннихъ свойствахъ его самого, то онъ по необходимости и переноситъ это представленіе на всѣ другіе предметы. Сомнѣваться при этомъ онъ не въ состояніи, потому что скептицизмъ возможенъ только тогда, когда на ряду съ обычными понятіями возникаютъ другого рода представленія, которыхъ еще нѣтъ у первобытнаго человѣка. Поэтому все, что поражаетъ его вниманіе, онъ считаетъ животнымъ. „Неграмъ, говоритъ Вайцъ,—кажется животнымъ все, что движется, издаетъ звуки и т. д.; первая волынка, которую они видѣли, была животнымъ, первый европейскій корабль былъ тоже животнымъ, а двѣ пушечныхъ амбразуры въ его кормѣ—глазами". Андерсонъ разсказываетъ, что бушмены считаютъ телѣгу живою и думаютъ, что она нуждается въ травѣ. „Онъ живой", сказалъ арауказъ Бретту, увидѣвъ у него компасъ. Одинъ изъ спутниковъ Избрандеса показалъ остякамъ часы, имѣвшіе форму медвѣдя. Изумленію и благоговѣнію дикарей не было предѣла, когда часы начали бить. Они сочли ихъ божествомъ выше всѣхъ своихъ боговъ и пожелали купить ихъ. Дикари, видѣвшіе въ первый разъ компасъ, считали его существомъ, которое постоянно стремится въ свою любимую страну. Дикарь, бывшій свидѣтелемъ впечатлѣнія, произведеннаго письмомъ на прочитавшаго его, съ презрѣніемъ отнесся къ письму, какъ къ болтливой твари, которой невозможно довѣрять никакой тайны. Граматическое раздѣленіе словъ на роды мужескій и женскій было порождено тѣмъ-же умонастроеніемъ. Средневѣковые персіяне различали мужеское и женское начало даже въ такихъ вещахъ, какъ пища, воздухъ, вода. Даяки про сильный ливень говорятъ: „мужчина дождь этотъ!" Все это остатки первобытнаго міровоззрѣнія, доводившаго олицетвореніе природы даже до половыхъ различій между неодушевленными предметами. При такомъ воззрѣніи на предметы, человѣкъ въ своихъ поступкахъ относится къ нимъ совершенно такъ, какъ если-бы они дѣйствительно имѣли жизнь, чувство и волю. „Сила минутнаго увлеченія можетъ часто преодолѣть укоренившуюся привычку, и даже развитый человѣкъ въ минуту жестокой боли способенъ ударить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту боль",

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

говоритъ Гротъ. У дикаря подобныя психическія движенія являются не только рефлексами, но и сознательными актами, вполнѣ гармонирующими со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Дикій туземецъ Бразиліи кусаетъ камень, о который онъ споткнулся, или стрѣлу, которая его ранила. Если у кукисовъ, въ южной Азіи, человѣкъ погибалъ отъ паденія съ дерева, родственники его мстили послѣднему тѣмъ, что срубали его и раскалывали въ щепки. Въ афинскомъ Пританеѣ собиралось нерѣдко судилище для формальнаго суда надъ топоромъ, камнемъ, деревомъ или другимъ предметомъ, убившимъ человѣка, и если признавали этотъ предметъ виновнымъ, то выбрасывали его за предѣлы города. Не одна месть и злоба возбуждаются въ человѣкѣ неодушевленными предметами, но всѣ тѣ чувства, какія только способны внушать ему живые люди своими разнообразными свойствами, поступками и отношеніями. Въ Германіи, напримѣръ, до сихъ поръ сохранился пережившій трогательный обычай, въ силу котораго извѣстіе о смерти хозяина или хозяйки дома передается не только каждому пчелиному улью въ его саду и каждому животному въ хлѣвѣ, но и каждому мѣшку съ хлѣбомъ; ко всѣмъ предметамъ, которые находятся въ домѣ, должно прикоснуться и, толкнувъ ихъ, сообщить, что хозяина не стало. Поражаясь всѣми рѣдкими и оригинальными предметами, приписывая имъ личную жизнь, умъ и волю, дикарь легко приходитъ къ вѣрованію, что они могутъ вліять на судьбу его. Чувство зависимости отъ природы, порождаемое грозными явленіями послѣдней, начиная съ какого-нибудь кровожаднаго тигра и кончая бурнымъ потокомъ, переносится и на упомянутые предметы, возбуждающіе любопытство и таинственный страхъ своей формой, блескомъ или другими свойствами. Тайлоръ замѣчаетъ, что „между чувствомъ благоговѣнія остяка передъ камешкомъ, который онъ поднимаетъ съ земли, страстью китайца къ собиранью любопытныхъ разновидностей черепашьихъ щитовъ и восторгомъ англійскаго конхолога при видѣ раковины, завитой въ обратную сторону, есть много общаго. Направленіе ума, которое-бы заставило негра Золотого Берега завести себѣ цѣлый музей чудовищныхъ и всесильныхъ фетишей, могло-бы побудить англичанина составить колекцію рѣдкихъ почтовыхъ марокъ или курьезныхъ тростей. Въ страсти

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

человѣка къ ненормальностямъ и курьезамъ выражается его стремленіе къ чудесному, стараніе освободиться отъ скучнаго чувства законности и однообразія въ природѣ". Всѣ рѣдкіе предметы возбуждаютъ въ первобытномъ умѣ смутное сознаніе ихъ важности и вліятельности, а случай или особыя свойства ихъ заставляютъ дикаря выдѣлять ихъ изъ ряда другихъ предметовъ и превращать ихъ въ своихъ боговъ. Не зная существенныхъ свойствъ явленій, первичный человѣкъ не можетъ правильно судить и о причинной связи ихъ. Явленіе, случайно слѣдующее за другимъ, признается его дѣйствіемъ или произведеніемъ. Корабельный якорь, оставшійся отъ европейскаго корабля, возбуждалъ недоумѣніе и страхъ кафровъ, какъ предметъ невиданный, котораго сдѣлать они были не въ состояніи и назначенія котораго не понимали. Одинъ кафръ рискнулъ отбить отъ этого якоря кусокъ желѣза и вскорѣ послѣ этого умеръ. Явное дѣло, что обиженный якорь отомстилъ смертью своему обидчику; онъ существо сильное, могущее вредить людямъ; его слѣдуетъ ублажать и задабривать поклоненіемъ. Дѣйствительно, послѣ упомянутаго случая кафры начали, проходя мимо якоря, оказывать ему знаки божескаго поклоненія, чтобы избѣжать его гнѣва. Одинъ гвинейскій негръ, спасаясь съ своимъ семействомъ отъ враговъ, споткнулся о камень, причинившій ему сильную боль; онъ медленно поднялъ этотъ камень и цѣлую жизнь не разставался съ нимъ, такъ-какъ онъ помогъ ему избавиться отъ угрожавшей опасности. Якуты въ первый разъ увидѣли верблюда во время оспенной эпидеміи и превратили его въ существо, посылающее на людей оспу. Все, что приноситъ человѣку дѣйствительные или только воображаемые имъ пользу и вредъ, будучи очеловѣкотворено имъ, дѣлается предметомъ благоговѣйнаго страха и поклоненія. Африканскій кузнецъ удивляется собственному молоту, который выковываетъ такія удивительныя вещи, и ублажаетъ его воскуриваньемъ благовонной травы. „Въ Индіи, говоритъ Дюбуа, — женщина покланяется корзинѣ, въ которой она носитъ или держитъ свои необходимыя вещи, и приноситъ жертвы ей, равно какъ рисовой мельницѣ и другимъ предметамъ, помогающимъ ей въ ея хозяйственныхъ трудахъ. Такое-же поклоненіе воздаетъ плотникъ своему топору и другимъ инструментамъ и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тоже приноситъ имъ жертвы. Точно такъ-же относятся браминъ къ перу, которымъ пишетъ, солдатъ къ оружію, съ которымъ дерется въ битвѣ, каменьщикъ къ своей киркѣ, а земледѣлецъ къ плугу". Это остатки того первичнаго фетишизма, въ эпоху котораго люди, одушевляя всѣ отдѣльные предметы и явленія природы, отыскиваютъ среди нихъ каждый для себя своихъ личныхъ фетишей-покровителей. Каждый индѣецъ имѣетъ свое „лекарство", какъ называется этотъ личный фетишъ. Достигнувъ четырнадцати или пятнадцати-лѣтняго возраста, индѣйскій мальчикъ отправляется въ пустынное мѣсто и постится здѣсь до тѣхъ поръ, пока не увидитъ во снѣ какое-нибудь животное, которое потомъ отыскивается имъ, убивается и шкура дѣлается „лекарствомъ", фетишемъ-покровителемъ индѣйца на всю жизнь. Въ Африкѣ, Азіи, Австраліи, у инородцевъ европейской Россіи—всюду мы находимъ вѣрованія или остатки вѣрованій въ этихъ личныхъ фетишей, которые продолжаютъ существовать даже среди цивилизованныхъ народовъ въ пережившей формѣ амулетовъ. Съ развитіемъ колективной жизни на-ряду съ личными фетишами являются фетиши семейные, родовые, національные. Остатки этого первобытнаго вѣрованія, когда фетишъ считался цѣльнымъ, живымъ существомъ, а не вмѣстилищемъ какого-нибудь духа, до сихъ поръ сохраняются у многихъ дикарей. „Западная Африка все еще можетъ быть названа страною фетишей, говоритъ Тайлоръ.—Путешественникъ встрѣчаетъ ихъ на каждой тропинкѣ, у каждаго брода, на каждой двери; они висятъ въ видѣ амулетовъ на шеѣ у каждаго человѣка; они предохраняютъ отъ болѣзни или, наоборотъ, причиняютъ ее, въ случаѣ пренебреженія къ нимъ; они приносятъ дождь, наполняютъ море рыбами, охотно идущими въ сѣти рыбаковъ, ловятъ и наказываютъ вора, придаютъ своимъ обладателямъ храбрость и приводятъ въ смятеніе непріятелей, — словомъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего-бы фетишъ не могъ сдѣлать или уничтожить". Фетиши эти разнообразны до безконечности; въ числѣ ихъ можно встрѣтить и простые камни, и горшокъ съ красной глиной, въ которую воткнуто пѣтушиное перо, и обыкновенныя палки. Путешествовавшій по Гвинеѣ въ прошломъ столѣтіи Ремеръ разъ заглянулъ въ одну хижину и увидѣлъ стараго негра, окружен-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

наго множествомъ фетишей, которыхъ онъ считалъ до 20000. Старикъ говорилъ путешественнику, „что онъ не знаетъ и сотой доли услугъ, оказанныхъ ему этими предметами; ихъ собирали его предки и онъ самъ; каждый оказалъ имъ какую-нибудь услугу. Посѣтитель взялъ въ руки камень величиною съ куриное яйцо, и хозяинъ разсказалъ его исторію. Однажды онъ выходилъ изъ дому по важному дѣлу, но перейдя черезъ порогъ, наступилъ на этотъ камень и ушибъ себѣ ногу. „Ага, подумалъ онъ,—ты здѣсь!“ и онъ взялъ камень, который дѣйствительно много помогъ ему тогда въ его дѣлахъ“.

Личными и домашними фетишами, которые дикарь носитъ съ собой или во множествѣ собираетъ въ своей хижинѣ, его пантеонъ далеко не ограничивается. Онъ держитъ у себя какой-нибудь кусокъ дерева, и въ то же время покланяется цѣлому, растущему дереву, которое обоготворено имъ вслѣдствіе такихъ-же обстоятельствъ, какія заставляютъ его дѣлать своимъ фетишемъ камень, о который онъ споткнулся. Дикарь носитъ съ собой, какъ фетиша, шкурку горностая или бѣлки, и въ то-же время боготворитъ тигра или медвѣдя, живущихъ въ лѣсу. Въ его фетишискомъ музеѣ лежитъ множество мелкихъ камешковъ, а въ его сердцѣ живетъ вѣра въ большіе камни и величественныя скалы, которые онъ, конечно, сдвинулъ-бы съ мѣста и помѣстилъ-бы въ свой карманный пантеонъ, если-бы могъ. Скалы и горы служатъ предметомъ фетишискаго поклоненія во всѣхъ странахъ. Ихъ величина, странныя формы, ихъ вершины, то обвитыя облаками, то озаренныя свѣтомъ; вѣтры, дующіе изъ ихъ расщелинъ, и дожди, приносимые съ нихъ тучами,—все это казалось дикарю непосредственнымъ дѣйствіемъ горъ. Вода гораздо болѣе, чѣмъ неподвижные, неизмѣнные камни, скалы и горы, имѣла основаній сдѣлаться въ глазахъ дикаря существомъ одушевленнымъ и фетишемъ. Море съ его шумомъ, бурями, приливомъ и отливомъ, горный потокъ, ключъ, рѣка, тихое зеркальное озеро,—все вошло въ первобытный пантеонъ. Священные Гангъ и Нилъ несомнѣнно имѣли прежде то-же значеніе, какъ и „матушка Обь“, которой до сихъ поръ покланяются остяки, или Нигеръ, боготворимый живущими на его берегахъ племенами, вѣрующими и въ его притоки, которые они считаютъ его же-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

нами. Священные ручьи, рѣки, озера во множествѣ находятся во всѣхъ частяхъ свѣта; имъ покланяются, приносятъ жертвы, къ нимъ стекаются толпы пилигримовъ. И это дѣлаютъ не одни дикари: невѣжественный сибирякъ, напримѣръ, покланяется *святому морю*, Байкалу, и страшно боится его. Еще болѣе страха и благоговѣнія внушаетъ грозный, необозримый океанъ, который у древнихъ перуанцевъ считался сильнѣйшимъ божествомъ и до сихъ поръ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ пантеонѣ дикарей, живущихъ по берегамъ его, напр., въ Дагомеѣ. Здѣсь жрецъ океана считается высшимъ изъ всѣхъ; онъ—король фетишей въ Видахѣ, гдѣ у него 500 женъ. Въ извѣстное время онъ выходитъ на берегъ и проситъ море не быть бурнымъ, причемъ бросаетъ въ него масло, хлѣбъ, бобы, цѣнныя ткани. Иногда король посылаетъ въ жертву морю человѣка на носилкахъ, въ особой одеждѣ, со стуломъ и зонтикомъ; лодка вывозитъ его въ море и тамъ бросаютъ его въ добычу грозному божеству. Животное, пожирающее все своими пламенными языками, истребительное въ своемъ гнѣвѣ, но въ то-же время дающее живительную теплоту и свѣтъ, помогающее человѣку приготовлять пищу,—огонь былъ однимъ изъ главныхъ стихійныхъ божествъ во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ и долго удерживалъ это мѣсто даже въ обществахъ высокой культуры, въ Индустанѣ и Перу, въ Мехикѣ, Малой Азіи, Египтѣ. Цивилизованные египтяне считали огонь такимъ-же животнымъ, какимъ признаютъ его до сихъ поръ многіе дикари Африки. У древнихъ персовъ огонь считался личнымъ богомъ, подателемъ всѣхъ благъ, требующимъ за это дерева, благовоній и сала. Остатки этого вѣрованія и до сихъ поръ сохраняются въ сектѣ персидскихъ огнепоклонниковъ. Хотя древнеиндійскій Агни и потерялъ нъ обрядовомъ индуизмѣ позднѣйшаго времени значеніе натуральнаго божества, однакожь, въ Индустанѣ, какъ и среди грубыхъ монгольскихъ племенъ къ сѣверу отъ Гималая и по всей Сибири, огонь не перестаетъ пользоваться божескимъ поклоненіемъ и принимать въ жертву „вино чашами и жиръ пригоршнями, какъ говорится въ одной бурятской молитвѣ“. Лоскіель, миссіонеръ прошлаго вѣкавъ сѣверной Америкѣ, разсказываетъ, что въ случаѣ большой опасности индѣецъ падаетъ ницъ на землю и, бросая въ огонь горсть

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

табаку, громко восклицаетъ: „вотъ, возьми и кури, успокойся и не дѣлай мнѣ вреда!“ Въ древней Мехикѣ, гдѣ огню оказывались величайшія почести, такъ - какъ онъ давалъ тепло, пекъ хлѣбъ и жарилъ мясо, за всякой ѣдой первый кусокъ и первое возліяніе бросались въ огонь. То-же дѣлаютъ до сихъ поръ всѣ шаманисты Сибири. Въ Дагомеѣ горшокъ съ огнемъ ставятъ въ комнатѣ и приносятъ ему жертвы, прося его „жить“ здѣсь, а не распространяться далѣе и не вредить дому. Огонь—божество домашнее; каждое семейство имѣетъ очагъ—постоянный алтарь для него. Но необходимость поддерживать постоянный огонь, появившаяся въ ту первобытную эпоху, когда добываніе огня было еще чрезвычайно трудно и погасаніе его было настоящимъ бѣдствіемъ для людей,—необходимость эта породила обычай поддержанія вѣчнаго, священнаго огня, общаго божества для всего племени или государства. Начиная съ дикой жизни, гдѣ священный огонь постоянно горитъ въ особомъ кочевомъ шалашѣ, какъ, напр., у многихъ индѣйскихъ племенъ, этотъ обычай переживаетъ нѣсколько фазисовъ цивилизаціи и сохраняется даже въ государствахъ высокой культуры, гдѣ онъ помѣщается въ отдѣльныхъ великолѣпныхъ храмахъ, а для поддержанія его и жертвоприношеній ему существуетъ многочисленный штатъ жрецовъ или невинныхъ дѣвъ, какъ въ Римѣ и Перу. — Бурный вѣтеръ до сихъ поръ считается у нѣмецкихъ крестьянъ прожорливымъ, голоднымъ существомъ, и они стараются ублаготворить его, бросая навстрѣчу ему горсть муки съ словами: „на, вѣтеръ, вотъ тебѣ мука для твоего дѣтища, но уймись-же ты!“ Нѣмецкій крестьянинъ въ этомъ случаѣ сохраняетъ до сихъ поръ остатки того первобытнаго поклоненія вѣтрамъ, какое встрѣчается въ религіи всѣхъ первобытныхъ народовъ. Не всѣ они, однакожь, относятся къ вѣтру съ почтеніемъ и ублажаютъ его жертвами. Пайгуасы Южной Америки, когда вѣтеръ грозитъ опрокинуть ихъ шалаши, схватываютъ горящія головни, бѣгутъ съ ними противъ вѣтра и угрожаютъ ему ими. Другіе, чтобы устрашить бурю, дѣлаютъ по воздуху удары кулаками.—Вихри и смерчи—тоже живыя, божественныя существа. Песчаные вихри, величественно передвигающіеся по пустынѣ, кажутся арабу демонами гигантскихъ размѣровъ. Водяные смерчи, такъ частые у береговъ Японіи, ничто иное въ глазахъ тузем-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

цевъ, какъ длиннохвостые драконы, а жители африканскихъ береговъ считаютъ ихъ большими змѣями. Громъ и молнія, дождь и градъ—такія-же животныя, какъ вѣтеръ, вода или радуга. Послѣдняя до сихъ поръ считается живымъ существомъ даже среди простонародья многихъ цивилизованныхъ народовъ. Въ первобытныхъ-же религіяхъ зооморфическое представленіе о ней гораздо рельефнѣе, чѣмъ о многихъ другихъ явленіяхъ природы. „Радуга, говорятъ бирманскіе карены,—можетъ пожирать людей... Поѣвши людей, у нея появляется жажда, и она спускается напиться, когда ее видятъ на небѣ пьющею воду. „Радуга пришла напиться воды, говорятъ при этомъ;—посмотрите, что кто-нибудь непремѣнно умретъ жестокою или насильственною смертью". „Радуга пьетъ, говорятъ родители играющимъ дѣтямъ—не играйте болѣе, чтобы съ вами не случилось какого-нибудь несчастія". То-же представленіе имѣютъ зулусы, дагомейцы, крестьяне восточной Сибири и т. д.

Поклоненіе воздушнымъ явленіямъ и небеснымъ свѣтиламъ значительно расширило умственный кругозоръ первобытнаго дикаря. Было, конечно, время, когда онъ не интересовался этими предметами, когда онъ обращалъ вниманіе только на свою непосредственную, земную обстановку, только на то, что могло поддержать или погубить его жизнь, утолить его голодъ, жажду и половой инстинктъ, когда онъ, по выраженію Вайца, походилъ въ умственномъ отношеніи на животныхъ, которыя имѣютъ совершенно ясныя представленія только о немногихъ предметахъ, ближайшимъ образомъ относящихся къ ихъ насущнымъ потребностямъ и всему образу жизни, между тѣмъ какъ все остальное проходитъ передъ ними почти безслѣдно". Свѣтъ и тепло, исходящіе отъ свѣтилъ, теченіе послѣднихъ, періодическія перемѣны временъ года должны были сильнѣйшимъ образомъ возбуждать вниманіе человѣка и болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, наводить его мысль на путь къ точнымъ знаніямъ. Чѣмъ болѣе наблюдалъ человѣкъ сводъ небесный и его отношенія къ земной жизни, тѣмъ болѣе убѣждался онъ въ зависимости послѣдней отъ перваго. Оказывалось, что важнѣйшія перемѣны, совершающіяся на землѣ, зима и лѣто, жаръ и холодъ, засуха и наводненіе, зависятъ отъ неба и сіяющихъ на немъ свѣтилъ. Луна, съ ея

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

страннымъ дискомъ, на которомъ большинство дикарей видитъ подобіе человѣческаго лица, съ ея перемѣнами, болѣе частыми, разнообразными и замѣтными, чѣмъ перемѣны солнца, съ ея таинственнымъ и кроткимъ свѣтомъ, съ ея вліяніемъ на приливъ и отливъ моря и на лунатиковъ,—луна была первымъ по времени мѣриломъ времени и первымъ небеснымъ фетишемъ. Прежде, чѣмъ считать время по солнцу, люди считали его по лунѣ, и до сихъ поръ еще въ весьма многихъ языкахъ названіе [illegible], означающее извѣстный періодъ времени, прилагае[illegible] и къ *лунѣ*. Нѣкоторыя племена, напр., жители о-вовъ Фиджи, считаютъ время даже не *днями*, относящимися къ солнечному времясчисленію, а *ночами*. На этой ступени религіознаго развитія луна занимаетъ первое, а солнце в[illegible] то; луна въ грамматическимъ отношеніи принадлежитъ къ мужескому, а солнце къ женскому роду, какъ мы это видимъ въ мифологіи и языкахъ готтентотовъ, пайгуасовъ, гренландцевъ, литовцевъ, арабовъ, индусовъ, грековъ, римлянъ и т. д. Съ теченіемъ времени, когда роль солнца въ міровой жизни значительно выясняется, луна, блѣднѣющая или исчезающая съ небосклона при его восходѣ, неподающая ни тепла, ни холода, отодвигается на второй планъ, превращается въ женщину, въ сестру или жену солнца, которое дѣлается мужчиной, главнымъ фетишемъ и мѣриломъ времени. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ странахъ солнце никогда не возвышалось до степени главнаго божества. Геродотъ разсказываетъ, напр., о жителяхъ Африки, атлантахъ, что „они поносятъ солнце при его восходѣ позорною бранью, за то, что оно посылаетъ на землю свой жгучій зной“. Новѣйшій путешественникъ, Бекеръ, свидѣтельствуетъ, что въ Африкѣ дѣйствительно восхода солнца „всегда боятся и смотрятъ на солнце, какъ на всеобщаго врага“. Естественно, что такіе фетишисты предпочитаютъ луну и радостно привѣтствуютъ появленіе на горизонтѣ этого добраго, кроткаго бога. При всемъ томъ, на большей части земной поверхности солнечный культъ одержалъ побѣду надъ луннымъ. Податель тепла, свѣта и жизни, солнце пользуется у дикарей особеннымъ уваженіемъ. Когда туземецъ сѣверной Америки, коняга, собирается на промыселъ въ море, то, вставши до разсвѣта, садится на свой шалашъ или на пригорокъ и умоляетъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

восходящее солнце о помощи въ своихъ дѣлахъ. Потоватомисы при солнечномъ восходѣ влѣзали на свои хижины и предлагали солнцу блюдо маиса. Виргинцы съ поднятыми кверху руками и взорами покланялись ему при восходѣ и закатѣ. Когда Ковалевскій спросилъ одного негра, почему они не покланяются никакому высшему существу, негръ отвѣчалъ: „покажи намъ кого-нибудь, кто былъ-бы лучше солнца, и мы будемъ почитать его". Крестьянинъ въ верхнемъ Пфальцѣ до сихъ поръ снимаетъ шляпу передъ восходящимъ солнцемъ, а въ Помераніи больной лихорадкою долженъ трижды помолиться восходящему солнцу: „Милое солнце, спустись поскорѣе и возьми отъ меня 77 лихорадокъ!" Солнечный культъ очень рано превращался у нѣкоторыхъ племенъ въ государственное учрежденіе, въ основу всего общественнаго устройства. Такъ было, напр., у начезовъ и муисковъ Америки, такъ было въ Мехикѣ и Перу, гдѣ этотъ культъ развивался вмѣстѣ съ ихъ цивилизаціей. Въ Перу солнце было просвѣтителемъ страны и родоначальникомъ ея государей, считавшихся его намѣстниками. На горахъ паслись безчисленныя стада ламъ, принадлежащія солнцу; въ долинахъ обработывались для него обширныя поля; по всей странѣ были разсѣяны его храмы, а въ столицѣ стоялъ главный изъ нихъ, въ которомъ ежегодно зажигался новый огонь въ солнечный праздникъ и находился золотой дискъ съ человѣческимъ лицомъ, поставленный такъ, чтобы отражать первые лучи божественнаго свѣтила при его восходѣ. Въ другихъ религіяхъ солнце не достигало такого высшаго, исключительнаго значенія, но все-таки солнечный культъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ первыхъ элементовъ вѣры и въ Индіи, и въ Египтѣ, и въ Персіи, и въ Римѣ.

У нѣкоторыхъ народовъ, неперешедшихъ еще отъ луннаго культа къ солнечному, звѣзды занимаютъ второе мѣсто послѣ луны и предпочитаются дневному божеству, солнцу. Абипоны южной Америки покланялись, такимъ образомъ, плеядамъ, которыхъ они считали своимъ праотцемъ. Индѣйцы пани считали Венеру выше и старше солнца и ежегодно приносили ей человѣческую жертву; въ послѣдній разъ, въ 1838 г., для этой цѣли была зарѣзана дѣвушка. Въ большей-же части религій звѣзды занимаютъ мѣсто послѣ солнца и луны; онѣ считаются людьми,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сыновьями, братьями двухъ главныхъ свѣтилъ, предками своихъ поклонниковъ и т. д. Онѣ имѣютъ большое вліяніе на судьбу людей и могутъ вступать въ непосредственныя сношенія съ ними. Звѣзда, которою одинъ индѣецъ постоянно любовался съ своего дѣтства, однажды, когда онъ былъ утомленъ охотою, спустилась къ нему, говорила съ нимъ и повела его на мѣсто, обильное дичью. По мнѣнію бенгальскихъ казіевъ, звѣзды — настоящіе люди. Въ древности они взлѣзли по дереву на небо, но оставшіеся внизу ихъ товарищи подрубили дерево и они остались на небѣ. Эти первобытныя воззрѣнія дали начало астрологіи и, благодаря ей, вѣра въ одушевленность звѣздъ изъ дикой жизни переходитъ въ цивилизованную и удерживается здѣсь до позднѣйшаго времени. Оригенъ доказывалъ, что звѣзды — существа одушевленныя и разумныя, такъ-какъ въ движеніи ихъ видны порядокъ и умъ, которые невозможны у предметовъ неодушевленныхъ. Даже въ настоящемъ столѣтіи извѣстный апостолъ реакціи, Де-Местръ, проповѣдывалъ объ одушевленности и личной волѣ небесныхъ свѣтилъ. Эти пережившія суевѣрія не доказываютъ, однакожъ, того, чтобы поклоненіе свѣтиламъ имѣло затмѣвающее вліяніе на умъ человѣческій. Напротивъ, этотъ культъ содѣйствовалъ развитію первыхъ точныхъ и научныхъ знаній, такъ-какъ стоялъ въ тѣснѣйшей связи съ астрономіей. На Каролинскихъ островахъ въ XVIII в. были публичныя школы, въ которыхъ жрецы по грубымъ небеснымъ глобусамъ преподавали астрономію. Въ Мехикѣ изъ всѣхъ научныхъ знаній были наиболѣе развиты астрономическія, равно какъ въ Вавилонѣ, Египтѣ, Индіи.

Мы уже замѣтили выше, что первобытный умъ, неспособный къ общимъ представленіямъ, индивидуализировалъ всѣ предметы и явленія. Въ природѣ онъ одушевлялъ и боготворилъ своихъ фетишей съ той-же точки зрѣнія; каждый громъ казался ему отдѣльнымъ существомъ и каждый день въ его глазахъ катилось по небу новое солнце, а не то, которое закатилось и погибло вчера вечеромъ. По мѣрѣ умственнаго развитія, явленія объединялись, предметы обобщались и человѣкъ началъ покланяться уже не индивидуальнымъ предметамъ, а цѣлымъ родамъ, хотя и въ разной степени относительно входящихъ въ ихъ составъ недѣлимыхъ; каждый громъ превратился у него въ дѣйствіе одного

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и того-же существа, а безчисленныя солнца, ежедневно погибавшія на западѣ, сдѣлались однимъ и тѣмъ-же непобѣдимымъ, вѣчнымъ богомъ. Благодаря тому-же процесу обобщенія, безчисленные фетиши, не теряя своего личнаго значенія, располагались по родамъ и рангамъ и приводились въ родство или подчиненіе нѣсколькимъ главнымъ божествамъ. Горы, скалы, камни, разсѣянные по земной поверхности, растенія, рождаемыя и питаемыя землей, животныя,—все это оказывалось въ тѣсной зависимости отъ земли вообще,—и вотъ явилось верховное божество—*Мать-Земля* или *Земля-Всематерь*, какъ называется она въ греческой религіи. Точно тѣмъ-же путемъ дождь, громъ, радуга, роса, вѣтеръ, звѣзды, луна, солнце, не теряя своего личнаго значенія, были подведены подъ власть другого верховнаго бога, *Неба*. Всѣ второстепенные фетиши, какъ земные, такъ и небесные, составили, такъ-сказать, семейство, дворъ, слугъ, націю высшихъ владыкъ вселенной, Неба и Земли. Сначала Земля имѣла первенствующее значеніе, остатки котораго сохраняются отчасти до сихъ поръ въ вѣрованіяхъ нѣкоторыхъ племенъ. У цыганъ, напр., Небо, *Девель*, возбуждаетъ скорѣе страхъ, чѣмъ любовь; въ случаѣ несчастія они жестоко клянутъ его, а при смерти ребенка говорятъ, что Девель съѣлъ его. Но вѣчная, самобытная Земля, подательница всѣхъ благъ, такъ священна для нихъ, что они берегутся, какъ-бы чашка не прикоснулась къ ней, потому что послѣ этого прикосновенія она становится до того святою, что люди уже недостойны употреблять ея. Впослѣдствіи Земля заняла второе мѣсто и надъ нею возвысился ее божественный супругъ, синее, ясное, „плѣшивое“, высочайшее, вѣчное *Небо*, — отецъ всѣхъ вещей, „Вышній императоръ и владыко вселенной“, какъ его называютъ китайцы. Поклоненіе видимому небу или слѣды этого поклоненія мы находимъ рѣшительно у всѣхъ первобытныхъ народовъ, у туземцевъ Африки и Америки, древнихъ грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ, у инородцевъ Сибири и т. д. Почти у всѣхъ этихъ племенъ слово *богъ*, въ значеніи верховнаго божества, въ то-же время означаетъ и *небо*. Этотъ высшій фетишъ удерживаетъ свое мѣсто и значеніе даже въ религіяхъ высокой культуры. Божествомъ древнихъ арійцевъ было „все пространство небесъ,—само по себѣ чувствующее существованіе,

Digital Library (repository
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

божество, къ которому взываютъ съ поднятыми руками и хвалебными пѣснями". Высшее божество китайской имперіи, всемогущее, всевѣдущее, грозное, правосудное, любящее свой народъ и проявляющее свою волю въ знаменіяхъ, есть ничто иное, какъ *Тіэнъ*, небо. Небо — производящее, сильное, мужеское начало, Земля—воспринимающее, болѣе слабое, женское начало; отъ союза ихъ происходятъ всѣ существа и вещи и самъ китайскій богдыханъ есть ничто иное, какъ сынъ неба. Торжественныя жертвоприношенія Небу и Землѣ совершаются самимъ императоромъ, его великими вассалами и мандаринами; имъ молится и кандидатъ, успѣшно выдержавшій экзаменъ, и молодежь, вступающая въ бракъ, а во время осеннихъ празднествъ весь народъ чествуетъ ихъ, сожигая благоуханія на вершинахъ горъ. То-же самое видимъ мы не только у родственныхъ съ китайцами туранскихъ племенъ, но и у всѣхъ натурныхъ народовъ. Въ Африкѣ во главѣ боговъ стоятъ небо и земля, а за ними слѣдуютъ другіе фетиши. Передъ каждымъ важнымъ предпріятіемъ негръ дѣлаетъ имъ возліянія и говоритъ: „Творецъ Небо, иди и пей! Земля, иди и пей! Босумбра (фетишъ), иди и пей!"

Таковъ былъ первичный фетишизмъ. Люди смотрѣли на все ихъ окружающее, какъ на подобное себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и наши метафоры, вродѣ *ревъ бури*, *говоръ волнъ*, и т. д., выражали тогда не аналогію, а дѣйствительность. Первобытные люди, говоритъ Тайлоръ, „могли видѣть огненные языки пламени, пожиравшаго свою жертву; они могли видѣть змѣю, которая при взмахѣ меча скользила по немъ отъ рукоятки до острія; они могли чувствовать въ своей утробѣ живое существо, которое грызло ихъ во время мученій голода; они слышали голоса горныхъ карловъ, отвѣчавшихъ имъ въ видѣ эхо, и колесницу небеснаго бога, гремѣвшаго громомъ по тверди небесной". Анализируя относительную важность всѣхъ своихъ фетишей, выясняя взаимную связь ихъ, человѣкъ пришелъ къ созданію стройной системы фетишизма, во главѣ которой онъ поставилъ небо и землю. Космогонія этого міросозерцанія была тоже совершенно натуралистическая. Все произошло отъ союза неба и земли. „Вначалѣ небо и земля были слиты, говоритъ японская космогонія;—никто изъ нихъ не произошелъ отъ другого.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ этомъ хаосѣ были сѣмена всѣхъ вещей. Чистыя и свѣтлыя частицы поднялись вверхъ и образовали небо, а тяжелыя и темныя опустились внизъ и составили землю". Остатки подобныхъ космогоническихъ понятій можно найти почти во всѣхъ религіозныхъ первобытныхъ системахъ. Но такой натурализмъ только у немногихъ народовъ могъ сохраниться въ значительной степени до позднѣйшаго времени. Очень рано въ исторіи чистый фетишизмъ началъ смѣшиваться съ отвлеченными понятіями о духахъ.

IV.

Анимизмъ.

Тайлоръ объясняетъ фетишизмъ *анимизмомъ* (отъ *anima*, душа), т. е. тѣмъ воззрѣніемъ, которое приписываетъ всѣмъ предметамъ такую-же душу, какую человѣкъ признаетъ въ себѣ. Но первобытные люди, прежде, чѣмъ составить себѣ понятіе о душѣ, уже олицетворяли предметы, воображая ихъ такими-же живыми существами, какими они чувствовали себя, и только. До разсужденій о сущности, причинѣ, факторѣ этой жизни они еще не возвышались. Ребенокъ, въ глазахъ котораго палка можетъ превращаться въ лошадь, а кусокъ дерева въ человѣка, который съ увлеченіемъ бесѣдуетъ съ своей куклой,—воображаетъ эти предметы такими-же живыми существами, какъ и онъ самъ, но объ одушевляющемъ ихъ началѣ, о душѣ, у него, конечно, нѣтъ и не можетъ быть никакой мысли. Таковъ-же былъ характеръ міросозерцанія и первобытнаго дикаря, какъ мы уже видѣли, говоря о фетишизмѣ.

Что даетъ жизнь и движеніе живому тѣлу и что исчезаетъ изъ него при смерти? Какимъ образомъ спящій человѣкъ можетъ во снѣ переноситься въ самыя отдаленныя мѣстности, сражаться, охотиться, разговаривать съ другими, посѣщать людей, живущихъ вдали отъ него, между тѣмъ какъ тѣло его остается неподвижнымъ на одномъ мѣстѣ въ состояніи сна или галюцинаціоннаго экстаза? Какъ могутъ въ этихъ состояніяхъ являться ему лица, давно умершія или живущія такъ далеко, что не имѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ютъ физической возможности скоро придти къ нему? Такіе вопросы естественно возникали въ первобытномъ умѣ, который, не имѣя никакихъ физіологическихъ знаній, необходимо приходилъ къ той гипотезѣ, что въ человѣкѣ есть начало, отдѣльное и отличное отъ тѣла, душа, которая уходитъ изъ тѣла во время сна, обморока, каталепсіи, когда человѣкъ бываетъ *внѣ себя*. Всѣ дикари считаютъ сны дѣйствительностью и любятъ разсказывать, какъ они ночью охотились, съ кѣмъ видѣлись и т. д. Дейанъ думаетъ, что если европеецъ видитъ во снѣ свою родину, то душа его посѣщаетъ Европу на короткое время. Обморокъ и летаргія происходятъ оттого, что душа оставляетъ тѣло и отправляется странствовать. На этомъ вѣрованіи основано извѣстное убѣжденіе, что не слѣдуетъ будить спящаго человѣка, чтобы не повредить ему въ отсутствіе души. Человѣкъ видитъ свое изображеніе, когда онъ, напр., ложится на берегу рѣки, ручья или озера, чтобы, приникнувъ къ водѣ, утолить свою жажду. Онъ видитъ въ водѣ человѣческое лицо, и другіе удостовѣряютъ его, что это изображеніе—точь-въ-точь онъ самъ. Онъ идетъ по берегу, и его изображеніе слѣдуетъ за нимъ; онъ останавливается, останавливается и оно. Сколько-бы разъ онъ ни смотрѣлся въ воду, ему всегда показывается одна и та-же фигура. Смотрятся въ воду другіе, и онъ видитъ, что въ водѣ появляются при этомъ ихъ двойники. Свое изображеніе человѣкъ видитъ не всегда, но только при извѣстныхъ условіяхъ; гдѣ-же оно, когда человѣкъ не видитъ его? Не въ немъ-ли самомъ оно помѣщается въ этомъ случаѣ? Оно появляется отдѣльно отъ человѣка, но, несмотря на эту отдѣльность, оно все-таки находится въ самой тѣсной связи съ тѣломъ: оно такъ похоже на послѣднее, такъ точно повторяетъ всѣ его движенія и перемѣны. Не есть-ли оно *другое тѣло*, которое живетъ въ этомъ осязаемомъ тѣлѣ, животворитъ его и по временамъ выходитъ изъ него? На островахъ Фиджи, дѣйствительно, считаютъ отраженіе человѣка на гладкой поверхности одною изъ его душъ. Одинъ фиджіанецъ, посмотрѣвшійся въ первый разъ въ зеркало, съ благоговѣніемъ воскликнулъ: „теперь я могу смотрѣть въ міръ духовъ!“ Изъ этого-же первобытнаго вѣрованія вытекло и то отвращеніе къ снятію портретовъ, которое мы видимъ не только въ дикой жизни, но даже и у культурныхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

народовъ въ формѣ пережившаго предразсудка *). Тѣнь человѣка также считается его душою или жизненнымъ началомъ на островахъ Фиджи, у индѣйцевъ Сѣверной Америки, у туземцевъ Бенина и т. д. Какъ всякое изображеніе, тѣнь казалась первобытному человѣку его двойникомъ, животворящимъ тѣло, и это воззрѣніе подтверждалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что души умершихъ и живыхъ людей являются спящему или духовидцу въ видѣ *тѣни*. Слѣды этого первобытнаго понятія до сихъ поръ сохраняются въ языкѣ, отожествляющемъ слова *тѣнь*, *привидѣніе* (*тѣни предковъ* и т. д.). Тасманійцы, алгокинскіе индѣйцы зулусы называютъ тѣнь и душу однимъ и тѣмъ-же словомъ; на языкѣ араваковъ и квихе одно слово служитъ для выраженія понятій *тѣнь*, *изображеніе*, *душа*. Басутосы тоже называютъ душу тѣнью и думаютъ, что когда человѣкъ ходитъ по берегу рѣки, то крокодилъ можетъ поймать его тѣнь и такимъ образомъ втянуть его самого въ воду. Кромѣ образа и тѣни, въ составъ первобытнаго представленія о душѣ входятъ еще нѣкоторыя проявленія жизни человѣческаго организма. Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ признаковъ жизни, біеніе сердца, наводитъ на мысль, что душа въ сердцѣ. Басутосы, напр., говорятъ про умершаго человѣка, что „его сердце ушло“, а про выздоравливающаго отъ тяжкой болѣзни—„его сердце возвратилось“. Другой существенный признакъ жизни, дыханіе, еще чаще отожествлялся съ душою. Глухонѣмая Лаура Бриджменъ, стоявшая по степени своего умственнаго развитія нисколько не выше самаго первичнаго дикаря, разсказывала однажды посредствомъ знаковъ: „мнѣ снилось, будто Богъ взялъ мое дыханіе на небо“. Нѣкоторые гренландцы признаютъ у человѣка двѣ души—тѣнь и дыханіе. Въ языкахъ западныхъ австралійцевъ, туземцевъ Калифорніи, малайцевъ, по-еврейски, по-санскритски, по-гречески, по-латыни, по-славянски слова *духъ*, *душа* и *дыханіе*—или синонимы, или происходятъ отъ одного корня. Смерть по этому возрѣнію состоитъ въ выходѣ души ртомъ, въ испусканіи послѣдняго вздоха. Поэтому-то при одрѣ умирающаго рим-

*) Въ 1873 г. въ Бобровѣ воронежской губерніи нѣкій купецъ выражалъ мнѣ серьезное сомнѣніе, не потребуетъ-ли отъ него на страшномъ судѣ души его фотографическая карточка, которую онъ снялъ по настоянію родныхъ!..

Digital Library (repository
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

лянина надъ лицомъ его наклонялся ближайшій родственникъ, чтобы вдохнуть въ себя его душу, а у семиноловъ Флориды съ той-же цѣлью подносили ребенка ко рту его умирающей матери. Отожествляя душу съ тѣнью, дыханіемъ, пульсаціей крови и т. д., первобытный человѣкъ не сразу могъ дать своему представленію о душѣ ту ясную и цѣлостную форму, въ какой оно перешло въ міросозерцаніе позднѣйшей культуры. Душа—причина жизни. Въ состояніи сна и экстаза душа покидаетъ тѣло и странствуетъ, но тѣло все-таки живетъ, дышетъ, не холодѣетъ; въ немъ бьется сердце. Отсюда многіе дикари заключаютъ, что у человѣка двѣ души, изъ которыхъ одна во снѣ странствуетъ, а другая остается въ тѣлѣ. Душа въ видѣ тѣни тоже оставляетъ тѣло, но послѣднее, несмотря на это, живетъ, чувствуетъ, движется; и вотъ, по воззрѣнію гренландцевъ и нѣкоторыхъ другихъ дикарей, у человѣка являются двѣ души—тѣнь и дыханіе. Туземцы Фиджи различаютъ свѣтлую душу, отображеніе человѣка въ водѣ или зеркалѣ, и темную душу—его тѣнь. Нѣкоторыя племена, напр., конды и карены, считаютъ четыре души; караибы вѣрятъ въ нѣсколько душъ, изъ которыхъ одна помѣщается въ сердцѣ, а другія въ различныхъ артеріяхъ. Идея многодушія переходитъ нерѣдко изъ первобытнаго міросозерцанія даже въ высшую культуру, напр. въ римскую и китайскую *), но все-таки уже въ самыя первыя эпохи развитія міросозерцанія, по мѣрѣ накопленія наблюденій и знаній, умъ человѣческій стремится подвести эти понятія къ одному знаменателю. Долго, впрочемъ, идея души остается крайне неясною, соединяя въ себѣ понятія изображенія, тѣни, сердца, дыханія, которыя перестаютъ считаться отдѣльными душами и взаимно перепутываются въ представленіи объ одной душѣ. Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ въ XVI в. туземцамъ Никарагвы, оказывается, что „когда люди умираютъ, изъ ихъ рта выходитъ нѣчто, *похожее на человѣка*, и отправляется къ мѣсту, гдѣ мужчины и женщины“. Вопросъ: „Сохраняютъ-ли отходящіе туда то-же тѣло, то-же лицо, тѣ-же

---

*) Римляне различали въ человѣкѣ тѣло, тѣнь, душу и духъ; понятія animus и anima, душа и духъ, до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ психологическихъ книгахъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

члены, какъ и здѣсь, на землѣ?" Отвѣтъ: „нѣтъ, туда идетъ только *сердце*". Вопросъ: „Но когда у человѣка вырѣзываютъ сердце при жертвоприношеніи плѣнныхъ, что тогда случается?" Отвѣтъ: „Уходитъ не самое сердце, но то, что даетъ людямъ жизнь,—*дыханіе*". При дальнѣйшемъ развитіи представленій о душѣ, одни народы представляютъ ее себѣ бѣлымъ облачкомъ, другіе бабочкой, третьи ароматомъ цвѣтка, но даже и въ менѣе матеріяльныхъ представленіяхъ первобытнаго міросозерцанія мы не находимъ никакихъ слѣдовъ идеи духовности. По первобытному воззрѣнію, душа, отдѣлившаяся отъ тѣла, сохраняетъ всѣ существенныя свойства послѣдняго. Ее можно поймать, ушибить, даже умертвить; она чувствуетъ голодъ и жажду, ѣстъ и пьетъ, имѣетъ голосъ и т. д.

Составивъ себѣ такое понятіе о своей душѣ, первобытный человѣкъ неизбѣжно долженъ былъ распространить его не только на животныхъ, но и на растенія и на другіе неодушевленные предметы. Онъ считалъ ихъ живыми существами и естественно предполагалъ въ нихъ то-же начало жизни, какое находилъ въ себѣ. Они, подобно человѣку, даютъ свою *тѣнь* и *отображеніе* на гладкой поверхности; они являются во снѣ, и человѣкъ въ этомъ состояніи видитъ свой сгорѣвшій шалашъ, свою разбитую посуду, свою издохшую собаку такъ-же хорошо, какъ и своего умершаго отца; не ясное-ли дѣло, что всѣ они имѣютъ душу, переживающую ихъ тѣлесную форму? Даяки приписываютъ душу даже рису и совершаютъ особыя торжества, чтобы удержать ее у себя, т. е. получить хорошій урожай. Карены держатся того-же мнѣнія и призываютъ обратно душу плохо растущаго риса, какъ это дѣлается и съ человѣческимъ духомъ, покидающимъ тѣло при болѣзни. „О, приди душа риса, поютъ они,—вернись на поле, вернись къ рису! О, душа риса, вернись къ рису!" Отаитяне во времена Кука „вѣрили, что не только всѣ другія животныя, но даже деревья, плоды, камни имѣютъ свои души, которыя при смерти или разрушеніи этихъ предметовъ возносятся къ богамъ" для употребленія обитателями міра духовъ. Тонганцы также думали, что если камень, топоръ или другой предметъ разбиты, то ихъ внутреннее начало, имѣющее ту-же форму, то-же значеніе и тотъ-же составъ, только болѣе утон-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ченныхъ свойствъ возносится въ божественныя мѣста, въ которыхъ живутъ души людей, пасутся души животныхъ, стоятъ души хижинъ, сгорѣвшихъ или разрушенныхъ на землѣ. Таковъ былъ первичный анимизмъ, не только преобразовавшій предшествующее ему чисто-фетишиское міросозерцаніе, но перешедшій даже въ философію цивилизованныхъ народовъ. Теорія о предметныхъ душахъ, имѣющихъ утонченную форму и свойство самихъ предметовъ, ясно замѣтна въ философіи Демокрита, учившаго, что всѣ предметы испускаютъ изъ себя образы, которые входятъ въ душу и воспринимаются ею. Лукрецій выработалъ настоящую теорію призрачныхъ образцовъ предметовъ и объяснялъ ею какъ сновидѣнія, такъ и образы, являющіеся человѣку при мышленіи. Ньютонъ полагалъ, что „чувствилище животнаго есть то мѣсто, въ которомъ находится чувствующая субстанція и къ которому приносятся мозгомъ и нервами *чувственные виды* предметовъ, чтобы они могли быть сознаваемы обитающимъ здѣсь умомъ". Понятіе *идея* (ἰδέα, видимая форма) въ старинной метафизикѣ имѣло также значеніе, родственное съ первобытнымъ анимизмомъ, такъ-какъ идея считалась реальнымъ образомъ.

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

76 г. ноябрь

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

V.

Болѣзнь и смерть.—Загробная жизнь.—Погребальные обычаи и обряды.

Большая часть физическихъ страданій, которыя одолѣвали первобытнаго человѣка, зависѣла отъ введенія въ его тѣло постороннихъ предметовъ, — стрѣлъ врага, когтей хищнаго звѣря, жала змѣи, вредной или неудобоваримой пищи, которую онъ пожиралъ по незнанію или вслѣдствіе голода, занозъ, которымъ онъ, нагой и босой, постоянно подвергался и т. д. Вслѣдствіе этого у всѣхъ первобытныхъ народовъ болѣзнь считалась результатомъ присутствія въ организмѣ какого-нибудь инороднаго тѣла и излеченіе болѣзни состояло буквально въ ея *извлеченіи*. До сихъ поръ у очень многихъ дикихъ племенъ лекарь-колдунъ высасываетъ какую-бы то ни было болѣзнь и выплевываетъ ее въ видѣ червей, спицъ, камешковъ и т. д. „Этотъ видъ шарлатанства общъ всѣмъ дикимъ колдунамъ“, справедливо замѣчаетъ одинъ этнографъ, забывая, впрочемъ, что тотъ-же первобытный медицинскій способъ употребляется по мѣстамъ даже въ цивилизованныхъ странахъ. Колдуны сѣверной Ирландіи до сихъ поръ извлекаютъ *стрѣлы духовъ*, т. е. каменные наконечники стрѣлъ, изъ тѣла больного скота. Это грубое матеріялистическое представленіе съ теченіемъ времени переходитъ въ олицетвореніе болѣзней, особенно эпидемій, представляемыхъ въ разнообразныхъ формахъ страшныхъ существъ. Для спасенія себя людямъ остается

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

или изгнать эпидемію, или-же не пустить ее въ мѣсто своего жительства. Въ Меланезіи эпидемію помѣщаютъ на украшенную лодку и посредствомъ вѣтра угоняютъ въ море. Орангъ-лауты на Малайскомъ полуостровѣ и конды въ Ориссѣ, при появленіи гдѣнибудь оспы, огораживаютъ свою мѣстность завалами изъ хвороста и терновника и поливаютъ почву вонючимъ масломъ, чтобы преградить путь богинѣ—оспѣ. Съ паденіемъ матеріялистическаго фетишизма, всѣ болѣзни являются дѣйствіемъ духовъ, которые проникаютъ въ тѣло человѣка и безчисленными легіонами которыхъ наполнены и воздухъ, и вода. Немудрено послѣ этого, что какой-нибудь тасманіецъ живетъ въ постоянномъ страхѣ духовъ, причиняющихъ болѣзни, что ему постоянно мерещатся то демонъ, который подкрадывается къ нему сзади и бьетъ его по затылку своей духовной палицей, то разсвирѣпѣвшій духъ мертвеца, вползающій въ его тѣло, чтобы терзать его внутренности. Леченіе на этой ступени развитія состоитъ или въ томъ, что духа переводятъ въ тѣло животнаго, приносимаго въ жертву, или-же изгоняютъ насильственнымъ образомъ. Киргизскій шаманъ, напр., бьетъ больного плетью, кусаетъ его до крови, замахивается ножомъ, плюетъ ему въ глаза, чтобы изгнать духа. Нѣкоторыя племена, впрочемъ, приписываютъ болѣзнь не тому, что въ тѣлѣ поселился злой духъ, но тому, что изъ него вылетѣла его собственная душа. Чтобы вылечить больного, нужно поймать душу и снова посадить ее въ тѣло, какъ это дѣлаютъ, напр., бирманскіе карены. Они бѣгаютъ вокругъ больного, ловя „его бабочку“, т. е. душу, и, наконецъ, дѣлаютъ видъ, что бросаютъ ее на голову ему.

Если каждая болѣзнь, умираютъ-ли или не умираютъ отъ нея люди, объясняется присутствіемъ въ тѣлѣ посторонняго предмета или духа, если въ первобытныя времена рода человѣческаго люди чаще всего погибали или отъ болѣзней, или насильственною смертью, отъ дубины и стрѣлы врага, отъ когтей звѣря, отъ укушенія змѣи и тарантула, тонули въ водѣ, завязали въ болотѣ, раздавливались упавшимъ деревомъ или обрушившеюся скалою, — то отсюда первобытный умъ легко приходилъ къ заключенію, что естественной смерти нѣтъ и что всякая смерть *насильственна*. Бечуаны и всѣ кафры не имѣютъ никакого понятія о другомъ родѣ смерти, кромѣ какъ отъ голода, насилія и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

колдовства. Если человѣкъ умираетъ даже въ самой преклонной старости, но не отъ голода и насилія, то его смерть приписывается колдуну и требуется кровь виновнаго въ ней. Въ большей части Африки, южной Америки и Полинезіи, когда человѣкъ умираетъ, то всегда возникаетъ вопросъ: кто убилъ его своимъ колдовствомъ? Всѣ вѣдовскія средства пускаются въ ходъ, чтобы открыть убійцу и отомстить ему смертью за смерть.

Смерть является результатомъ отдѣленія души отъ тѣла. Но душа, по первобытному воззрѣнію, не имѣетъ никакихъ качественныхъ отличій отъ тѣла. Подобно тѣлу, она не подлежитъ естественной смерти, но можетъ погибнуть насильственнымъ образомъ. Можно убить не только тѣло, но и душу. Новозеландцы и туземцы Калифорніи думали, что съѣденный человѣкъ погибаетъ и тѣлесно, и духовно. У гвинейскихъ негровъ адскій богъ топитъ души грѣшниковъ въ рѣкѣ и такимъ образомъ уничтожаетъ ихъ навсегда. Даже обыкновенная вода можетъ потопить душу негра, какъ видно изъ разсказа о вдовахъ въ Матамбѣ, которыя погружаются въ рѣки и пруды, чтобы потопить души своихъ умершихъ мужей, желающія не покидать ихъ. Послѣ этой церемоніи вдовы могутъ снова выходить замужъ. Изъ подобныхъ фактовъ слѣдуетъ, что идея абсолютнаго уничтоженія, небытія, далеко не такъ чужда первобытному уму, какъ это утверждаетъ Бастіанъ, хотя, съ другой стороны, нельзя согласиться и съ тѣми наблюдателями, которые доказываютъ, что будто-бы у нѣкоторыхъ племенъ вовсе нѣтъ представленія о загробной жизни. Всѣ дикари вѣрятъ въ загробное существованіе человѣка, но не имѣютъ представленія о вѣчности, и ихъ идея безсмертія не достигаетъ абсолютнаго значенія. Душа живетъ по смерти тѣла, но можетъ утонуть, быть убитою, съѣденною и т. д. Кромѣ того, понятіе о загробной жизни основывается на субъективныхъ представленіяхъ, отожествляемыхъ съ ихъ объектами. Человѣкъ помнитъ умершаго, представляетъ себѣ его образъ, видитъ его во снѣ, бесѣдуетъ съ нимъ и считаетъ его живымъ. Но при этомъ покойникъ можетъ оставаться живымъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ въ памяти людей и его образъ существуетъ въ ихъ воображеніи. Съ забвеніемъ для него настаетъ окончательная смерть. „Спросите негра, говоритъ Дю-Шеллю, гдѣ душа его прадѣда, и онъ отвѣтитъ вамъ, что не знаетъ. Спросите его о

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

душѣ его отца или брата, умершихъ недавно, и онъ исполнится страха и ужаса; онъ думаетъ, что душа остается около погребеннаго тѣла, и у многихъ племенъ вся деревня покидаетъ мѣстность, въ которой умеръ кто-нибудь изъ ея жителей. Кафры думаютъ, что души ихъ умершихъ отцовъ и братьевъ еще живутъ, такъ-какъ они являются имъ въ сновидѣніяхъ, и, напротивъ, души дѣдовъ и болѣе отдаленныхъ предковъ считаются прекратившими свое существованіе. Отошедшій духъ живетъ тѣмъ дольше, чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе и воспоминаніе, оставленныя имъ между живыми людьми, чѣмъ дольше сохраняется преданіе о немъ, переходящее изъ рода въ родъ. Благодаря этому обстоятельству, многіе народы вѣруютъ въ безсмертіе только князей, жрецовъ, богачей и вообще выдающихся личностей, между тѣмъ какъ души обыкновенныхъ людей, неоставившихъ послѣ себя никакой долговѣчной памяти, остаются смертными.

Признавъ существованіе духовнаго элемента, первобытный человѣкъ могъ представлять его себѣ только подобіемъ тѣла, потому что матеріяловъ и способности къ другого рода представленіямъ у него еще не было. Признавъ загробную жизнь, онъ, точно такъ-же могъ представить ее въ своемъ воображеніи только въ видѣ дѣйствительной, земной жизни. Загробное существованіе было для него продолженіемъ земной жизни. Умершіе сохраняютъ всѣ свои способности и потребности, какія были у нихъ при жизни. Человѣкъ является на тотъ свѣтъ совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ было въ моментъ смерти его тѣло; всѣ достоинства и недостатки послѣдняго, всѣ поврежденія, нанесенныя ему, воспринимаются душой и сохраняются ею за гробомъ. Изъ тѣла дряхлаго старика выходитъ старая и дряхлая душа, изъ тѣла хромого—хромая душа и т. д. Бразильскіе индѣйцы думаютъ, что умершіе переходятъ въ другой міръ израненными или изрубленными, смотря по тому, какъ они оставили землю. Австралійцы, убивъ врага, отрѣзываютъ у него большой палецъ правой руки, чтобы сдѣлать его душу неспособною дѣйствовать духовнымъ копьемъ. Когда негры одного плантатора начали искать свободы въ самоубійствѣ, то для прекращенія послѣдняго достаточно было отрѣзать головы у труповъ нѣкоторыхъ самоубійцъ. Негры не захотѣли являться въ загробный міръ обез-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

главленными. На китайцевъ, по той-же самой причинѣ, наводитъ невообразимый ужасъ смертная казнь обезглавленіемъ. Поэтому-то дикари боятся доживать до глубокой старости или умирать совершенно обезсиленные болѣзнями. На островахъ Фиджи какъ скоро человѣкъ почувствуетъ приближеніе дряхлой старости, онъ заявляетъ своимъ близкимъ, что ему время умирать. Если онъ не сдѣлаетъ этого самъ, то за дѣло возьмутся его дѣти. Собирается семейный совѣтъ и назначаетъ день смерти. „Однажды къ м-ру Гюнту пришелъ молодой туземецъ и пригласилъ его на похороны своей матери. Гюнтъ принялъ приглашеніе и присоединился къ процесіи, но, изумившись, что не видитъ никакого трупа, онъ началъ спрашивать, кого-же это хоронятъ. Молодой человѣкъ указалъ ему на свою мать, которая шла и веселилась вмѣстѣ съ другими. Онъ объяснилъ, что празднуется ея предсмертный праздникъ и идутъ погребать ее; что она стара, и онъ съ братомъ рѣшили, что она пожила уже довольно и время схоронить ее, съ чѣмъ она охотно согласилась. Онъ прибавилъ, что поступаетъ такъ изъ любви къ своей матери“. Сыновья удавили старуху и похоронили ее съ обычнымъ церемоніяломъ. Этотъ обычай избіенія стариковъ и больныхъ былъ въ такой силѣ на о-вахъ Фиджи, что тамъ рѣдко встрѣчались люди старше 40 лѣтъ, —ихъ убивали. У индѣйцевъ, негровъ, камчадаловъ, эскимосовъ старики и больные сплошь и рядомъ подвергаются той-же участи. Для древняго скандинава было величайшимъ несчастіемъ умереть „соломенною смертью“, отъ болѣзни или старости, и если ему не удавалось пасть въ битвѣ, то ему дѣлали копьемъ „печать Одина“ и отправляли въ свѣтлую Валгаллу или, посадивъ на судно, поджигали послѣднее, и оно, пылающее и гонимое вѣтромъ, уносило скандинава въ страну тѣней.

Каждый предметъ, по первобытному воззрѣнію, имѣетъ душу, которая послѣ смерти его переходитъ въ загробный міръ, въ которомъ происходитъ все то-же, что и въ этой жизни. Камчадалы вѣрятъ, что каждое живое существо, даже послѣдняя мошка, будетъ вновь жить въ подземномъ мірѣ. Жены и друзья, рабы и скотъ дикаря, убитыя имъ животныя, души его оружія, его лодокъ и хижинъ, его топоровъ и платья будутъ окружать его въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ душа его съ помощью душъ его топора

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и косы строитъ себѣ домъ и коситъ рисъ; душа агокинца охотится за душами бобра и лося, скользя по душѣ снѣга, на душѣ лыжъ; душа камчадала въ духовной шубѣ ѣздитъ въ саняхъ, запряженныхъ собаками, а зулусъ доитъ свою корову и загоняетъ скотину въ краль. Все идетъ порядкомъ, заведеннымъ на землѣ, только эта загробная жизнь представляется гораздо лучше земной и въ своихъ представленіяхъ о ней первобытные народы идеализируютъ каждый по-своему земное благосостояніе. Индѣецъ на томъ свѣтѣ будетъ счастливо охотиться въ роскошныхъ лугахъ; эскимосъ надѣется жить тамъ въ странѣ съ вѣчнымъ лѣтомъ, вкусной водой, множествомъ рыбы и всевозможной дичи, которыя сами лѣзутъ на охотника, а въ Валгаллѣ древняго скандинава воины каждое утро ведутъ битвы, послѣ которыхъ побѣдители пируютъ вмѣстѣ съ побѣжденными, запивая пивомъ и медомъ вкусное мясо вѣчнаго кабана. Но не всѣ народы представляютъ себѣ загробный міръ въ такихъ свѣтлыхъ картинахъ; многіе смотрятъ на него мрачно, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ помѣщается у нихъ подъ землей. Загробный міръ гуроновъ изобилуетъ всякими благами, но все-таки души стонутъ въ немъ и день и ночь. Въ подземной Туонелѣ древнихъ финновъ всѣ предметы были мрачнаго и страшнаго вида: лѣса темны и наполнены дикими звѣрями, вода черная, на поляхъ вмѣсто хлѣба змѣиные зубы; а чтобы мертвые не вырвались оттуда, ихъ стерегли злыя божества съ крючковатыми пальцами и желѣзными когтями. Столь-же мрачно представляли себѣ загробную жизнь греки и римляне. Но какъ-бы ни смотрѣлъ первобытный народъ на будущую жизнь, она сначала все-таки считалась продолженіемъ земного существованія и вовсе не соединялась съ идеей какого-бы то ни было нравственнаго возмездія. Множество дикарей до сихъ поръ убѣждены, что въ загробномъ мірѣ люди пользуются тѣми-же благами, привилегіями, достоинствомъ, богатствомъ, счастіемъ, какими они пользовались и на землѣ, между тѣмъ какъ другіе и послѣ смерти продолжаютъ оставаться въ рабствѣ, бѣдности, несчастіи. „Отаитяне, говоритъ Кукъ,—вѣрятъ въ безсмертіе душъ и въ два различныхъ помѣщенія для нихъ, соотвѣтствующія нашимъ раю и аду. Они, впрочемъ, считаютъ эти помѣщенія не мѣстами наградъ и наказаній, а только жилищами для различныхъ классовъ; первое

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

для родоначальниковъ и людей знатныхъ, второе—для людей низшихъ классовъ". Жители Суматры считаютъ свой рай удѣломъ не добродѣтельныхъ, а только богатыхъ людей, адъ-же—долею бѣдныхъ. „Только знатные люди восходятъ на небо, говорилъ Марсдену одинъ туземецъ; — какъ можно, чтобы бѣднякъ имѣлъ доступъ туда", прибавилъ онъ съ величайшею наивностью. Даже у такихъ культурныхъ народовъ, какъ перуанцы и мехиканцы, счастливое или несчастное положеніе человѣка въ загробной жизни зависѣло отъ его земного ранга. Но уже въ дикой жизни появляются начатки теоріи возмездія, которая съ развитіемъ морали постепенно превращается въ стройную систему загробныхъ наградъ и наказаній. Теорія эта сначала непосредственно и тѣсно соприкасается съ первичнымъ представленіемъ о будущей жизни, какъ о продолженіи земной. Люди сохраняютъ за могилой свои достоинства и недостатки, свое положеніе, и загробное блаженство является естественнымъ результатомъ ихъ земной дѣятельности. Въ рай гренландцевъ попадаютъ только тѣ, которые были на землѣ хорошими работниками, поймали много китовъ и тюленей, вынесли много труда, погибли въ морѣ,—словомъ, обладали свойствами, необходимыми для земного благополучія. Никарагуанцы вѣрили, что люди, умирающіе дома, идутъ въ преисподнюю, а погибшіе на войнѣ — въ райскую страну солнечнаго восхода. У караибовъ рай храбрымъ, адъ—трусамъ. Виргинскіе индѣйцы, особенно тѣ изъ нихъ, которые храбро сражались съ врагами и убивали ихъ, будутъ по смерти блаженствовать, а враги ихъ мучиться. Эти раздѣленія вполнѣ гармонируютъ со всѣмъ міросозерцаніемъ дикаря, такъ-какъ „хорошіе люди всегда бываютъ хорошими воинами и охотниками", по выраженію одного индѣйца. Правда, у нѣкоторыхъ дикарей распредѣленіе райскаго блаженства и адскихъ мученій мотивируется другими принципами. По мнѣнію камчадаловъ, напр., богатые на томъ свѣтѣ сдѣлаются бѣдными и наоборотъ, а по пословицѣ волофомъ: „сильнѣйшіе въ этомъ мірѣ будутъ ниже всѣхъ въ будущемъ". У сибирскихъ инородцевъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ, стоящихъ на одинаковомъ съ ними уровнѣ развитія, рай и адъ распредѣляются между людьми сообразно съ ихъ нравственными заслугами, гостепріимствомъ, помощью бѣднымъ, честностью, соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ и т. д. Но при точномъ изслѣдованіи

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

происхожденія этой теоріи возмездія почти всегда оказывается, что если мы находимъ ее въ развитой формѣ среди грубыхъ дикарей, то она обязана своимъ появленіемъ у нихъ не ихъ самостоятельному созданію, а вліянію болѣе культурныхъ племенъ. Въ первичныя эпохи развитія теорія возмездія, какъ мы уже замѣтили, находится только въ зачаточномъ состояніи. Мы увидимъ ниже, что стройной моральной системы въ это время еще нѣтъ, слѣдовательно, не можетъ быть и нравственнаго возмездія за гробомъ. Достоинство человѣка полагается въ его силѣ и храбрости, которыя онъ сохраняетъ и послѣ смерти и благодаря которымъ живетъ въ замогильномъ мірѣ такъ-же счастливо, какъ и на землѣ. Сила, храбрость, богатство необходимы человѣку даже для того, чтобы достигнуть блаженнаго отдѣленія загробнаго міра и не попасть въ адъ. Дорога въ первобытный рай чрезвычайно длинна, трудна и опасна. У однихъ народовъ душа должна взбираться туда по скользкой, голой скалѣ, у другихъ—проходить по узкому мостику черезъ бурный потокъ, у третьихъ—переплывать черезъ опасныя рѣки, перескакивать черезъ ужасныя пропасти и т. д. Независимо отъ естественныхъ препятствій этого пути, душа подвергается на немъ еще нападеніямъ враждебныхъ духовъ, и если она слаба, не имѣетъ помощниковъ, не снабжена извѣстными необходимыми средствами, то она или погибаетъ на этой дорогѣ, или попадаетъ въ мѣсто ужасныхъ мученій. Для облегченія душѣ труднаго пути въ блаженное обиталище духовъ создана цѣлая система погребальныхъ обычаевъ, имѣющая свою исторію и важное значеніе въ развитіи первобытной культуры.

Бушменъ, бросающій своихъ покойниковъ въ кустарникъ, камчадалы, которые еще не такъ давно отдавали мертвецовъ на съѣденіе собакамъ, и нѣкоторые другіе дикари, предоставляющіе трупы хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о способѣ погребенія въ ту первобытную эпоху, когда человѣкъ такъ мало возвышался надъ остальнымъ животнымъ міромъ. Съ развитіемъ фетишизма и анимизма мертвое тѣло получило значеніе вліятельнаго фетиша и явилось желаніе удерживать его какъ можно дольше въ средѣ его семейства. Дикарь не отличаетъ смерти отъ сна, обморока, летаргіи; онъ думаетъ, что рано или поздно покойникъ „придетъ въ себя“, „проснется“, и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

поэтому многіе дикари дѣлаютъ попытки оживить трупъ. Одинъ арауказъ, потерявшій двухъ братьевъ, нарѣзалъ древесныхъ вѣтвей и началъ сѣчь ими трупы, но видя, что розги не пробираютъ покойниковъ, онъ открылъ имъ глаза и началъ тыкать въ нихъ и по всему лицу колючками. Готентоты ругаютъ и даже бьютъ умирающихъ и мертвыхъ за то, что они уходятъ. Далѣе чрезвычайно распространенъ обычай упрашивать покойника „придти въ себя". Фантіи ругаютъ трупъ за то, что онъ оставляетъ ихъ, а иногда умоляютъ его о покровительствѣ. Караибы спрашиваютъ покойника о причинахъ, по которымъ онъ оставляетъ ихъ. Жители острова Ассу втеченіи нѣсколькихъ дней заставляютъ мертвеца ѣсть, и видя, что онъ не притрогивается къ пищѣ, набиваютъ ему ротъ ею и льютъ въ него напитки, такъ-что все это течетъ по тѣлу и разливается кругомъ по полу. Трупъ оставался для фетишистовъ живымъ существомъ; отдѣлившаяся отъ него душа витала около него или часто посѣщала его. Съ трупомъ обходились какъ съ живымъ человѣкомъ. На Джильбертовыхъ островахъ мертвецъ держится въ домѣ до его окончательнаго разложенія и жена продолжаетъ спать съ нимъ попрежнему, а мать умершаго ребенка долго еще послѣ его смерти няньчитъ и прикладываетъ его къ своей груди для кормленія, какъ мы это видимъ и у многихъ другихъ дикарей. По первобытному представленію, какъ скоро тѣло истреблено, то оживаніе человѣка невозможно, и вотъ появляется забота о сохраненіи тѣла. При невозможности сохранить трупъ навсегда, многіе дикари свято хранятъ нѣкоторыя части его, черепъ, кости, волосы, ногти, которыя и для ихъ благоговѣнія, и для отшедшей души замѣняютъ собою цѣлое тѣло. Эти первобытныя реликвіи служатъ фетишемъ-покровителемъ семьи или племени, которыя, въ случаѣ своего переселенія въ другую страну, заботятся прежде всего объ ихъ переносѣ съ собою. Съ развитіемъ знаній заботы о сохраненіи труповъ достигаютъ большихъ успѣховъ. У множества народовъ Африки, Азіи, Австраліи, Америки трупы, по крайней мѣрѣ, трупы людей знатныхъ, сушатся на солнцѣ, просаливаются, коптятся, бальзамируются и такимъ образомъ на долго предохраняются отъ окончательнаго разрушенія. Мехиканцы вѣрили, что умершіе должны ожить снова, и потому, высушивъ кости покойниковъ, вѣшали ихъ въ корзинахъ, чтобы

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

умершимъ не пришлось по воскресеніи разыскивать свои кости. Въ Египтѣ и Перу заботливость о сохраненіи труповъ и искусство бальзамированія достигли своего высшаго развитія, и тысячелѣтнія египетскія муміи до сихъ поръ ждутъ возвращенія своихъ душъ изъ странствованій метемпсихозиса. Съ прогресомъ умственнаго развитія идеи сна и смерти диференцируются и надежда на воскресеніе болѣе и болѣе отодвигается ко времени конца міра...

Приготовленные для долгаго сохраненія трупы помѣщались сначала въ ихъ собственныхъ жилищахъ, въ которыхъ хоронились и небальзамированные мертвецы. И страхъ передъ покойникомъ, и признаніе правъ его на все, чѣмъ онъ владѣлъ при жизни и что остается нужнымъ ему послѣ его смерти, заставляли дикарей или предоставлять умершему все его жилище, или, по крайней мѣрѣ, хоронить его въ немъ. Многіе негры и индѣйцы до сихъ поръ хоронятъ мертвецовъ въ ихъ собственныхъ хижинахъ. Туземцы Борну и Золотого берега закапываютъ покойника тоже въ общемъ семейномъ жилищѣ, которое, впрочемъ, у людей достаточныхъ навсегда покидается живыми членами семейства. Когда у новозеландцевъ умиралъ глава семейства, его хоронили въ домѣ и, заколотивъ послѣдній, бросали его. Трупъ знатнаго скандинава, окруженный всѣмъ необходимымъ, оставлялся въ жилищѣ, которое засыпалось землей, образовывавшей надъ нимъ могильный холмъ. Мертвый, такимъ образомъ, не выходилъ изъ своего прежняго жилища. Но этотъ обычай, какъ неудобный и невыгодный для живыхъ, уступилъ мѣсто обыкновенію строить для мертвецовъ отдѣльныя помѣщенія. Негры Сенегамбіи строятъ для каждаго мертвеца отдѣльную хижину, такъ-что постепенно образуются цѣлыя деревни покойниковъ. У многихъ туземцевъ Америки для души строится надъ могилою пирамидка или другое зданіе, а у сибирскихъ татаръ — небольшой домикъ. На островахъ Тонга тѣло помѣщается въ могилѣ, а душа въ домикѣ, построенномъ надъ могилой. Жилища, воздвигавшіяся надъ могилами прежнихъ отаитянъ, были лучшими зданіями у этихъ дикарей. Обычай постройки этихъ жилищъ, существуя у всѣхъ первобытныхъ народовъ, съ теченіемъ времени у однихъ постепенно вырождался и доходитъ до обыкновеннаго надгробнаго камня новѣйшихъ кладбищъ, у другихъ-же, сохраняя свой первичный

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

типъ, развился до величественныхъ пирамидъ Египта и царственныхъ усыпальницъ Перу.

Погребеніе въ землѣ—самый распространенный способъ похоронъ, породившій представленіе о загробномъ мірѣ, какъ о *подземномъ* царствѣ. Первобытные жители пещеръ погребали покойниковъ въ этихъ пещерахъ, и этотъ обычай продолжалъ существовать долго послѣ того, какъ люди стали жить уже въ настоящихъ домахъ, а пещеры между тѣмъ превращались въ загробный міръ. Евреи хоронили мертвецовъ въ пещерахъ, и загробный міръ ихъ назывался *шеолъ*, пещера. Съ теченіемъ времени загробный міръ въ представленіи дикаря все болѣе и болѣе удаляется отъ мѣста его жительства, и главная причина этого заключается въ переселеніяхъ. „Сохраняя въ сердцѣ привязанность къ родственникамъ и друзьямъ, покинутымъ на прежнемъ мѣстѣ обитанія, говоритъ Спенсеръ, — и подвергаясь болѣзни, называемой тоскою по родинѣ (нерѣдко въ чрезвычайно значительной степени, какъ это видно изъ показаній Ливингстона, который говоритъ, что нѣкоторые негры умирали отъ этой болѣзни), нецивилизованные люди, изгнанные войною или голодомъ изъ своихъ прежнихъ обиталищъ, должны часто видѣть во снѣ тѣ мѣста и тѣхъ людей, которыхъ они оставили на родинѣ. Ихъ свѣденія, передаваемыя и принимаемыя самымъ первобытнымъ образомъ, т. е. какъ дѣйствительныя происшествія, понимались такъ, какъ будто они дѣйствительно во время сна посѣщали свои прежнія жилища. Каждый день то одинъ, то другой изъ нихъ видѣлъ подобный сонъ, и такимъ образомъ понятіе о посѣщеніи родины во время сна становилось все болѣе и болѣе обыкновеннымъ. Что-же должно было произойти здѣсь въ случаѣ смерти, истолковываемой такъ, какъ ее истолковываетъ себѣ первобытный человѣкъ? Другое *я* находится въ продолжительномъ отсутствіи,—спрашивается, куда оно отправилось? Очевидно, оно ушло въ то мѣсто, куда и прежде часто ходило, но каждый разъ возвращалось назадъ. Теперь оно не возвратилось. Этотъ человѣкъ и раньше желалъ вернуться назадъ, на родину, и часто говорилъ, что когда-нибудь уйдетъ туда. И вотъ, теперь онъ сдѣлалъ то, о чемъ говорилъ“. Съ этимъ объясненіемъ смерти мы встрѣчаемся повсюду. Когда умиралъ Инка, перуанцы говорили, что онъ „отозванъ домой, въ страну своего отца,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

солнца". Когда умираютъ манданцы, то надѣются вернуться въ первобытное жилище своихъ предковъ. „Не думайте, говоритъ одинъ новозеландскій вождь, — что я земного происхожденія: я пришелъ съ неба; всѣ мои предки тамъ, и современемъ я возвращусь къ нимъ". Что *небо* въ первобытныхъ представленіяхъ было ничто иное, какъ именно та страна, изъ которой пришелъ народъ, это доказываетъ древняя вавилонская легенда о потопѣ, по которой то мѣсто пребыванія боговъ, куда былъ перенесенъ за свое благочестіе Ксизитрусъ, находилось у Персидскаго залива, подлѣ устья Евфрата. Такъ-какъ переселенія происходили по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, то въ представленіяхъ различныхъ народовъ загробный міръ находился въ разныхъ частяхъ свѣта, и поэтому-то одни народы кладутъ своихъ покойниковъ лицомъ къ востоку, другіе—къ западу, третьи—къ сѣверу или къ югу, смотря по тому, по какому направленію пришли ихъ предки. Въ южной Америкѣ чапосы ведутъ свое происхожденіе отъ народовъ запада, „живущихъ по ту сторону океана", и думаютъ, что ихъ мертвецы уходятъ снова на западъ. Перуанцы, принадлежавшіе къ племени побѣдителей, разсчитывали вернуться послѣ своей смерти на востокъ и лицомъ къ нему поворачивали трупы, но перуанцы, первобытные люди покоренной расы, не имѣли этого обыкновенія. Преданіе о жизни предковъ въ пещерахъ, въ той странѣ, изъ которой пришли они, естественно ведетъ за собой представленіе, что ихъ родина, на которую потомки ихъ возвращаются послѣ своей смерти, находится подъ землей. Развитію идеи о подземномъ загробномъ мірѣ много содѣйствовали, конечно, и тѣ впечатлѣнія, которыя производили и производятъ на первобытные умы такія громадныя и безпредѣльныя пещеры, какъ Мамонтова въ Кентуки, Белламорская во Флоридѣ и множество другихъ, промытыхъ водой въ мѣловыхъ формаціяхъ во всѣхъ частяхъ міра,—длинныхъ, развѣтвляющихся, приводящихъ изслѣдователя въ одномъ направленіи къ бездонной пропасти, въ другомъ — къ подземному озеру или рѣкѣ. При первобытномъ легковѣріи эти ходы и пещеры естественно превращались въ темные пути, ведущіе въ бездну ада, и понятно, почему путешествіе покойника въ загробный міръ считается всегда сопряженнымъ съ большими трудностями и опасностями. Впрочемъ, эти трудности и опасности во многихъ слу-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

чаяхъ порождены преданіемъ о тѣхъ дѣйствительныхъ препятствіяхъ, которыя приходилось преодолѣвать народу при его переселеніи съ родины въ новую страну. Для первобытнаго народа даже переправа черезъ рѣку была чрезвычайно затруднительна, и вотъ въ ихъ представленіяхъ главною опасностью для покойника служитъ именно переправа черезъ рѣку, лежащую на пути въ адъ. Поэтому-то у многихъ народовъ покойниковъ и кладутъ въ лодку, особенно у приморскихъ жителей и островитянъ, напримѣръ, у фиджійцевъ, понятно почему думающихъ, что загробнаго міра невозможно достигнуть иначе, какъ въ лодкѣ. При такомъ объясненіи становится совершенно яснымъ то, почему у нѣкоторыхъ народовъ мы находимъ не одинъ, а два и даже три загробныхъ міра: покоренные туземцы отправляются послѣ смерти въ жилища своихъ предковъ, а пришельцы-покорители — на свою родину. У очень многихъ народовъ есть обыкновеніе погребать покойниковъ на высокихъ, нарочно устроенныхъ для того подмосткахъ или на трудно-доступныхъ горныхъ вершинахъ,—и вотъ загробный міръ изъ горной мѣстности превращается въ *обитель горнюю, въ небо.* Наконецъ, съ развитіемъ анимистическаго созерцанія входитъ въ обычай сожженіе труповъ. Божественный огонь, сжигая тѣло и истребляя всѣ грубыя его части, очищаетъ отъ нихъ матерію души и возноситъ ее въ горнія обители.

Когда, такимъ образомъ, составилось понятіе о подземномъ мірѣ въ той или другой изъ упомянутыхъ формъ, это понятіе продолжаетъ пополняться и развиваться при помощи сновидѣній и галюцинацій, которыхъ первобытный умъ не могъ отличать отъ дѣйствительности и которыя играли чрезвычайно важную роль въ развитіи мифологіи; сновидѣнія и галюцинаціи дали главный матеріялъ для представленій о царствѣ мертвыхъ. Когда Дантъ написалъ свою великую поэму, то на него съ ужасомъ указывали на улицахъ пальцами, какъ на человѣка, сходившаго въ адъ. Самъ Дантъ, конечно, не считалъ себя совершившимъ такой подвигъ, но то, что было у него фантазіей, въ первобытной жизни кажется дѣйствительностью. Шортлэндъ разсказываетъ слѣдующій интересный случай изъ новозеландской жизни. Тетка его слуги, туземца Новозеландіи, умерла въ уединенной хижинѣ на берегу озера. Она принадлежала къ знатному роду и потому

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тѣло ея оставили, по обычаю, въ хижинѣ, заложили окна и двери и покинули это жилище. Но спустя дня два, этотъ туземецъ плывя съ товарищами въ лодкѣ мимо этой хижины, увидѣлъ на берегу женщину, дѣлавшую имъ знаки. Это была тетка, вернувшаяся къ жизни, но озябшая, голодная и ослабѣвшая. Она разсказала, какъ путешествовала въ царствѣ мертвыхъ, что тамъ видѣла и какъ, наконецъ, ея душа, возвратившись на землю, устремилась къ мѣсту, на которомъ лежало ея тѣло. Вернувшись къ жизни, она увидѣла себя въ темнотѣ и все бывшее съ нею казалось ей сномъ; но, замѣтивъ, что лежитъ одна въ пустомъ домѣ съ заколоченными дверьми и окнами, она убѣдилась, что дѣйствительно умирала и потомъ ожила. Утромъ, при помощи слабаго свѣта, проникавшаго черезъ щели, она увидѣла на полу тыкву съ красной охрой и водой, выпила послѣднюю, нѣсколько подкрѣпилась, успѣла отворить дверь и выползла на берегъ, гдѣ ее и нашелъ ея племянникъ. Народъ стекался слушать ея разсказы о царствѣ мертвыхъ и не обнаруживалъ по поводу ихъ ни малѣйшаго скептицизма, принимая ихъ съ такимъ-же довѣріемъ, съ какимъ относятся къ повѣствованіямъ подобныхъ путешественниковъ въ страну тѣней туземцы Сибири, Африки, Австраліи и т. д. Въ зулусскомъ племени еще очень недавно жилъ маленькій, безобразный, волосатый человѣкъ, который однажды, преслѣдуя дикобраза, спустился за нимъ въ глубокую нору и попалъ оттуда въ страну мертвыхъ. Вернувшись домой, онъ увидѣлъ, что его сочли умершимъ и при видѣ его испуганная толпа снова затянула погребальный гимнъ. Про этого зулусскаго Данта народъ постоянно говорилъ: „вотъ человѣкъ, бывавшій у подземныхъ жителей“. Не всѣ легенды о путешествіяхъ въ царство мертвыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ снамъ и галюцинаціямъ,—во многихъ случаяхъ онѣ тѣсно связаны съ мифами о солнцѣ; но все-таки у всѣхъ народовъ и на самыхъ различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія онѣ играютъ важную роль въ развитіи и распространеніи понятій о загробной жизни. У Лукіана, у Плутарха, у средневѣковыхъ писателей вы найдете точно такія-же легенды объ этихъ странствованіяхъ, какъ и приведенный выше разсказъ схороненной заживо, но потомъ очнувшейся новозеландки. Въ Ирландіи извѣстная пещера св. Патрика вплоть до XVIII в. считалась преддверіемъ, черезъ которое

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

желающіе могли проникать въ чистилище. Когда пилигримъ послѣ пятнадцати-дневнаго поста и молитвы въ церкви, сопровождаемый литаніями и кропленіемъ св. водой, былъ приводимъ ко входу въ чистилище, и послѣднія увѣщанія монаховъ не могли заставить его отказаться отъ своего намѣренія, двери запирались за нимъ. На слѣдующее утро онъ, если только оставался живымъ, разсказывалъ подробности своего страшнаго похожденія. Даже разрушеніе этого входнаго зданія по указу папы въ 1497 г. не изгладило представленій объ ихъ путешествіяхъ въ царство мертвыхъ. Когда, при роскопкахъ въ этой мѣстности, около 1693 г. было найдено окно съ желѣзной рѣшеткой, то народъ началъ требовать св. воды, чтобы удержать духовъ въ ихъ заточеніи и священникъ чувствовалъ запахъ сѣры, выходившій изъ темной пропасти, которая оказалась простымъ погребомъ, что, впрочемъ, не мѣшало и впослѣдствіи отправляться сюда пилиграмамъ цѣлыми десятками тысячъ.

Какъ ни разнообразны формы первичнаго погребенія, всѣ они имѣютъ одинъ смыслъ—облегчить мертвецу переходъ въ подземный міръ и устроить его тамъ наиудобнѣйшимъ образомъ. Душа въ царствѣ мертвыхъ будетъ вести такую-же жизнь, какую вело на землѣ тѣло, поэтому ей нужны и пища, и платье, и оружіе, и рабочій скотъ, и жены, и рабы. Всѣмъ этимъ покойника нужно снабдить, — и вотъ является повсюду обычай снабженія въ загробной жизни души мертвеца душами его скота, его оружія, его семейства. У патагонцевъ на могилѣ убивается лошадь, на которой покойникъ долженъ доѣхать до страны мертвыхъ. У эскимосовъ въ могилу ребенка кладутъ голову собаки, чтобы душа послѣдней помогла младенцу добраться до страны духовъ. У всѣхъ инородцевъ Сибири умершихъ снабжаютъ лошадьми, санями, топоромъ, огнивомъ, трубкой съ табакомъ, мясомъ и деньгами, а у эстовъ, кромѣ того, иголками и нитками, съ трупомъ-же ребенка хоронятъ его игрушки. У литовцевъ души умершихъ должны были взбираться на крутую, высокую гору; поэтому, кромѣ другихъ предметовъ, съ трупами сожигались когти медвѣдя или рыси, чтобы съ помощью ихъ удобнѣе было всползти на упомянутую возвышенность. Этотъ обычай удерживается долго даже въ культурной жизни и выполняется здѣсь съ безумною роскошью. Въ 1849 г. хоронили кохинхинскаго

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

короля. „Когда тѣло его положили въ гробъ, вмѣстѣ съ нимъ положили множество предметовъ, которые должны были служить ему въ другомъ мірѣ: корону, чалмы, всевозможныя одежды, золото, серебро и другія драгоцѣнныя вещи, рисъ и съѣстные припасы. Различныя блюда съ кушаньями были поставлены возлѣ гроба, а на кускѣ шелковой матеріи было вышито изображеніе одной изъ душъ умершаго. Въ могильномъ склепѣ, сооруженномъ изъ камня, были заперты его бездѣтныя вдовы, чтобы охранять его тѣло, приготовлять ежедневно пищу и дѣлать все, что можетъ быть нужно умершему въ другой жизни. Когда гробъ поставили въ склепъ, то позади этого зданія сожгли множество лодокъ, мостковъ и всѣхъ предметовъ, служившихъ при обрядѣ похоронъ, равно и всѣ предметы, которые король употреблялъ при жизни: шахматную доску, музыкальные инструменты, вѣера, ящики, зонтики, ковры, сѣти, экипажи и т. д., наконецъ, лошадь и слона изъ дерева и картона. Около пагоды сооружены были великолѣпные дворцы изъ дерева, богато убранные и во всѣхъ отношеніяхъ сходные съ дворцомъ, въ которомъ жилъ покойный монархъ. Каждое изъ этихъ зданій состояло изъ двадцати комнатъ, и было приложено всевозможное стараніе, чтобы все въ нихъ соотвѣтствовало назначенію дворца. Затѣмъ эти зданія были сожжены съ большимъ торжествомъ, въ надеждѣ, что они будутъ служить покойному въ другомъ мірѣ“. Въ Египтѣ сооруженіе вѣковѣчныхъ пирамидъ поглощало значительную часть доходовъ страны. Въ Перу по смерти каждаго государя всѣ принадлежавшія ему сокровища оставлялись въ томъ-же видѣ, въ какомъ были при его смерти, а многочисленные дворцы его запирались на-вѣки. Но не у всѣхъ народовъ долго держится обычай такого роскошнаго снабженія покойника. Разсчетливость беретъ у многихъ верхъ надъ благочестивою расточительностью и мертвеца начинаютъ снабжать не самыми предметами, а только ихъ изображеніями. Такихъ изображеній много встрѣчается въ могилахъ египтянъ, эскимосовъ, этрусковъ. Въ Китаѣ люди, лошади и деньги, отправляемые къ умершему въ загробный міръ, дѣлаются изъ бумаги и приготовленіемъ ихъ заняты массы женщинъ и дѣтей въ каждомъ китайскомъ городѣ. Для покойника сжигаются также красивые, роскошно убранные бумажные домики, чтобы онъ могъ жить въ нихъ, и бумажные ключи, чтобы онъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

могъ отпирать бумажные замки бумажныхъ ящиковъ, наполненныхъ бумажной монетой, предназначенной для расходовъ на томъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ покойникомъ посылаются также цѣлые тюки различныхъ предметовъ, для передачи друзьямъ и родственникамъ, умершимъ ранѣе его. Снабжая мертвеца всѣмъ необходимымъ для будущей жизни, необходимо отправить вмѣстѣ съ нимъ его женъ. рабовъ, воиновъ, которые умерщвляются, сожигаются или погребаются заживо во время похоронъ. Въ Индустанѣ еще недавно сожигалось ежегодно до 30,000 женщинъ вмѣстѣ съ трупами ихъ мужей. При погребеніи дагомейскаго короля умерщвляется отъ 100 до 1,000 человѣкъ, его сопровождаютъ въ загробный міръ 86 танцовщицъ, 50 солдатъ и т. д. Этого мало. „Дагомейцы, говоритъ Бертонъ, — періодически снабжаютъ покойнаго монарха новыми слугами въ мірѣ тѣней". Кромѣ того, эти бойни дополняются еще почти ежедневными убійствами. „Все, что дѣлаетъ король, не исключая послѣднихъ мелочей, должно быть сообщаемо ему въ царство тѣней. Жертвой выбирается обыкновенно военноплѣнный; ему сообщаютъ порученіе, затѣмъ напаиваютъ ромомъ и онъ отправляется въ міръ умершихъ въ наилучшемъ расположеніи духа". На могилѣ каждаго богатаго дагомейца убиваются, по крайней мѣрѣ, мальчикъ, дѣвушка и любимая жена покойнаго. При смерти калабарскаго короля умерщвляются сотни людей. Получивъ извѣстіе объ истребленіи племени намена въ 1839 г., туземцы Сомосома задушили 80 женщинъ, чтобы отправить ихъ вслѣдъ за душами умершихъ мужей. Всякій человѣкъ, встрѣтившійся съ погребальной процесіей монгольскаго принца, былъ убиваемъ и душа его поступала въ свиту покойника. Въ Кимбундѣ всѣ, попавшіеся на-встрѣчу гробу короля умерщвляются на его могилѣ вмѣстѣ съ другими жертвами. Съ трупомъ предводителя племени вадо погребаются живыми невольница и невольникъ, послѣдній съ топоромъ въ рукѣ, чтобы рубить на томъ свѣтѣ дрова для своего господина. Большинство дикарей думаетъ, что всѣ убитые ими въ этой жизни въ будущей будутъ служить имъ въ качествѣ рабовъ. Поэтому-то, напр., у даяковъ и была распространена до такой степени „охота за головами", совершенно, повидимому, безцѣльная. Молодой человѣкъ не имѣлъ права жениться, пока не добывалъ себѣ головы. Отецъ, потерявшій сына, убивалъ для него перваго встрѣч-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

наго; родные носили трауръ по умершемъ до тѣхъ поръ, пока не убивали кого-нибудь и не снабжали умершаго рабомъ въ жилищѣ душъ. Подкарауливать людей и убивать ихъ сдѣлалось у даяковъ національною забавою. „Бѣлые, говорили они,—читаютъ книги, мы-же вмѣсто того охотимся за головами". Этотъ человѣкоубійственный обычай долго удерживался даже у народовъ довольно высокой культуры, напр., въ Перу и Мехикѣ. Въ Японіи онъ господствовалъ еще въ XVII вѣкѣ. Здѣсь при смерти лица благороднаго происхожденія отъ 10 до 30 слугъ его умерщвляли себя посредствомъ вспарыванья живота. Теперь вмѣсто живыхъ людей погребаютъ съ умершимъ фигуры изъ глины или дерева. Въ Китаѣ до сихъ поръ многія вдовы, не желая разлучаться съ умершимъ мужемъ, соединяются съ нимъ посредствомъ самоубійства. Кромѣ того, умершаго китайца снабжаютъ носильщиками паланкиновъ и зонтиковъ и посылаютъ верховыхъ курьеровъ для извѣщенія властей загробнаго міра о прибытіи покойника. Эти носильщики и курьеры дѣлаются теперь изъ бумаги, но было, конечно, время, когда въ положеніи этихъ бумажныхъ фигуръ находились настоящіе люди, жертвовавшіе своею жизнью вслѣдствіе грубыхъ, первичныхъ представленій о загробномъ мірѣ. Представленія эти возбуждали такую живую вѣру, чуждую малѣйшаго скептицизма, что люди сплошь и рядомъ сами стремились войти въ царство тѣней съ извѣстными мертвецами, въ особенности женщины и рабы, которые, по убѣжденію многихъ народовъ, могли проникнуть въ блаженную обитель и сподобиться безсмертія не иначе, какъ сопутствуя своимъ мужьямъ и господамъ.

VI.

Люди-фетиши. — Поклоненіе предкамъ. — Переходъ душъ умершихъ въ духовъ.

Извѣстно, что мисіонеры, дѣйствующіе среди дикихъ народовъ, не находятъ въ языкахъ ихъ словъ, которыми-бы можно было выразить христіанскую или магометанскую идею о божествѣ и даже въ языкѣ такого культурнаго народа, какъ китайцы, для

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

выраженія этой идеи нѣтъ другого, болѣе подходящаго слова, кромѣ *тьянь*, небо. Такимъ образомъ, религію первобытнаго человѣка нельзя назвать богопоклоненіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Дикарь боится всего, что кажется ему страннымъ и непостижимымъ и считаетъ сверхъестественнымъ все то, чего онъ не въ состояніи понять. Когда, напр., крушены увидѣли въ первый разъ корабль, то воскликнули: „навѣрное, это вещь несотворенная: ея не могъ сдѣлать человѣкъ!“ И всѣ предметы, которые сильно поражаютъ умъ дикаря, онъ называетъ *великими*, *сильными*, *ужасными*, *непостижимыми* и другими словами, которыми мисіонерамъ и приходится пользоваться для выраженія идеи божества. Фиджійское слово *каху*, напр., которымъ называютъ божество, означаетъ собственно все *великое и удивительное* и, подъ вліяніемъ такого представленія, фиджійцы объявили богомъ нашъ типографскій станокъ. Малагазцы, по словамъ Элиса, объявляютъ богомъ все, что покажется имъ новымъ, чрезвычайнымъ или полезнымъ. „Шелкъ, рисъ, деньги, громъ, молнія, землетрясеніе, все это у нихъ боги; тѣмъ-же именемъ они называютъ своихъ предковъ и умершаго короля; книга у нихъ тоже богъ, а бархатъ они называютъ страннымъ именемъ *сына боговъ!*“ У тодасовъ слова *деръ* и *свами* (боги, господа), прилагаются ко всему удивительному или невиданному; сѣть, священные останки, жрецы и т. д. смѣшиваются ими въ одной и той-же категоріи, такъ что становится очевиднымъ, что *деръ*, подобно *свами*, есть на самомъ дѣлѣ только прилагательное, означающее величіе или превосходство.

Послѣ этого уже не трудно понять, почему первые европейцы, бѣлолицые, въ невиданныхъ дикарями одеждахъ, съ своими кораблями-чудовищами и съ громоноснымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и въ Америкѣ и въ Австраліи были принимаемы за боговъ, спустившихся съ неба. Точно такимъ-же образомъ не одни только невиданные иностранцы, но и туземцы, обладающіе какими-нибудь великими и удивительными свойствами, превращаются у грубыхъ дикарей въ боговъ. У гепсуровъ, говоритъ Бьюкананъ,—человѣкъ необыкновеннаго таланта считается обыкновенно *духомъ*“. Маршаль, описывая священнаго торговца молокомъ и жреца тодасовъ, слѣдующимъ образомъ передаетъ свой разговоръ съ нимъ: „правда-ли, что тодасы привѣтствуютъ солнце?“ спросилъ я его.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

„Да! отвѣчалъ онъ, — эти бѣдняки дѣйствительно дѣлаютъ такъ, но я—ударя себя въ грудь—*я богъ*, съ чего-же я буду привѣтствовать солнце?“ Въ то время я счелъ эту выходку за простой взрывъ тщеславія и гордости, но впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться въ истинности его словъ. Жрецъ у нихъ въ настоящее время не есть только сосудъ, заключающій въ себѣ божественныя свойства, но самъ богъ“. Монгомери разсказываетъ, что индѣйцы тахтики поклоняются такому богу со всѣми обычными обрядами; вотъ какъ онъ описываетъ это поклоненіе. „Это былъ никто другой, какъ какой-то старый индѣецъ, котораго они нарядили особеннымъ образомъ и который поселился въ особой хижинѣ, куда приходятъ поклоняться ему, принося съ собой, какъ жертву, плоды своихъ трудовъ и совершая въ его присутствіи извѣстные религіозные обряды, согласно съ ихъ древнимъ обычаемъ“. Маттакосы на Лаплатѣ имѣютъ тоже бога-человѣка, на мѣсто котораго они постоянно выбираютъ самаго преклоннаго старика изъ своего племени, который живетъ въ уединеніи и только по временамъ торжественно посѣщаетъ своихъ соплеменниковъ и поклонниковъ. Если во время, назначенное для этихъ періодическихъ посѣщеній, онъ не является, то его считаютъ умершимъ и на его мѣсто поступаетъ старѣйшій за нимъ. На Маркизскихъ островахъ, кромѣ второстепенныхъ боговъ (атуасовъ), были еще нѣкоторые люди, жившіе въ таинственномъ уединеніи, которымъ воздавалось такое-же наклоненіе и приносились такія-же жертвы, какъ и атуасамъ. Если такимъ образомъ *высшій* и *божественный* были въ началѣ выраженіемъ одной и той-же идеи, то понятно, что отцы семействъ, родоначальники, жрецы, князья стремились сдѣлаться богами еще при своей жизни, что они сами смотрѣли на себя, какъ на существа высшія, божественныя и являлись такими-же въ глазахъ людей подчиненныхъ, особенно если они отличались отъ другихъ какими-нибудь необыкновенными талантами, знахарствомъ, ужаснымъ деспотизмомъ и т. д. У фиджійцевъ глава племени, т. е. старшій изъ его членовъ мужского пола, находящихся въ живыхъ, считается не только отцемъ племени, но и божкомъ. Онъ пользуется безусловною властью надъ личностью, имуществомъ и жизнью каждаго изъ членовъ своего племени, которое воздаетъ ему, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти такое-же почтеніе, какъ богу. Родоначальники фиджійцевъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

пользуются еще большими почестями. „Различіе между вождемъ высокаго порядка и божествомъ второстепеннаго порядка очень незначительно, говоритъ Элисъ.—Первый смотритъ на себя въ значительной степени, какъ на бога, да и подданные его нерѣдко говорятъ о немъ, какъ о богѣ; въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ онъ публично требуетъ для себя божественныхъ правъ". У многихъ племенъ негровъ князьки ихъ и въ то-же время жрецы равнымъ образомъ играютъ роль боговъ, главное благодѣяніе которыхъ заключается въ низведеніи дождя; подданные молятся имъ, приносятъ жертвы, а въ случаѣ продолжительной засухи жестоко расправляются съ ними; извѣстный путешественникъ Беккеръ разсказываетъ, какъ одинъ изъ такихъ божковъ, въ подобномъ критическомъ положеніи, обратился къ нему за совѣтомъ; путешественникъ сообщилъ ему указаніе барометра, предсказывавшее дождь, божокъ передалъ народу отъ себя это предсказаніе, которое оправдалось, и жизнь, и авторитетъ его были спасены. Король Лоанго, по вѣрованію жителей, есть тоже богъ и можетъ низводить дождь, когда ему угодно. Въ декабрѣ его подданные сходятся обыкновенно молить его о дождѣ, при чемъ каждый приноситъ ему даръ или жертву. Постепенное увеличеніе силы или богатства дикарскаго царька внушаетъ обыкновенно его подданнымъ идею о высшемъ величіи и силѣ, какихъ они прежде не знали. Въ западной Африкѣ, напр., торговля рабами значительно увеличиваетъ богатство, а слѣдовательно, и силу такихъ царьковъ и они начинаютъ внушать своимъ подданнымъ такой страхъ и благоговѣніе, какіе оказываютъ и другимъ божествамъ своимъ. И примѣры такого обоготворенія живыхъ людей мы видимъ не у однихъ только такъ-называемыхъ низшихъ расъ. Пальгревъ приводитъ примѣръ такого обоготворенія у семитовъ. „Кто вашъ богъ?" спросилъ одинъ знакомый мнѣ арабскій путешественникъ у кочевника изъ Мезалекха, неподалеку отъ Басры. „У насъ былъ богомъ Фади", отвѣчалъ кочевникъ (Фади — имя могущественнаго губернатора этихъ странъ, умершаго не задолго передъ этимъ),—„но послѣ того, какъ онъ умеръ, я, право, не знаю, кто у насъ богомъ въ настоящую минуту". Послѣ этого становится понятнымъ, какимъ образомъ могущественные государи Египта, Тибета, Японіи и другихъ странъ могли считаться великими божествами.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

„Когда, говоритъ Спенсеръ,—въ вавилонской легендѣ о потопѣ мы встрѣчаемъ съ одной стороны такія выраженія: „боги испугались бури и стали искать убѣжища“ или „боги растянулись, подобно собакамъ, запертымъ въ загонѣ“, выраженія, показывающія, какъ мало боги отличались отъ людей и по своимъ силамъ, и по своимъ чувствамъ и когда, съ другой стороны, мы находимъ, что Издубаръ, герой легенды о потопѣ, становится впослѣдствіи богомъ и что Белъ, произведшій потопъ, былъ „воинъ Белъ“, то у насъ пропадаетъ всякое сомнѣніе относительно того, что вавилоняне также поклонялись своимъ властителямъ, которые были богами еще при жизни“. Даже въ болѣе позднія эпохи многіе государи провозглашали себя богами, какъ, напр., греческіе властители малой Азіи или ихъ родоначальникъ, Александръ Македонскій, объявившій себя сыномъ Юпитера и хотя скептицизмъ въ греческомъ обществѣ былъ въ то время чрезвычайно силенъ и сама мать Александра, шутя, говаривала о сынѣ, что онъ совершенно напрасно старается поссорить ее съ женой Юпитера, но масса азіятовъ все еще вѣрила этимъ богамъ. Даже позднѣе императоръ Домиціанъ начиналъ свои эдикты; „Мы, какъ Господь и Богъ, повелѣваемъ“...

На той ступени умственнаго развитія человѣчества, на которой возможно такое боготвореніе живыхъ людей, еще болѣе естественно и неизбѣжно поклоненіе мертвымъ, которое должно принимать несравненно большіе размѣры, чѣмъ поклоненіе живымъ. Изъ живыхъ людей высшими или божественными существами признаются только тѣ, которые возбуждаютъ въ остальныхъ особенное удивленіе или страхъ, между тѣмъ какъ каждый мертвецъ производитъ на живыхъ точно такое-же, если еще не сильнѣйшее впечатлѣніе. Когда образовалось понятіе о посмертной жизни души, то, благодаря сновидѣніямъ и галюцинаціямъ, первобытный человѣкъ убѣдился, что души мертвыхъ продолжаютъ жить около него или, по крайней мѣрѣ, посѣщаютъ его. Одинъ мисіонеръ разсказываетъ объ одной австралійкѣ, которую преслѣдовалъ духъ ея умершаго мужа. „Онъ не даетъ ей покоя каждый разъ, какъ она отправится къ своему новому мужу; онъ слѣдуетъ за ней и спрашиваетъ ее: „съ кѣмъ ты оставила моихъ дѣтей? Какое у тебя дѣло здѣсь? Ступай назадъ, къ моимъ дѣтямъ; если не послушаешься,—я убью тебя!“ До какой степени сильна у дикарей

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вѣра въ возвращеніе мертвыхъ, можетъ показать случай съ Джоржемъ Греемъ, котораго одна австралійка признала за своего умершаго, но возвратившагося сына и осыпала самыми нѣжными материнскими ласками. Австралійцы, съ которыми жила г-жа Томсонъ, признавали ее за вернувшееся назадъ второе *я* одного ихъ соплеменника и нерѣдко говорили: „бѣдняжка, вѣдь она только духъ усопшаго, и ничего больше!“ Рѣшительно у всѣхъ народовъ обоихъ полушарій души умершихъ, особенно въ первое время, послѣ смерти, посѣщаютъ свои прежнія жилища и своихъ родственниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія посѣщенія считаются благодѣтельными, желательными, и живые призываютъ своихъ умершихъ предковъ; въ другихъ-же случаяхъ такіе визиты мертвецовъ внушаютъ ужасъ, и живые принимаютъ мѣры, чтобы помѣшать имъ. По понятіямъ новозеландцевъ, напр., души умершихъ настолько измѣняются въ своей природѣ, что дѣлаются способными вредить самымъ близкимъ и дорогимъ людямъ. Караибы говорятъ, что изъ числа различныхъ душъ человѣка однѣ приходятъ на морской берегъ переворачивать лодки, другія-же уходятъ въ лѣса и становятся злыми духами. У нѣкоторыхъ племенъ средней Африки главное религіозное ученіе заключается въ вѣрованіи въ души умершихъ, которыя отличаются постояннымъ желаніемъ вредить живымъ. Сибирскіе юраки, положивъ покойника на четыре столба, чтобы отдѣлаться отъ него, пускаютъ въ него по три стрѣлы и уходятъ домой. Кафры переламываютъ или сгибаютъ принадлежащее умершему оружіе, чтобы духъ его, вернувшись какъ-нибудь ночью, не ранилъ кого-нибудь, а австралійцы отрѣзываютъ правый большой палецъ у убитаго врага, чтобы сдѣлать неспособнымъ его духъ бросить дротикъ. Готтентоты выносили покойниковъ изъ хижинъ черезъ нарочно продѣланное отверстіе, чтобы отнять у души его возможность найти обратную дорогу; подобнымъ-же образомъ, какъ извѣстно, поступали и наши предки. Чуваши бросаютъ въ-слѣдъ покойнику раскаленный до красна камень, чтобъ заградить этимъ душѣ путь къ возвращенію. Чтобы избавиться отъ проказъ духа какого-нибудь умершаго, дайяки окружаютъ изгородью то мѣсто, гдѣ погребено его тѣло. Гоайкурусы, послѣ смерти какого-нибудь соплеменника, всѣ перемѣняютъ свои имена, на тотъ случай, чтобы душа его, если-бы ей вздумалось возвратиться, не могла найти тѣхъ, кого

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

знало при жизни тѣло. Бранденбургскіе крестьяне выливаютъ вслѣдъ за покойникомъ на порогъ дома ведро воды, чтобы помѣшать возвращенію души его.

Но какія-бы мѣры ни принимались, чтобы отдѣлаться навсегда отъ посѣщенія души умершаго, она все-таки появляется роднымъ и знакомымъ, то въ сонномъ видѣніи, то въ видѣ галюцинаціоннаго призрака; мужъ или отецъ посѣщаетъ такимъ образомъ жену или семейство, а какой-нибудь умершій врагъ неотвязчиво преслѣдуетъ во снѣ своего живого врага, душитъ его и т. д. При такихъ условіяхъ первобытному человѣку остается только одно,— вступить, такъ-сказать, въ полюбовное соглашеніе съ душами умершихъ и давать имъ отступное, чтобы онѣ не вредили ему. Души покойниковъ нуждаются прежде всего въ пищѣ, а тѣхъ запасовъ, которыми онѣ обыкновенно снабжаются при погребеніи, хватаетъ не надолго, поэтому онѣ и появляются къ живымъ снова и снова, требуя пищи. Вотъ что, напр., разсказывалъ одинъ зулусъ миссіонеру о томъ, какъ его мучитъ духъ его умершаго брата. „Я опять видѣлъ моего брата; мнѣ снилось, что онъ билъ меня и приговаривалъ: „какъ это ты пересталъ уже знать, что я существую на свѣтѣ?“ Я отвѣтилъ ему такими словами: „хотя я и знаю и помню тебя, но какъ-же мнѣ сдѣлать такъ, чтобы ты видѣлъ, что я знаю тебя? Я знаю, что ты мой братъ“. Какъ только я сказалъ это, онъ тотчасъ отвѣтилъ мнѣ такимъ вопросомъ: „а почему-же, когда ты приносишь въ жертву скотину, ты не призываешь моего имени?“ Я сказалъ ему на это: „я постоянно взываю къ тебѣ и прославляю тебя всѣми твоими славными и хвалебными именами. Назови мнѣ хоть одну скотину, которую я зарѣзалъ-бы, не призвавъ тебя при этомъ. Вотъ я зарѣзалъ какъ-то быка, и призывалъ тебя, послѣ того я зарѣзалъ яловицу, и опять призывалъ тебя“. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это, говоря: „я хочу мяса“. Я отказалъ ему въ этомъ, говоря: „нѣтъ, братъ, у меня нѣтъ больше ни одной скотины; ступай посмотри въ загонѣ, найдешь-ли ты тамъ хоть что-нибудь.“ Онъ возразилъ на это: „если-бы тамъ оказалось хоть одно животное, я требую его для себя“. Когда я пробудился, я чувствовалъ еще боль въ боку“. Кормленіе умершихъ душъ и поклоненіе предкамъ мы находимъ рѣшительно у всѣхъ народовъ. На островѣ Мадагаскарѣ въ изящной верхней комнаткѣ мавзолея короля Радамы

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

были поставлены столъ и два стула, бутылка вина, бутылка воды и два стакана для того, чтобы душа умершаго монарха, посѣщая мѣсто успокоенія своего тѣла и встрѣчаясь здѣсь съ душею своего отца, могла раздѣлить съ нимъ то, что онъ любилъ при жизни. Въ западной Африкѣ варятъ пищу и ставятъ ее на столѣ въ маленькомъ шалашѣ или „чертовомъ домикѣ" подлѣ могилы; сюда приходитъ ѣсть ее духъ умершаго и души рабовъ, зарѣзанныхъ при его погребеніи. Въ Конго продѣлываютъ отверстіе въ могилѣ ко рту трупа и черезъ него передаютъ покойнику ежемѣсячно запасы пищи и питья; точно также поступаютъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ острова Явы. Эсты, садясь обѣдать, бросаютъ первый кусокъ и сплескиваютъ немного пива подъ столъ для своихъ покойниковъ. Черемисы кладутъ на могилу ѣду и питье, говоря: „это для васъ, умершіе". Древніе египтяне выставляли запасы пироговъ и утокъ у могилъ своихъ родственниковъ и даже приносили муміи на свои пиры, какъ гостей на праздникъ. Народы монгольской расы всегда отличались особеннымъ уваженіемъ къ своимъ предкамъ. Племя Топа, перешедшее въ среднюю Азію изъ южной Сибири, долго еще по своемъ переселеніи чтило могилы отцовъ и посылало имъ жертвы. Въ Китаѣ поклоненіе предкамъ еще въ глубокой древности превратилось въ государственное учрежденіе, и самъ Конфуцій считалъ его одною изъ первыхъ обязанностей человѣка. Въ императорскомъ китайскомъ дворцѣ есть особая *зала предковъ*, въ которой приносятся жертвы умершимъ членамъ царской фамиліи. Подобныя-же залы имѣетъ каждое семейство; въ извѣстное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и приносятъ своимъ предкамъ жертвы. То-же самое было, какъ извѣстно, въ Римѣ, гдѣ для предковъ устраивался въ домѣ особый алтарь. Въ кочевой жизни напр., у монголовъ такимъ алтаремъ служитъ очагъ, на которомъ ежедневно, какъ только хозяева начинаютъ ѣсть, приносятся жертвы предкамъ, въ видѣ бросаемыхъ въ огонь кусочковъ жира и т. д. Поэтому-то запрещается бросать въ огонь такія вещества, при сгораніи которыхъ чувствуется дурной запахъ, не позволяется плевать и лить воду на очагъ, перешагивать черезъ него, замахиваться оружіемъ, вынимать ножемъ мясо изъ котла; поэтому-то, наконецъ, женихъ и невѣста въ день свадьбы преклоняются передъ очагомъ и приносятъ жертву его божеству,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

своему родоначальнику. Съ переходомъ къ осѣдлой жизни очагъ замѣнился печкой и она сдѣлалась сѣдалищемъ семейнаго божества, которое у славянъ чествовалось именемъ *дѣда* или *дѣдушки домового*, который называется также *хозяиномъ*. Поклоняясь и принося жертвы всѣмъ умершимъ, первобытный человѣкъ въ особенности чтитъ духъ своего отца или главы семейства. У негровъ, напр., духъ отца занимаетъ первое мѣсто среди остальныхъ покойниковъ; обращеніемъ къ нему они начинаютъ и кончаютъ свои молитвы; они помнятъ, какъ онъ ласкалъ ихъ при жизни, заботился о нихъ, и говорятъ: „онъ останется для насъ такимъ-же и послѣ смерти; мы не знаемъ, за что-бы онъ сталъ заботиться о другихъ, онъ будетъ заботиться только о насъ". Но, заботясь о своемъ семействѣ, умершій отецъ, несмотря на свое могущество, самъ нуждается въ помощи своихъ дѣтей, именно въ кормленіи; на этомъ-то основывается страстное желаніе всѣхъ патріархальныхъ народовъ имѣть мужское потомство, необходимое для принесенія посмертныхъ жертвъ. „Да родится въ нашемъ колѣнѣ—молятъ индусы—человѣкъ, который приносилъ-бы намъ рисъ, вареный въ молокѣ, медъ и масло!" Кромѣ обыкновенныхъ жертвъ предкамъ потомки ихъ обращаются къ нимъ въ крайнихъ критическихъ случаяхъ за помощью и приносятъ чрезвычайныя жертвы. Въ южной Гвинеѣ, напр., въ случаѣ общественной опасности или голода можно увидать на какой-нибудь вершинѣ холма или у опушки густого лѣса цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ, взывающихъ трогательными и жалобными голосами къ душамъ своихъ предковъ. Наконецъ, такія экстраординарныя заклинанія предковъ и угощенія ихъ устраиваются въ опредѣленные дни года. Китайцы въ эти дни приглашаютъ души предковъ молитвами и барабаннымъ боемъ, приготовляютъ для нихъ обильныя явства и напитки, а для пріема дорогихъ гостей строятъ отдѣльный домикъ, съ особыми комнатами и ваннами, для душъ мужского и женскаго пола. Для освѣщенія душамъ дороги, зажигаются фонари, нѣкоторая часть блюдъ оставляется для слѣпыхъ или слабыхъ душъ, которыя могутъ запоздать, а для обезглавленныхъ душъ ставится котелъ жидкой каши и ложки, которыми онѣ могутъ вливать ее прямо въ горло. У древнихъ славянъ на этихъ пирахъ въ честь умершихъ пирующіе сидятъ молча, бросая кусочки пищи подъ столъ, подъ которымъ имъ слышался шелестъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

духовъ, питавшихся запахомъ и паромъ мяса. По окончаніи обѣда жрецъ вставалъ и, выметая домъ, выгонялъ души умершихъ, какъ блохъ, приговаривая: „души, вы напились и наѣлись, ступайте-же, ступайте прочь“! Въ Кохинхинѣ народъ вѣритъ, что души умершихъ нуждаются въ тѣлесной поддержкѣ и питаніи, вслѣдствіе этого нѣсколько разъ въ году устраивается великолѣпный пиръ дѣтьми въ честь родителей, мужьями въ честь женъ, друзьями въ честь друзей; при этомъ ждутъ обыкновенно долгое время, что мертвые гости придутъ и сядутъ за столъ. Эти жертвы даже въ Европѣ удержались до настоящаго времени. Въ Италіи день „всѣхъ усопшихъ“ проводится обыкновенно въ ѣдѣ и питьѣ въ честь покойниковъ, а дѣти играютъ скелетами и черепами изъ сахара и тѣста. Въ Бретаніи въ этотъ день толпы стремятся вечеромъ на кладбище, съ обнаженными головами, становятся на колѣна у могилъ своихъ родственниковъ и поливаютъ ихъ святой водой или молокомъ. Нѣтъ дома, гдѣ-бы въ эту ночь сняли скатерть со стола или погасили огонь въ каминѣ, чтобы души, которыя захотятъ придти въ домъ, могли поѣсть и обогрѣться. Точно такое-же значеніе имѣетъ у насъ „родительскій день“. „Съ наступленіемъ марта, говоритъ Афонасьевъ, у всѣхъ славянъ начинается обрядовое посѣщеніе кладбищъ; въ первый день этого мѣсяца, съ восходомъ солнца лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбище съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ разныя явства“, а русскіе даже водку.

Первобытное поклоненіе предкамъ, выражающееся главнымъ образомъ въ кормленіи душъ умершихъ родственниковъ, долго держится въ жизни въ этой формѣ, но вмѣстѣ съ нею развивается другая форма поклоненія тѣмъ предкамъ и прародителямъ, которые умерли въ древнія времена и память которыхъ долго сохраняется, благодаря ихъ общественному положенію, талантамъ, подвигамъ. „Въ ретроспективной вѣрѣ грека, говоритъ Гротъ, идеи о богопоклоненіи и о предкахъ совпадали одна съ другой; каждая общественная группа, большая или малая, которая сознавала свою внѣшнюю связь, возводила эту связь къ какому-нибудь общему начальному прародителю, и этотъ прародитель былъ опять-таки или тѣмъ общимъ имъ всѣмъ богомъ, которому они поклонялись, или какимъ-нибудь полубожественнымъ суще-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ствомъ, находившимся въ тѣсномъ родствѣ съ этимъ общимъ богомъ". Въ Перу поклоненіе солнцу и инкамъ было соединено съ мѣстнымъ поклоненіемъ предкамъ. Каждый изъ нашихъ предковъ, говорили туземцы испанцамъ, поклонялся *маркайоку*, который былъ основателемъ или старѣйшиной деревни, жители которой отъ него произошли. Но жители другой деревни не поклонялись ему, ибо имѣли другого маркайока". Абипонцы обожаютъ своего прародителя, который живетъ, по ихъ мнѣнію, въ созвѣздіи плеядъ и носитъ названіе *кибетъ*, кудесникъ. Особеннымъ уваженіемъ потомства пользуются тѣ предки, которые, въ качествѣ правителей или вообще замѣчательныхъ личностей, были благодѣтелями своего народа. Бразильцы приписываютъ начало земледѣлія Тупану, который былъ, кажется, родоначальникомъ этого племени и которому они поклоняются, какъ своему высшему божеству. Индѣйцы чинуки, по словамъ Банкрорта, говорятъ, что добрый, могущественный духъ научилъ ихъ дѣлать лодки, также какъ другія орудія и утварь, набросалъ въ рѣки огромные утесы и надѣлалъ водопадовъ, чтобы помѣшать лососямъ подниматься далеко вверхъ по рѣкѣ и такимъ образомъ облегчить ихъ ловлю". Мексиканской богъ Кветцалкоатль, во время своего пребыванія на землѣ, обучилъ людей употребленію металовъ, земледѣлію и правительственному искуству. Кромѣ того мексиканцы поклонялись богинѣ Чикомекоатль,—первой женщинѣ, начавшей печь хлѣбы, Опутчли, изобрѣтателю рыболовныхъ снарядовъ, Якатекутли, основателю торговли и т. д. Египетскіе боги Озирисъ, Нефа и Тота тоже обучили людей разнымъ искуствамъ. Изъ китайскихъ божествъ богъ войны, или военный мудрецъ, былъ нѣкогда человѣкомъ и замѣчательнымъ воиномъ; богъ механики былъ искуснымъ работникомъ и изобрѣлъ орудія; богъ свиней былъ нѣкогда свинопасомъ и умеръ съ горя отъ потери своего стада; богъ игроковъ былъ отчаяннымъ игрокомъ, проигравшимъ все свое состояніе и умершимъ въ нищетѣ. Самое простое на нашъ взглядъ ремесло, напр. кузнечное, въ дикой жизни было до того необыкновеннымъ явленіемъ, что искусные въ немъ люди, первые начавшіе заниматься имъ, превращались въ боговъ. Буряты между прочимъ поклоняются „владѣтелю кузницы, Бѣлому Кузнецу", живущему теперь на Саянскихъ горахъ, и такъ обращаются къ нему въ своихъ молитвахъ: „владѣтель кузницы, кривой госпо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

динъ, владѣтель наковальни, высокій господинъ, выжавшій мягкое желѣзо изъ краснаго камня, выжавшій сталь изъ чернокраснаго камня"! Рядомъ съ нимъ стоятъ „Черный Кузнецъ" и „Желтый Кузнецъ". Всѣ они были, говорятъ буряти, люди и первые начали заниматься кузнечнымъ ремесломъ. Знаменитые жрецы тоже превращаются въ боговъ, какъ у тѣхъ-же бурятъ такъ и вообще у сибирскихъ инородцевъ. Весьма характерные факты относительно обоготворенія замѣчательныхъ личностей сообщаетъ Лайель, въ своей „Религіи одной индійской провинціи". „Насколько я былъ способенъ прослѣдить происхожденіе наиболѣе извѣстныхъ малыхъ провинціальныхъ боговъ,—это обыкновенно люди прошедшихъ поколѣній, заслужившіе особенное положеніе и привилегированный санъ между безтѣлесными тѣнями какими-нибудь особенными поступками или случаями въ ихъ жизни или при ихъ смерти. Бунджарасы, племя, преданное придорожному разбою, боготворятъ одного бандита. Раймодъ, французскій главнокомандующій, умершій въ Гайдерабадѣ, былъ тамъ канонизированъ по обычаю страны. Наибольшая-же часть многочисленныхъ мѣстныхъ боговъ беретъ свое начало изъ обыкновенной канонизаціи личностей святой жизни. Число алтарей, воздвигнутыхъ такимъ образомъ въ Берарѣ однимъ только этимъ отшельникамъ и людямъ, умершимъ святой смертью, очень велико и постоянно возрастаетъ. Нѣкоторые даже дошли до степени храмовъ". Цивилизованные иностранцы, жившіе среди дикарей, еще при своей жизни считались божествами, а въ слѣдующихъ поколѣніяхъ преданіе украшало ихъ личность качествами высшихъ божествъ, какъ-то можно видѣть, напр., изъ мифологіи пераунцевъ и мексиканцевъ, главные боги которыхъ были по преданію иностранцы. Великіе завоеватели и основатели первобытныхъ государствъ тоже дѣлаются послѣ своей смерти божествами высшаго разряда, какъ это мы видимъ въ Вавилонѣ и Египтѣ. Въ Перу каждый умершій царь немедленно становился богомъ въ глазахъ населенія, ему воздвигались статуи и приносились жертвы. Древняя исторія Японіи говоритъ, что основателями государства были сами верховные боги, потомки которыхъ правятъ Японіей до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, замѣчательнѣйшіе изъ древнихъ предковъ, дѣйствительныхъ или мифическихъ, превращались съ теченіемъ времени изъ полубожественныхъ духовъ въ настоящихъ боговъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

въ значеніи близкомъ тому, какое придаютъ этому слову народы высшей культуры. Но нерѣдко мы видимъ, что и на нисшихъ ступеняхъ развитія древній предокъ становится высшимъ существомъ и ему приписывается даже созданіе міра. Главными божествами камчадаловъ считаются Кутху и жена его. Кутху сначала жилъ на небѣ, потомъ снесъ съ неба землю, поставилъ ее на морѣ и поселился въ Камчаткѣ. Здѣсь у него родился сынъ и дочь, которые вступили между собою въ супружество. Кутху и жена его долго жили въ Камчаткѣ, носили платье изъ древесныхъ листьевъ, питались березовою и таловою корою, потому что звѣрей еще не было, а рыбу ловить не умѣли. Кутху изобрѣлъ только лодки да лыжи. Вскорѣ послѣ этого, оставивъ свое семейство, онъ ушелъ куда-то на лыжахъ. Во время его путешествія земля гнулась подъ нимъ, какъ тонкій ледъ, и такимъ образомъ явились горы и долины. Кутху считается богомъ неба и грома. Послѣ его отбытія изъ Камчатки у сына его, Тыжилъ-Кутху, родились сынъ и дочь, которые, подобно своимъ родителямъ, вступили въ супружество. При размноженіи людей, Тыжилъ-Кутху сталъ заботиться объ ихъ благосостояніи, сотворилъ звѣрей, научилъ шить одежду изъ кожъ, ловить рыбу сѣтями, связанными изъ крапивы и т. д. Подобную-же легенду мы находитъ у племени Амазулу. Вотъ что разсказываютъ они. „Древніе говорили, что Ункулункулу былъ тотъ, кто далъ начало людямъ и всему остальному, какъ домашнему скоту, такъ и дикимъ животнымъ. Солнце и мѣсяцъ мы приписываемъ Ункулункулу, равно какъ всѣ вещи этого свѣта и небо. Онъ породилъ древнихъ давнымъ давно; они умерли, оставивъ послѣ себя дѣтей; эти дѣти породили другихъ дѣтей, которыя тоже умерли; эти новыя дѣти породили другихъ; такимъ-то образомъ мы, наконецъ, услышали объ Ункулункулу. Ункулункулу уже нѣтъ болѣе; *онъ былъ первый человѣкъ, онъ родился въ самомъ началѣ*“. Ункулункулу значитъ „старый-престарый“.

Подобное отождествленіе прародителя съ творцомъ міра не представляетъ ничего страннаго съ точки зрѣнія первобытнаго міросозерцанія. Задавая себѣ вопросъ, откуда произошли люди, первобытный человѣкъ, естественно, доходилъ до мысли о первомъ прародителѣ или „старомъ старикѣ, сидящемъ тамъ, на верху“, какъ выражаются нѣкоторые дикари. Кто-же сдѣлалъ небо, зе-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

млю и другіе предметы? Да кому-же было сдѣлать ихъ кромѣ того-же стараго старика? На нашъ взглядъ болѣе странными кажутся легенды о прародителяхъ, вродѣ слѣдующей, разсказываемой алеутами. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что „въ самомъ началѣ жила на Уналашкѣ Сука и что съ острова Кадьяка приплылъ къ ней Кобель; отъ этой-то пары и произошло людское племя". Другіе-же называютъ ту суку „матерью своего племени" и говорятъ, что она произвела потомство отъ нѣкоего старца. Балаганскіе буряты считаютъ своимъ родоначальникомъ Сиваго Пороза; племена алтайскихъ инородцевъ производятъ себя одни отъ верблюдовъ, другіе отъ горъ, третьи отъ града и т. д., бечуаны, по ихъ словамъ, происходятъ отъ обезьянъ; нѣкоторыя племена отъ аллигатора, другія отъ рыбы; запотеки имѣютъ своими предками львовъ и другихъ дикихъ животныхъ; калифорнскіе индѣйцы производятъ себя отъ лугового волка и объясняютъ потерю своихъ хвостовъ тѣмъ, что пріобрѣтеніе привычки сидѣть прямо уничтожило этотъ прекрасный членъ; нѣкоторые индѣйцы считаютъ своимъ прародителемъ медвѣдя, ашантіи—ядовитую змѣю боръ, дикокаменные киргизы—краснаго кобеля; туземцы Конго произошли отъ деревьевъ, перуанцы отъ солнца и т. д. Во всѣхъ подобныхъ легендахъ Спенсеръ видитъ слѣды первобытнаго поклоненія предкамъ и, какъ намъ кажется, совершенно справедливо доказываетъ, что они произошли вслѣдствіе несовершенствъ и крайней скудости первобытнаго языка. Дѣйствительно, языкъ первобытнаго дикаря такъ бѣденъ словами, что для разговора на немъ необходимо употреблять едва-ли не болѣе жестовъ, чѣмъ словъ. Напр., для выраженій: „я пойду въ лѣсъ; я вышелъ изъ лѣса; я ходилъ по лѣсу; я пойду за лѣсомъ; я произошелъ отъ лѣса", нѣкоторые дикари употребляютъ только слова: *я*, *идти*, *лѣсъ*, дополняя все остальное знаками. У гуураниcовъ слово *абаче* имѣетъ слѣдующее значеніе: *я гуураниcъ*, *я мужчина*, *я супругъ*, *я человѣкъ*. При такой бѣдности языка передать истинный смыслъ извѣстнаго факта или явленія чрезвычайно трудно, трудно въ особенности въ томъ случаѣ, когда употребляются метафоры, уподобленія, гиперболы и т. д. При этомъ у дикарей нѣтъ собственныхъ именъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова и они замѣняются названіями предметовъ, животныхъ, растеній и т. д. Вотъ, напр., нѣкоторыя дикарскія имена: Ло-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

шадиный Хвостъ, Собака, Медвѣдь, Свирѣпый Тигръ, Пантера, Бѣлый Горностай, Дубъ, Быкъ, Луна, Тростникъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ даются совершенно случайно при рожденіи ребенка, другія-же служатъ прозвищами, характеризующими извѣстную личность; храбреца называютъ Орломъ или Львомъ, труса — Зайцемъ, красавицу — Утренней Звѣздой и т. д. Нѣкоторые сильные вожди или сами присвоиваютъ себѣ подобныя прозвища, или получаютъ отъ своихъ раболѣпныхъ подданныхъ. Одинъ, напр., африканскій король называетъ себя: Змѣя змѣй, Быкъ быковъ, Слонъ непобѣдимой силы. Когда повелитель Макололо является въ какое-либо селеніе, народъ привѣтствуетъ его титуломъ Великаго Льва; древніе египетскіе и ассирійскіе цари носили титулы Побѣдоноснаго Быка, Льва, Солнца и т. д. Теперь представьте себѣ, что на несовершенномъ первобытномъ языкѣ передается сказаніе о лицахъ, носившихъ подобныя прозвища; на этомъ языкѣ невозможно выразиться такъ, напр., что *существовалъ*, дескать, *человѣкъ*, *носившій имя Черепахи*, *который пришелъ въ нашу страну изъ лѣса*, — нельзя выразиться такъ потому, что нѣтъ подходящихъ словъ для выраженія понятій: *имя*, *который*, *изъ*, и, кромѣ того, нѣкоторыя слова этого языка могутъ употребляться въ разныхъ значеніяхъ, напр. въ упомянутой фразѣ слово *пришелъ* можетъ значить въ то-же время *произошелъ*, *родился* и т. д. Такимъ-то образомъ въ преданіи этотъ человѣкъ превращается въ *черепаху*, о которой разсказываютъ, что она *произошла отъ лѣса*. При такомъ способѣ объясненія всѣ упомянутыя нами легенды о происхожденіи людей отъ звѣрей, растеній, лѣсовъ, солнца и т. д. объясняются совершенно просто и естественно, равно какъ и многія другія легенды, въ которыхъ тѣ-же самые предметы играютъ роль людей, напр., дѣвушка выходитъ замужъ за волка; утренняя заря похищается ручьемъ и т. д. Тѣмъ-же процесомъ можно объяснить и происхожденіе многихъ совершенно фантастическихъ божествъ, каковы, напр., у вавилонянъ богъ Нинъ, который былъ рыбо-человѣкъ, рыба съ человѣческой головой и ногами, выходившими у нея подлѣ хвоста; филистимлянскій богъ Дагонъ съ человѣческой головой и руками и съ рыбьимъ хвостомъ; финикійская Астарта, изображавшаяся въ видѣ получеловѣка и полубыка; въ Египтѣ Аммонъ, человѣкъ съ головою ба-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

рана, Горусъ съ головою ястреба, Сакъ, соединявшій въ своемъ лицѣ птицу, четвероногое и растеніе и т. д. Всѣ эти нелѣпыя фантазіи объясняются вполнѣ удовлетворительно неправильнымъ истолкованіемъ метафорическихъ прозваній, носившихся однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Но Спенсеръ даетъ черезчуръ ужь широкое приложеніе этому способу объясненія мифовъ и приходитъ къ заключенію, что „поклоненіе предкамъ есть корень всякой религіи". Онъ утверждаетъ, что прежде всего люди покланялись только душамъ умершихъ и затѣмъ, посредствомъ упомянутаго процеса, поклоненіе нѣкоторымъ изъ этихъ предковъ перешло въ поклоненіе предметамъ природы; предокъ, называвшійся Солнцемъ, превратился въ бога Солнце; какой-нибудь египетскій царь, называвшійся Быкомъ, превратился въ божественнаго быка Аписа и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія превращенія, конечно, бываютъ, но невозможно согласиться съ теоріей Спенсера во всей ея широтѣ уже по одному тому, что вслѣдствіе бѣдности и метафоричности первобытнаго языка обоготворенные предметы природы должны были называться также метафорическими именами Льва, Солнца и т. д. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что поклоненіе предкамъ могло только появиться съ развитіемъ теоріи анимизма, которая хотя и кажется намъ крайне грубою, но тѣмъ не менѣе могла зародиться въ умѣ первобытнаго человѣка на сравнительно высокой ступени его развитія. До этого-же времени человѣкъ неизбѣжно получалъ сильныя впечатлѣнія отъ грознаго урагана, всепожирающаго пламени огня, убійственныхъ стрѣлъ молніи, солнечнаго блеска и жара, хищнаго тигра, — и покланялся имъ. Впослѣдствіи онъ перенесъ на всѣ эти и другіе предметы представленіе о своемъ внутреннемъ жизненномъ началѣ, приписалъ имъ *души* и началъ покланяться душамъ предковъ; наконецъ, эти *души* превратились въ *духовъ* и *боговъ*.

Поклоненіе душамъ предковъ долго остается въ своей первобытной формѣ; память о родственникахъ, скончавшихся давно, болѣе и болѣе исчезаетъ, но на мѣсто ихъ являются новые покойники, чтобы съ теченіемъ времени быть смѣненными въ свою очередь другими; но память о нѣкоторыхъ мертвецахъ не умираетъ гораздо дольше, чѣмъ память о людяхъ обыкновенныхъ, только личныя характеристическія черты этихъ мертвецовъ постепенно исчезаютъ изъ преданій и души ихъ превращаются въ *ду-*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ховъ. Одинъ изъ процесовъ этого превращенія Спенсеръ изображаетъ такъ: „Неподалеку отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ членовъ племени когда-то утонулъ, находится въ рѣкѣ водоворотъ, который закручиваетъ и втягиваетъ въ себя плывущіе мимо сучья и т. д. Что можетъ быть очевиднѣе того, что двойникъ этого утопшаго человѣка, будучи злого характера, какъ всѣ непогребенные мертвецы, живетъ по близости мѣста своего утопленія и утаскиваетъ подъ воду плывущія мимо вещи, а иногда, изъ мстительной злобы, схватываетъ и утаскиваетъ подъ воду даже людей, которые осмѣливаются приближаться къ мѣсту его жительства. Когда люди, знавшіе утопшаго, всѣ перемрутъ, когда, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, подробности этой исторіи отодвинутся назадъ болѣе новыми исторіями, сотрутся въ памяти людей, а въ особенности когда явится сюда какое-нибудь пришлое племя побѣдителей, въ преданіяхъ котораго о его прошедшемъ мѣстная исторія не имѣетъ никакихъ корней, то отъ всей первоначальной исторіи останется только вѣра въ водяного духа, живущаго въ омутѣ. И такъ повсюду. Съ переходомъ преданія изъ устъ въ уста сходство между духомъ и тѣмъ индивидомъ, отъ котораго онъ ведетъ свое начало, постепенно утрачивается, такъ-какъ ничто не содѣйствуетъ тому, чтобы преданіе сохраняло это сходство, а эти безчисленныя отступленія, разъ начавшись, приводятъ постепенно къ исчезновенію не только индивидуальныхъ, но подъ конецъ даже просто человѣческихъ чертъ, разновидности переходятъ въ виды, роды и порядки сверхестественныхъ существъ“. Но это только одна форма упомянутаго процеса, имѣющаго еще нѣсколько другихъ формъ. Предположимъ, что упомянутый утопленникъ былъ никому неизвѣстный чужестранецъ, и для насъ будетъ понятно, что онъ гораздо скорѣе превратится въ *духа*, чѣмъ утопленникъ, всѣмъ извѣстный. Извѣстное племя, переселившееся въ новое мѣсто, находитъ въ лѣсу нѣсколько человѣческихъ скелетовъ, принадлежащихъ очевидно какимъ-то чужимъ людямъ, и вотъ всѣ таинственныя явленія лѣса, илюзія зрѣнія въ немъ, эхо, непонятные звуки ночью, — все это будетъ приписано душамъ упомянутыхъ людей, которые не замедлятъ превратиться въ лѣсныхъ духовъ или лѣшихъ. Затѣмъ, когда появились подобные духи въ одномъ лѣсѣ, въ одномъ омутѣ и т. д., то тѣ-же самыя явленія, которыя по-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дали поводъ къ вѣрѣ въ ихъ существованіе здѣсь, неизбѣжно будутъ объясняться тѣмъ-же существованіемъ духовъ въ другихъ лѣсахъ и въ другихъ омутахъ, хотя-бы никто ничего не слышалъ объ утонувшихъ или заблудившихся и погибшихъ въ нихъ людяхъ. Слѣды этого процеса очень ясны въ бурятской мифологіи, въ которой мы видимъ „хозяевъ лѣса", — души людей, заблудившихся и умершихъ въ лѣсу, которыя откликаются заблудившимся, чтобы завлечь ихъ въ непроходимую трущобу, гдѣ они неизбѣжно должны погибнуть. Совершенно къ тому-же разряду божествъ относятся „хозяева воды", водяные, происшедшіе отъ душъ утопленниковъ *).

Когда къ сонму обоготворяемыхъ покойниковъ присоединяются такимъ образомъ другіе духи, то число божествъ увеличивается до безконечности. У монгольскихъ племенъ каждый холмъ, каждое дерево, каждая гора, каждый ручей, каждое животное имѣютъ своего духа *хозяина* (эжинъ); всѣ эти духи оказываютъ большое вліяніе на людей и даже считаются творцами тѣхъ предметовъ, которыми они владѣютъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей бурятской молитвы: „держащіе эхо высокой горы, держащіе вѣтры широкаго моря, цари мои, живущіе на горахъ, божества мои, обитающія на урочищахъ, *сдѣлавшіеся сами творцами*, избавляющіе насъ отъ опасности!.." Точно такими-же „хозяевами" разныхъ предметовъ и творцами ихъ были финскіе *хальтіа*, къ которымъ финны обращались такъ: „призываю женъ земли, старыхъ хозяекъ съ поля, мужей меча изъ земли, конныхъ героевъ съ песка, дѣвъ изъ всѣхъ долинъ" и т. д. У эскимосовъ тоже весь видимый міръ управляется такими сверхестественными силами или „хозяевами", изъ которыхъ каждый имѣетъ власть только надъ своею собственностью. Ведахи убѣждены, что воздухъ населенъ духами и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа, своего genius loci. „Для карена, говоритъ Масонъ,—міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми". Число страшныхъ духовъ, кото-

*) Много данныхъ относительно вѣрованій русскихъ инородцевъ собрано въ моей статьѣ „Шаманство въ Сибири", „Записки Геогр. Общ.", книга вторая стр. 1—105.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

рыхъ признаютъ австралійцы, чрезвычайно велико; не только небо заселено ими, но и вся поверхность земли кишитъ сверхестественными существами; каждая роща, большая часть водопоевъ, всѣ скалистыя мѣста полны ими. Точно также всякое естественное явленіе считается дѣломъ духовъ. Ни одинъ вихрь не пронесется черезъ дорогу безъ того, чтобы за нимъ не погнались съ дюжину дагомейцевъ съ обнаженными ножами, которыми они тычутъ въ центръ пыльнаго столба, чтобы прогнать злого духа, ѣдущаго на вихрѣ. Запнулся-ли кто и упалъ, свалился съ дерева и сломалъ себѣ шею, зѣвнулъ или видѣлъ страшный сонъ, гремитъ-ли громъ, шумитъ-ли лѣсъ, лаетъ-ли ночью собака, затмѣвается-ли солнце или сгораетъ отъ неизвѣстной причины жилище дикаря,—все это для него дѣйствія духовъ.

С. Шашковъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Дома 1876 г. № 12.

РАЗВИТІЕ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

VII.

Политеизмъ.

Дальнѣйшее развитіе культуры сопровождалось тѣмъ, что человѣческій умъ видимо началъ выходить изъ состоянія первобытной тупости и апатіи; если не многіе, то, по крайней мѣрѣ, болѣе даровитые люди начинали волноваться серьезными вопросами относительно смысла окружающихъ явленій. Къ разряду такихъ людей слѣдуетъ отнести, конечно, и того кафра, который говорилъ одному англійскому миссіонеру: „мнѣ нужны твои наставленія; еще когда я не зналъ тебя, я уже задумывался надъ этимъ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ я пасъ въ полѣ стадо. Погода была пасмурная. Я сидѣлъ на скалѣ и спрашивалъ себя съ печалью,—съ печалью, потому что не могъ отвѣтить на свои вопросы. Я спрашивалъ себя: кто тамъ поставилъ звѣзды? На чемъ держатся онѣ? Воды неустанно текутъ и текутъ безпрерывно съ утра до ночи и съ ночи до утра; но гдѣ-же онѣ останавливаются и кто движетъ ими? Облака тоже приходятъ и уходятъ и сыплятъ дождемъ на землю. Откуда приходятъ они и кто посылаетъ ихъ? Не колдуны-же даютъ намъ дождь; какъ-бы они могли дѣлать это и почему я никогда не вижу своими глазами, какъ они поднимаются за дождемъ на небо? Я не могу видѣть вѣтра, но что онъ такое? Кто приноситъ его, заставляетъ дуть и шумѣть и пугать насъ? Какъ ростетъ хлѣбъ? Вчера на моемъ полѣ не было ничего, кромѣ зерна, а сегодня я вернулся на него и нашелъ уже кое-что. Кто даетъ землѣ умъ и силу производить растенія? Такъ съ печалью

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

спрашивалъ я себя и закрылъ лицо своими руками". Отвѣтомъ на всѣ подобные вопросы является теорія духовъ,—все дѣлаютъ духи, которыми наполнены и воздухъ, и земля, и воды, и планеты, горы и лѣса. На этой ступени культурнаго развитія характеръ первобытнаго фетишизма мѣняется. Каждый предметъ природы, каждое естественное явленіе, каждое искуственное произведеніе имѣютъ своего духа-*хозяина*, который, однакожъ, не связанъ съ ними неразлучно, когда хочетъ, покидаетъ ихъ, а въ случаѣ ихъ уничтоженія, перебирается въ другое жилище. Очень часто эти фетиши имѣютъ самую странную форму. У дикихъ племенъ Бразиліи, напр., однимъ изъ самыхъ сильныхъ фетишей была тыквенная бутылка, наполненная камнями, съ отверстіемъ для рта и рукояткой; она считалась вмѣстилищемъ духа, который говорилъ изъ нея, когда ее приводили въ движеніе; поэтому индѣйцы, поставивъ ее передъ собою, обращались къ ней съ рѣчами, періодически устроивали въ честь ея празднества и даже шли на войну, если духъ бутылки требовалъ человѣческой жертвы. У сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ каждый человѣкъ имѣетъ своего личнаго фетиша-покровителя, или, какъ выражаются индѣйцы, свое *лекарство*, которое обыкновенно является молодымъ людямъ во снѣ и служитъ также пріютомъ духа. Такимъ лекарствомъ можетъ быть цѣлое животное или часть его, кожа, зубъ, перо, или неодушевленный предметъ, раковина, ножикъ, трубка. Это лекарство юноша долженъ достать себѣ, никогда не разставаться съ нимъ, почитать находящагося въ немъ духа, дѣлать въ честь его праздники, приносить ему въ жертву собакъ и лошадей и даже брать съ собою въ могилу, чтобы онъ помогъ ему пробраться въ загробную страну счастливой охоты. Подобныя вѣрованія встрѣчаются у всѣхъ дикихъ народовъ и упорно держатся въ жизни даже съ переходомъ къ высшей культурѣ. Одно австралійское племя думаетъ, что душа перваго врага, убитаго воиномъ, входитъ въ его тѣло, поселяется около печени и предостерегаетъ его о близкой опасности посредствомъ особеннаго царапанья и щемленія. Каждый арауканецъ тоже имѣетъ подобнаго духа и при каждой удачѣ повторяетъ обыкновенно поговорку: „мой духъ-хранитель все еще со мной". Между арійскими народами Европы, какъ въ древней Греціи, такъ и въ Римѣ, мы встрѣчаемъ тѣ-же понятія о духахъ-хранителяхъ, какъ и у австралійцевъ, американцевъ, азіятцевъ, — понятія, которыя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

впослѣдствіи были украшены философскимъ краснорѣчіемъ и измѣнились сообразно съ нравами цивилизованной жизни. Менандръ, напр., называетъ добраго генія своимъ руководителемъ въ таинствахъ этой жизни. Ученіе это было принято и Платономъ и типическимъ примѣромъ его можетъ служить духъ, котораго Сократъ чувствовалъ внутри себя и который удерживалъ его отъ зла. Ученіе это осталось и въ новѣйшей Европѣ. „Каждому человѣку, говоритъ, напр., Сведенборгъ, — сопутствуетъ дружественный духъ; безъ его помощи человѣкъ не былъ-бы въ состояніи мыслить раціонально, аналитически и духовно“... Отсюда только одинъ шагъ до спиритизма и его новѣйшихъ духовъ.

Съ развитіемъ общественной жизни, съ превращеніемъ семей въ роды и племена, кромѣ личныхъ и семейныхъ духовъ-покровителей являются родовые. Всѣ дикіе народы на извѣстной культурной ступени, подобно бурятамъ Сибири и индѣйцамъ Америки, покланяются разнымъ видамъ животныхъ, орламъ, лебедямъ, змѣямъ, крокодиламъ и т. д., какъ вмѣстилищамъ ихъ родовыхъ божествъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ развитія общихъ понятій, кромѣ легіоновъ духовъ, живущихъ въ безчисленныхъ предметахъ природы и проявляющихся въ ея разнообразныхъ явленіяхъ, появляются общія божества, богъ огня, богъ моря, богъ дождей, богъ лѣсовъ и т. д. У большинства политеистовъ вѣтры, напр., особенно четыре вѣтра четырехъ странъ свѣта, превращаются въ личныхъ боговъ и въ то-же время есть нѣкоторое божество съ болѣе обширною властью, богъ вѣтровъ или богъ бури. Точно такимъ-же образомъ богъ *Море* превращается въ *бога* морей, какимъ мы видимъ его, напр., въ гомеровскомъ Поссейдонѣ, колебателѣ земли, который держитъ своихъ коней въ пещерахъ эгейскихъ пучинъ, запрягаетъ золотогривыхъ скакуновъ въ свою колесницу и мчится черезъ разступающіяся передъ нимъ волны, а подвластные ему морскіе звѣри сбѣгаются толпами привѣтствовать своего повелителя. Огонь превращается въ бога огня, какимъ мы видимъ его у народовъ Азіи и Мексики. Въ послѣдней онъ назывался Господиномъ огня и старымъ богомъ; ему воздавались большія почести, такъ-какъ онъ давалъ тепло, пекъ хлѣбъ, жарилъ мясо; за каждою ѣдой первый кусокъ и первое возліяніе бросались въ огонь и въ честь бога его ежедневно сожигались благовонія. У ассиріянъ, халдеевъ и финикіянъ воздвигались огненные столбы и храмы,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

гдѣ не было никакого изображенія, кромѣ вѣчнаго огня, горѣвшаго на очагѣ Молоха, которому поклонники его приносили въ жертву даже дѣтей своихъ. Громъ, землетрясеніе, звѣзды, луна, солнце тоже превращались въ личныхъ, очеловѣченныхъ боговъ, и по мѣрѣ того, какъ осложнялись и развивались у людей общественныя отношенія, всѣ упомянутыя божества составляли изъ себя іерархію по образцу земной; надъ безчисленными легіонами духовъ являлись духи-повелители, выше которыхъ стояли другія божества, подчинявшіяся, въ свою очередь, главнымъ великимъ богамъ, представителями и первообразами которыхъ на землѣ служили мощные владыки народовъ, вродѣ монгольскихъ хановъ или императоровъ Китая, Перу и Мехики. Въ двухъ послѣднихъ странахъ верховнымъ божествомъ былъ богъ солнца, въ честь котораго каждое утро при солнечномъ восходѣ во всѣхъ храмахъ гремѣли трубы, жглись благовонія, приносилось въ жертву нѣсколько капель крови изъ ушей жрецовъ, а въ важныхъ случаяхъ на алтаряхъ этого бога рѣзали массы людей въ жертву ему. Но въ Старомъ Свѣтѣ поклоненіе солнечному богу никогда не доходило до такихъ размѣровъ и во главѣ божественной іерархіи логически являлись всюду небо и земля.

Такимъ образомъ, съ развитіемъ общихъ понятій и съ усиленіемъ человѣческаго мышленія возникали высшія божества политеизма. Человѣческая мысль достигла уже извѣстной возможности сомнѣваться въ тѣхъ понятіяхъ, которыя человѣкъ принимаетъ на вѣру отъ другихъ. Интересный экземпляръ такого скептика представляетъ собою перуанскій инка Тупакъ-Юпанки, который говаривалъ: „многіе утверждаютъ, что Солнце—живое существо и что оно создало всѣ вещи. Но когда кто создаетъ что-нибудь, то онъ находится при той вещи, которую создаетъ, между тѣмъ многія вещи возникаютъ, когда Солнца нѣтъ. А что оно не живое существо, это можно понять изъ того, что оно не утомляется своимъ постояннымъ ходомъ. Если-бы оно было живымъ, то утомлялось-бы, подобно намъ, и если-бы оно было свободнымъ, то посѣщало-бы и тѣ части неба, на которыхъ оно никогда не бываетъ. Оно похоже на предметъ, привязанный веревкою, который постоянно описываетъ одинъ и тотъ-же кругъ, или на стрѣлу, летящую туда, куда ее пустятъ, а не туда, куда она сама захотѣла-бы летѣть“. Другой инка послѣ подобной-же бесѣды съ жрецомъ сказалъ ему: „говорю

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тебѣ, что надъ этимъ нашимъ отцомъ Солнцемъ долженъ быть болѣе сильный и могущественный владыка, который повелѣваетъ ему ходить по тому пути, по которому оно ежедневно странствуетъ; вѣдь если-бы оно было высшимъ божествомъ, то не ходило-бы вѣчно по одной и той-же дорогѣ и по временамъ отдыхало-бы, когда захочется". Путемъ подобныхъ размышленій понятіе о верховномъ божествѣ постепенно очищается отъ тѣхъ грубыхъ чертъ, которыя мы постоянно встрѣчаемъ въ божествахъ первичныхъ формацій. Начатки представленій объ одномъ божествѣ, возвышающемся во всѣхъ отношеніяхъ надъ массами остальныхъ божествъ, мы встрѣчаемъ у многихъ дикихъ народовъ, напр., у индѣйцевъ Америки, покланяющихся Великому Духу, который вездѣ обитаетъ и все оживляетъ собою, проявляется въ скалахъ и деревьяхъ, въ водѣ и облакахъ, въ растеніяхъ и животныхъ. Жители Массачузетса говорятъ, что верховный духъ сотворилъ всѣхъ другихъ боговъ, что онъ живетъ надъ небомъ, далеко на западѣ, и къ нему отправляются послѣ смерти всѣ добрые люди; никто изъ людей не видалъ его, но вѣрованіе въ него передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ религіи мехиканцевъ мы встрѣчаемъ Свѣтлое Зеркало, божество, которое было сначала солнцемъ, но потомъ, вслѣдствіе расширенія понятій, превратилось въ Душу Міра, сотворившую небо и землю, повелѣвающую всѣмъ на свѣтѣ, въ верховное божество. На островахъ Тихаго океана мы встрѣчаемъ вѣрованіе въ высшаго бога Таароа, вѣчнаго, несотвореннаго творца, живущаго въ высшихъ небесахъ, котораго люди видѣть не могутъ и который, послѣ промежутковъ въ безчисленные періоды лѣтъ, обновляется, сбрасывая свою внѣшнюю оболочку. У негровъ Золотого Берега выше неба возсѣдаетъ Ніонино, творецъ всѣхъ вещей, живущій въ величественномъ покоѣ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми и служебными божествами, которыя исполняютъ его волю на землѣ. Этотъ процесъ мифическаго отвлеченія до метафизической ступени совершается одновременно съ развитіемъ государствъ и осложненіемъ общественныхъ отношеній, которыя и отражаются на порядкахъ небеснаго пантеона. „Языческое ученіе іорубовъ, говоритъ одинъ путешественникъ, —составлено на основаніи аналогіи съ формами и обычаями гражданскаго управленія. Народъ признаетъ одного короля въ странѣ и одного бога въ мірѣ. Просители достигаютъ до короля при помощи его слугъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

царедворцевъ и сановниковъ, которыхъ они задабриваютъ льстивыми словами и подарками. Точно также ни одинъ человѣкъ не можетъ прямо обратиться къ ихъ высшему богу, который, по ихъ словамъ, самъ назначилъ разныхъ *орисовъ* посредниками между ними и людьми; самъ богъ въ жертвахъ не нуждается, но орисы, очень похожіе на людей, любятъ, чтобы имъ приносили въ жертву овецъ, голубей и другіе предметы. Тотъ-же самый процесъ мы видимъ въ Греціи, гдѣ Зевсъ былъ царемъ олимпійскихъ боговъ, а еще ниже ихъ стояли цѣлыя толпы полубоговъ, героевъ, демоновъ, нимфъ, наядъ и т. д. Смотря по степени общественнаго развитія и по роду той жизни, какую ведетъ извѣстный народъ, разнообразится и устройство его олимпа, состоящаго подъ властью главнаго бога. У народовъ пастушескихъ въ ряду второстепенныхъ божествъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ богъ скотоводства; съ развитіемъ земледѣлія появляется богиня или богъ земледѣлія; у народовъ воинственныхъ войною на олимпѣ завѣдуетъ божественный военный министръ, въ роль котораго иногда возводится какой-нибудь дѣйствительный умершій военачальникъ или даже настоящій министръ, какъ, напр., въ Китаѣ. У монголовъ, покорившихъ міръ, былъ даже не одинъ богъ войны, а три,—военный министръ и генеральный штабъ,—богъ храбрости, богъ-воитель и богъ побѣды. Великій богъ войны у ирокезовъ часто требовалъ себѣ человѣческихъ жертвъ; чтобы доставить ему удовольствіе, они мучили и пытали плѣнниковъ; къ нему обращался военачальникъ во время военныхъ совѣтовъ, и, призывая его имя, воины бросались въ бой, за которымъ онъ слѣдилъ съ высоты. Въ Полинезіи страшное изображеніе бога войны, покрытое красными перьями, съ зубами акулы во рту, съ глазами изъ перламутра и съ пучкомъ человѣческихъ волосъ на шлемѣ, вносилось въ ряды сражающихся особымъ жрецомъ, который искажалъ свое лицо страшными судорогами и издавалъ ужасающіе вопли, принимавшіеся за голосъ самого бога. Съ появленіемъ начатковъ болѣе высокой культуры появляются богъ поэзіи, богъ торговли, богъ правосудія. Развитіе идеи послѣдняго божества мы можемъ прослѣдить въ греческой исторіи. Въ древнѣйшій періодъ ея цари-судьи, бывшіе прототипомъ Зевса, считались вдохновляемыми свыше при произнесеніи своихъ справедливыхъ и мудрыхъ приговоровъ. Духи, внушавшіе имъ эти приговоры, назывались *фе-*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

мистами и съ теченіемъ времени представленія о нихъ слились въ образѣ одной личности, богини Фемиды, помощницы Зевса, завѣдующей правосудіемъ.

Монотеизмъ или признаніе единаго Духа есть достояніе высшей культуры, хотя дуалистическая форма остается въ прежней силѣ и духу добра обыкновенно противополагается духъ зла. Слабые начатки этого дуализма встрѣчаются и въ совершенно дикой жизни, но въ ней, при самомъ низкомъ уровнѣ понятій, принципомъ раздѣленія духовъ на два враждебныхъ лагеря служатъ не нравственные мотивы, не добродѣтели и пороки въ современномъ значеніи этихъ словъ. О такомъ принципѣ дѣленія не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ дикарь, спрошенный европейцемъ, какіе поступки онъ считаетъ хорошими и какіе худыми, отвѣчаетъ, какъ это сдѣлалъ одинъ бушменъ, — „хорошо воровать чужихъ женъ, но худо, если у тебя у самого украдутъ жену". На этой ступени умственнаго развитія человѣка боги нисколько не лучше и не хуже людей. Боги фиджійцевъ горды и мстительны, они воюютъ между собой, убиваютъ и ѣдятъ другъ друга, хвастаются такими именами, какъ *прелюбодѣй*, *женокрадъ*, *мозгоѣдъ*, *убійца*. Въ греческой мифологіи Ахиллъ думаетъ о мести и радуется избіенію враговъ своихъ, Марсъ называется человѣкоубійцей и запятнаннымъ кровью, Зевсъ ведетъ себя какъ Донъ-Жуанъ, другіе боги обманываютъ другъ друга и людей, интригуютъ между собой, ссорятся, ругаются и т. д. Камчадалы говорятъ, что главное божество ихъ, Кутха, очень глупъ, и даже подсмѣиваются надъ нимъ. Такимъ образомъ, этотъ міръ духовъ и боговъ не представляется ни поборникомъ добродѣтели, ни подстрекателемъ къ пороку, и то или другое дѣйствіе духовъ оцѣнивается людьми лишь съ точки зрѣнія ихъ личнаго интереса, причемъ одинъ и тотъ-же духъ при однихъ условіяхъ можетъ быть полезенъ человѣку, при другихъ вреденъ ему, подобно славянскому Домовому, который, будучи покровителемъ своего потомства, начинаетъ, однакожъ, буйствовать и самодурить, коль-скоро ему не оказываютъ надлежащаго почтенія. Но и на этой ступени развитія замѣтны уже начатки дѣленія духовъ на добрыхъ и злыхъ. У патагонцевъ, напр., всѣ колдуны превращаются послѣ смерти въ злыхъ демоновъ. Въ Китаѣ и Индіи души людей, оставленныхъ безъ погребенія, умершихъ отъ чумы или насильственною смертью, дѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

лаются тоже злыми и мстительными духами, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находится въ одномъ округѣ демоническая душа какого-то жестокаго англійскаго офицера. Въ Индіи даже практикуется добровольная фабрикація демоновъ; одинъ браминъ, напр., на полѣ котораго раджа построилъ домъ, убилъ себя для того, чтобы отмстить ему, сдѣлался демономъ, который былъ ужасомъ всей страны и однимъ изъ популярнѣйшихъ сельскихъ божествъ ея. Наши вотяки еще недавно мстили врагамъ своимъ тѣмъ, что вѣшались у нихъ на воротахъ съ цѣлью навлечь на нихъ полицейское дознаніе и даже судъ; но это было, очевидно, пережившею формою того довольно распространеннаго у дикарей способа мщенія, который поясняется вышеприведеннымъ примѣромъ брамина. Такимъ образомъ, души злыхъ или несчастныхъ людей, тирановъ и утопленниковъ, колдуновъ и страдавшихъ при жизни какими-нибудь тяжкими болѣзнями и т. д. превращаются послѣ смерти въ злыхъ, вредныхъ духовъ, между тѣмъ какъ души людей, отличавшихся при жизни добротою или какими-нибудь общеполезными дѣлами, если послѣ смерти своей и наносятъ людямъ какой-нибудь вредъ и безпокойство, напр. вслѣдствіе скудости приносимыхъ имъ жертвъ, все-таки остаются въ сущности добрыми. Точно такимъ-же образомъ начинаютъ раздѣляться обоготворенные предметы и явленія природы; всюду разливающее жизнь солнце почти у всѣхъ народовъ является божествомъ добрымъ, равно какъ и небо, а мертвящая зима — божествомъ злымъ. По мѣрѣ того, какъ это раздѣленіе усиливается, въ мірѣ злыхъ духовъ водворяется такая-же іерархія, о которой мы говорили выше, и съ утвержденіемъ единовластія на олимпѣ міръ злыхъ демоновъ подчиняется верховному духу зла. У алгонкиновъ, напр., мы видимъ Великаго духа и Злого духа, повелѣвающихъ толпами духовъ, которые наполняютъ собою вселенную и борятся за владычество надъ нею. Боги эти имѣютъ спеціальную связь—одинъ съ тепломъ и свѣтомъ, другой съ холодомъ и мракомъ. Верховный богъ готтентотовъ никогда не дѣлаетъ имъ зла, между тѣмъ какъ злое божество, покрытое шерстью, съ лошадиною головою и ногами, дѣлаетъ только то, что вредитъ людямъ, и его можно на время усмирить только хорошими жертвами. Черный богъ тунгузовъ живетъ въ отдаленныхъ, непроходимыхъ тайгахъ на сѣверѣ, у него огромные огненные глаза на выкатѣ, плоскій носъ, чудо-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

вищная голова; его черные волосы на головѣ и бородѣ—все равно, что тайга послѣ бури; онъ ходитъ въ черномъ тунгузскомъ платьѣ и принимаетъ разные виды на пагубу человѣка: то обернется оленемъ, то приметъ видъ медвѣдя или сохатаго. Этотъ богъ страшно кровожаденъ, но не всякій сатана таковъ; у камчадаловъ, напр., главный изъ злыхъ боговъ, Канна, только мазурикъ, хитрецъ и продувной обманщикъ.

Такимъ образомъ, развиваясь далѣе и далѣе, этотъ первобытный дуализмъ выражается, наконецъ, вполнѣ рѣзко въ такихъ культурныхъ религіяхъ, какъ Зороастрова, основной идеей которой служитъ борьба между добромъ и зломъ,—борьба, представляемая въ контрастѣ свѣта и тьмы и олицетворенная въ божественныхъ личностяхъ Ормузда и Аримана. Первое и главное желаніе послѣдователей Зороастра выражается въ молитвенномъ восклицаніи: „да будетъ сокрушенъ Ариманъ, да возвеличится Ормуздъ!“ Какъ на странное исключеніе, укажемъ здѣсь на секту изедовъ, которые, отдѣлившись отъ вѣры Зороастра и признавая существованіе верховнаго бога, главное почитаніе воздаютъ, однакожь, духу зла, который, по ихъ вѣрованію, современемъ сдѣлается еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ теперь. „Неужели-же, говорятъ они,—духъ зла забудетъ тогда бѣдныхъ изедовъ, которые одни никогда не говорили дурно о немъ и такъ много терпѣли за него гоненій?“ Кромѣ этого, исключительнаго поклоненія духу зла, въ нѣкоторыхъ религіяхъ мы видимъ если не преобладаніе культа злымъ богамъ надъ поклоненіемъ добрымъ, то, по крайней мѣрѣ, равное значеніе обоихъ культовъ. Чѣмъ грознѣе природа страны, чѣмъ болѣе подавляетъ она человѣка, тѣмъ болѣе создаетъ онъ злыхъ божествъ, тѣмъ въ болѣе ужасныхъ формахъ представляются они его воображенію, тѣмъ усерднѣе онъ покланяется имъ. Припомнимъ контрастъ въ этомъ отношеніи, отмѣченный Боклемъ, между Индіей и Греціей.

Всѣ упомянутые нами боги и духи существуютъ главнымъ образомъ для живыхъ, но уже въ то время, какъ начала возникать божественная іерархія, человѣкъ, не переставая покланяться душамъ умершихъ людей, естественно пришелъ къ мысли о богѣ, который долженъ управлять страною умершихъ душъ. У многихъ народовъ, какъ мы уже видѣли раньше, существуетъ вѣрованіе, что души послѣ смерти тѣла отправляются въ страну, изъ кото-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

рой пришелъ народъ и въ которой покоятся ихъ праотцы; такимъ образомъ богомъ умершихъ дѣлается прародитель или первый человѣкъ. Въ ту эпоху, когда будущая жизнь представляется только продолженіемъ настоящей и когда нравственныя понятія существуютъ только въ зачаточной формѣ, не можетъ быть и мысли о загробныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Въ этотъ періодъ культурнаго развитія многіе народы, представляя себѣ загробный міръ вполнѣ сходнымъ съ земнымъ, думаютъ, однакожъ, что вообще онъ непривлекателенъ, какъ и самая смерть. У древнихъ финновъ страна мертвыхъ, Туонела, находится подъ землей и во всемъ похожа на нее; тамъ свѣтитъ свое солнце, тамъ есть и воды, и лѣса, и поля, и пашни, и луга, и долины, звѣри, рыбы, птицы, но всѣ предметы подземнаго міра мрачны и опасны, а духи, населяющіе его, и во главѣ ихъ Туони, злы и кровожадны. Жена Туони — старая женщина, съ крючковатыми когтями и отвратительнымъ зобомъ; она угощаетъ приходящихъ къ ней змѣями и лягушками; не менѣе страшенъ и *народъ Туонелы*, т. е. души умершихъ. Первоначальное представленіе о загробныхъ воздаяніяхъ возникаетъ вслѣдъ за развитіемъ моральныхъ понятій, соотвѣтствующихъ условіямъ дикой жизни, напримѣръ, о священныхъ обязанностяхъ гостепріимства, о почтеніи къ старшимъ и т. д. Но сначала эти идеи о возмездіи въ будущей жизни сливаются съ представленіями о послѣдней, какъ о продолженіи настоящей. Превосходную илюстрацію этого переходнаго состоянія мысли даетъ намъ мифологія минусинскихъ татаръ. По вѣрованію ихъ, въ подземномъ мірѣ господствуетъ девять ирле-хановъ, изъ которыхъ одинъ считается ихъ атаманомъ. Этотъ подземный міръ имѣетъ нѣсколько отдѣленій; въ одномъ изъ нихъ сидятъ старухи и прядутъ ленъ; онѣ осуждены за то, что пряли на землѣ послѣ солнечнаго захода, хотя это и запрещено обычаемъ. Въ другомъ отдѣленіи тоже старухи; онѣ ничего не дѣлаютъ, а, повидимому, хотятъ что-то проглотить; на землѣ онѣ получали нитки для наматыванія на клубки, но дѣлали клубки пустыми внутри и воровали пряжу; за это онѣ осуждены глотать эти клубки, но такъ-какъ это невозможно, то клубки будутъ вѣчно сидѣть въ ихъ горлѣ. Сидящія въ третьемъ отдѣленіи молодыя женщины, съ камнями на рукахъ, клали камни въ масло, чтобы придать ему больше вѣса; за это онѣ вѣчно принуждены носить тяжелые

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

камни. Четвертое отдѣленіе наполнено мужчинами съ кольцами на шеѣ, на которыхъ висятъ огромныя деревья; это удавленники. Въ пятомъ отдѣленіи бѣгаютъ съ крикомъ и воемъ простреленные мужчины, вооруженные стрѣлами и луками; это самоубійцы, застрѣлившіеся изъ-за несогласія съ женами. Та-же бѣготня, тѣже крики и вопли въ шестомъ покоѣ, наполненномъ мужчинами, ранеными ножами; они зарѣзались въ пьяномъ видѣ. Въ седьмомъ отдѣленіи бѣгаютъ бѣшеная собака и укушенные ею люди, тоже бѣшеные и разсвирѣпѣвшіе; они страдаютъ за то, что были неосторожны и умерли отъ бѣшеныхъ собакъ. Въ восьмомъ отдѣленіи мужъ и жена лежатъ подъ одѣяломъ, которое хотя и сшито изъ девяти шкуръ, но покрываетъ только одну половину; эти супруги жили на землѣ несогласно и будутъ на томъ свѣтѣ вѣчно ссориться за одѣяло, которое при согласіи ихъ было-бы болѣе чѣмъ достаточно для обоихъ. Въ девятомъ отдѣленіи мужъ и жена лежатъ подъ одѣяломъ, сдѣланнымъ только изъ одной шкуры, и тѣмъ не менѣе обѣ половины покрыты; они служатъ примѣромъ, что и малымъ имѣніемъ будутъ довольны супруги, если только между ними миръ и согласіе. Въ другихъ частяхъ этого царства можно видѣть старуху, которая не перестаетъ переливать молоко изъ одной кружки въ другую; на землѣ она угощала своихъ гостей молокомъ, смѣшаннымъ съ водою, и за это будетъ вѣчно отдѣлять воду отъ молока. Немного дальше отъ нея на песчаной равнинѣ стоитъ привязанная лошадь, и хотя кругомъ нѣтъ ни воды, ни травы, но лошадь тучна и сильна; дальше, на зеленомъ и орошенномъ водою лугу, стоитъ другая, тощая и хилая лошадь; первая служитъ доказательствомъ того, что у предусмотрительнаго человѣка и на дурномъ пастбищѣ лошадь будетъ хороша, вторая-же—внушаетъ мысль, что животное будетъ дурно и на хорошемъ пастбищѣ, если за нимъ не смотрѣть. Въ одномъ мѣстѣ рѣка запружена половиной человѣческаго тѣла, между тѣмъ какъ въ другомъ нѣсколько цѣлыхъ тѣлъ не въ состояніи запрудить подобной-же рѣки. Эта половина тѣла не терпитъ наказанія: она принадлежитъ мудрому человѣку, который могъ запруживать рѣки и дѣлать все, что хотѣлъ; она лежитъ для напоминанія проходящимъ, что мудрый человѣкъ, даже лишившись своихъ членовъ, можетъ совершать великія дѣла своимъ разумомъ. Цѣлыя-же тѣла, которыя не въ состояніи запрудить рѣки, показываютъ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

что одною физическою силою, безъ ума, нельзя сдѣлать ничего замѣчательнаго.

Такимъ образомъ, въ первобытное представленіе о будущей жизни, какъ продолженіи настоящей, начинаетъ мало-по-малу входить идея возмездія, и по мѣрѣ развитія нравственныхъ понятій, по мѣрѣ усиленія контраста между злыми и добрыми божествами, загробный міръ начинаетъ болѣе и болѣе раздѣляться на двѣ разныя половины, которыя въ-концѣ-концовъ превращаются въ два противоположныхъ міра—въ свѣтлое царство правды и блаженства для добрыхъ и въ темное царство грѣха и страданій для злыхъ. Въ первомъ владычествуютъ добрые духи, во второмъ—злые. Во Флоридѣ поклонники солнца вѣровали, что тѣ, которые вѣрно служили солнцу и помогали бѣднымъ, послѣ смерти превращаются въ звѣзды и блаженствуютъ, злые-же послѣ смерти ведутъ жалкое существованіе среди горныхъ пропастей, гдѣ скрываются дикіе звѣри. У индѣйцевъ чоктаусовъ души умершихъ отправляются на западъ, гдѣ съ одной скалы на другую перекинуто длинное, скользкое бревно безъ коры; хорошіе люди благополучно переходятъ по этому бревну въ свѣтлую, блаженную страну, дурные же низвергаются съ него въ пропасть и попадаютъ на-всегда въ страну мрачную, холодную и голодную. Этотъ узенькій мостикъ, который встрѣчается даже въ болѣе культурныхъ религіяхъ, не играетъ въ сущности никакой судебной роли, такъ-какъ благополучный переходъ черезъ него или паденіе въ пропасть являются какъ-бы естественными результатами земной жизни. Но съ полнымъ развитіемъ теоріи нравственнаго возмездія является божественный судъ надъ душами, результатомъ котораго служитъ присужденіе ихъ въ тотъ или другой міръ. Начиная съ этого періода религіознаго развитія, вся сущность вѣрованій и обрядовъ сводится къ тому, чтобы человѣку можно было послѣ смерти избавиться отъ тьмы и попасть въ царство свѣта, чтобы онъ могъ сказать о себѣ то-же, что говоритъ духъ праведнаго египтянина, представъ передъ лицо Озириса и сорока двухъ судей загробнаго міра: „о, владыки правды, дайте мнѣ познать васъ! Я не дѣлалъ намѣренно зла людямъ. Я не говорилъ лжи передъ судилищемъ правды. Я не заставлялъ земледѣльца исполнять болѣе положенной дневной работы. Я не клеветалъ на раба его господину. Я не убивалъ. Я не обманывалъ. Я не проводилъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ложныхъ границъ на своихъ поляхъ. Я не оскорблялъ изображеній боговъ. Я не отрывалъ кусковъ отъ покрывалъ умершихъ. Я не прелюбодѣйствовалъ. Я не отнималъ молока отъ устъ младенцевъ. Я не охотился за дикими звѣрями на пастбищахъ. Я не вынималъ яицъ изъ гнѣздъ священныхъ птицъ. Я чистъ! Я чистъ! Я чистъ!"

VIII.

Метемпсихозисъ и пантеизмъ.

Очерченная нами культурная стадія, отличающаяся развитіемъ идеи личности и въ мірѣ боговъ, и въ людяхъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, на низшихъ ступеняхъ культуры значительно сливается съ другой, противоположной системой, которая въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи развилась до полной самостоятельности и нѣсколько разъ переходила, въ своемъ законченномъ видѣ, въ Европу, оставляя здѣсь болѣе или менѣе глубокіе слѣды и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философскихъ системахъ. Мы говоримъ о метемпсихозисѣ и пантеизмѣ.

„Есть много фактовъ, говоритъ Спенсеръ, — которые навязываютъ первобытному человѣку убѣжденіе, что вещи могутъ измѣняться не только со стороны составляющаго ихъ вещества, но и со стороны своей формы. Взглянемъ на громадную разницу и въ формѣ, и въ существѣ между сѣменемъ и растеніемъ. Поглядимъ на этотъ орѣхъ, съ его твердой, бурой корой и бѣлымъ ядромъ, и спросимъ себя: какое основаніе мы имѣемъ ожидать, что изъ него скоро выйдетъ бѣлый, сочный корешокъ, нѣжный ростокъ и зеленые листики? Когда мы были молоды, намъ сказали, что одно изъ нихъ *выростаетъ* изъ другого; чистая бланковая форма объясненія была наполнена, и мы перестали удивляться и допытываться. Но стоитъ только на минуту задуматься о томъ, какая мысль должна была-бы возникнуть у насъ при этомъ, если-бы возлѣ насъ не было никого, кто-бы могъ дать это чисто-словесное рѣшеніе, чтобы увидѣть, что эта мысль была-бы — *превращеніе*. Голый фактъ, разсматриваемый независимо отъ всякой гипотезы, заключается здѣсь въ томъ, что вещь, имѣющая извѣстную форму, величину и цвѣтъ, становится вещью, имѣющею совер-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

шенно отличную форму, величину и цвѣтъ. То-же самое нужно сказать и о яйцахъ птицы. Лишь нѣсколько дней тому назадъ это гнѣздо содержало въ себѣ четыре или пять круглыхъ, гладкихъ, пятнистыхъ шариковъ, а сегодня вмѣсто нихъ въ немъ находится столько-же маленькихъ птенчиковъ, широко разѣвающихъ клювы въ ожиданіи пищи. Въ насъ воспитали идею, что яйца были *высижены*, и мы удовольствовались этимъ подобіемъ объясненія, но для ума, ненаполненнаго подобными обобщеніями своего или чужого издѣлія, происхожденіе птенчиковъ изъ орѣховъ показалось-бы ничуть не болѣе страннымъ, чѣмъ происхожденіе ихъ изъ яицъ, т. е. такой метаморфозъ, который мы считаемъ невозможнымъ, былъ-бы для него одинаково невозможенъ съ тѣмъ метаморфозомъ, который мы считаемъ естественнымъ, вслѣдствіе давнишняго и близкаго знакомства съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что въ народѣ до сихъ поръ живетъ убѣжденіе, будто-бы морскія утки выводятся изъ раковинъ, называемыхъ *уткородками*. Мало того, въ старинныхъ „Трудахъ королевскаго общества" существуетъ описаніе уткородки, изъ котораго видно, что будто-бы у уткородки замѣтны слабые слѣды молодой птицы, которая должна вылупиться изъ нея потомъ. Припомнивъ все это, мы увидимъ, что только наука, притомъ значительно подвинувшаяся впередъ, различила естественныя, органическія превращенія отъ другихъ, которыя кажутся невѣжеству столько-же вѣроятными, какъ и первыя. Моръ насѣкомыхъ представляетъ много метаморфозъ, ведущихъ къ ложному заключенію даже еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ предыдущія. Нѣсколько дней тому назадъ дикарь видѣлъ на вѣтви, осѣняющей входъ въ его шалашъ, гусеницу, подвѣшенную внизъ головою. Теперь на томъ-же самомъ мѣстѣ виситъ вещь совершенно отличная отъ нея и по формѣ, и по цвѣту — хризалида. Черезъ недѣлю или двѣ изъ этой хризалиды выходитъ бабочка, оставивъ послѣ себя лишь тонкій пустой футляръ. Эти метаморфозы насѣкомыхъ, какъ мы называемъ ихъ, которыя мы объясняемъ себѣ, какъ процесы *развитія*, въ глазахъ первобытнаго человѣка представляются настоящимъ *превращеніемъ* въ точномъ значеніи этого слова. Онъ принимаетъ ихъ, какъ дѣйствительный переходъ одной вещи въ другую, совершенно отличную отъ предыдущей. Поводовъ къ такому заключенію въ природѣ чрезвычайно много. Многіе гусени-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

цы, жуки, моли и бабочки походятъ по наружности на тѣ предметы, которыми они обыкновенно бываютъ окружены. Одинъ жукъ, напримѣръ, такъ изумительно похожъ на кору того дерева, на которомъ онъ обыкновенно водится, что пока не придетъ въ движеніе, онъ бываетъ абсолютно невидимъ, такъ-что первое его движеніе невольно возбуждаетъ мысль, что это просто кусокъ коры внезапно ожилъ и задвигался. Одинъ долгоносикъ имѣетъ такую окраску и форму, что когда онъ свернется, то превращается въ буроватый шарикъ, который невозможно отличить отъ окружающихъ его голышей изъ земляныхъ комочковъ; когда-же онъ выйдетъ изъ своей неподвижности, то движеніе его имѣетъ такой видъ, какъ-будто внезапно ожилъ одинъ изъ камешковъ. *Насѣкомыя—трости*, когда они висятъ совершенно спокойно въ лѣсу, тоже невозможно отличить отъ древесныхъ сучковъ или вѣтвей". Подобныхъ насѣкомыхъ очень много и превращеніе ихъ еще болѣе убѣждаетъ дикаря въ томъ, что каждая вещь можетъ переходить въ другую. Дикарь видитъ во снѣ своего умершаго родственника, который набрасывается на него въ видѣ какого-нибудь свирѣпаго животнаго, и отсюда заключаетъ, что этотъ родственникъ дѣйствительно превратился въ это животное. Ликантропія, т. е. помѣшательство на томъ, что больной воображаетъ себя волкомъ или другимъ животнымъ, въ свою очередь поддерживаетъ ту-же идею оборотней и порождаетъ легенды, вродѣ извѣстнаго сказанія о Навуходоносорѣ, которыя пропагандируютъ въ потомствѣ эту вѣру въ превращенія. Какимъ недостаткомъ критическаго анализа отличается первобытный умъ при развитіи этой идеи въ подробностяхъ, можетъ показать примѣръ зулусовъ, которые на разспросы одного путешественника отвѣчали: „Змѣй, въ которыхъ обращаются люди, немного; онѣ отличаются отъ другихъ и хорошо извѣстны намъ. Если змѣя имѣетъ шрамъ на какой-нибудь сторонѣ, то тотъ изъ насъ, кто знавалъ какого-либо покойника изъ мѣстныхъ жителей, имѣвшаго подобный-же шрамъ, выходитъ впередъ и говоритъ: „это такой-то. Развѣ вы не видите шрама вотъ тутъ? Послѣ этого мы оставляемъ змѣю въ покоѣ и отправляемся спать". Если мы припомнимъ первобытное вѣрованіе, что души умершихъ бродятъ около своихъ жилищъ и часто посѣщаютъ ихъ, то для насъ станетъ яснымъ заключеніе дикаря, что животныя, появляющіяся въ жилищахъ, ничто иное,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

какъ души предковъ. Далѣе, души умершихъ живутъ около мѣстъ погребенія тѣлъ ихъ, на деревьяхъ, гдѣ покойники подвѣшиваются на нихъ, въ пещерахъ, если народъ хоронитъ мертвецовъ своихъ въ пещерахъ, около могилъ и кургановъ, — и вотъ тѣ животныя, которыя обыкновенно водятся въ этихъ мѣстахъ, птицы, нетопыри, совы, волки, лисицы, принимаются за воплощенія этихъ душъ.

Такимъ образомъ возникаетъ и развивается вѣрованіе, что души живыхъ и умершихъ людей превращаются въ животныхъ. Это повсюду распространенное вѣрованіе имѣетъ очень важное значеніе въ жизни народовъ, порождая множество суевѣрныхъ предразсудковъ. У народовъ Азіи чрезвычайно сильна вѣра въ превращеніе боговъ и людей въ тигровъ и львовъ, и вслѣдствіе этого нѣкоторыя племена не только не истребляютъ этихъ хищныхъ животныхъ, но даже мѣшаютъ европейцамъ убивать ихъ. Въ большинствѣ-же случаевъ люди, заподозрѣнные въ подобныхъ превращеніяхъ, преслѣдуются и истребляются. Такъ, напр., разсказываютъ слѣдующую исторію изъ жизни одного индусскаго племени. Человѣкъ по имени Мора видѣлъ, какъ тигръ умертвилъ жену его; онъ послѣдовалъ за этимъ тигромъ, который исчезъ изъ его глазъ передъ жилищемъ человѣка, называвшагося Пузой. Родственники Пузы заявили, что они давно уже замѣчаютъ за нимъ наклонность и способность превращаться въ тигра, и Мора убилъ его. Мѣстныя власти назначили слѣдствіе, и семейство убитаго показало, что Пуза однажды ночью съѣлъ цѣлую козу, причемъ рычалъ, какъ тигръ, а въ другой разъ говорилъ онъ своимъ друзьямъ о сильномъ желаніи съѣсть такого-то быка, и въ ту-же ночь этотъ быкъ былъ дѣйствительно задушенъ тигромъ. Есть цѣлыя племена, особенно въ Африкѣ, которыхъ сосѣдніе народы боятся, вѣруя, что они поголовно состоятъ изъ людей, способныхъ на такія превращенія. Эта вѣра въ оборотней долго удерживается даже въ обществахъ высокой культуры, и въ Европѣ кровавыя преслѣдованія вѣдьмъ прекратились и костры, на которыхъ сожигали этихъ несчастныхъ, погасли только въ концѣ XVIII вѣка, а въ Мексикѣ послѣдняя вѣдьма была сожжена въ 1874 году.

Переселяясь въ животныхъ, даже въ растенія, души человѣческія переселяются и въ людей. Алгонкинскіе индѣйцы хоронятъ умершихъ дѣтей подлѣ дороги, чтобы ихъ души могли перейти въ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

проходящихъ мимо матерей и, такимъ образомъ, родиться вновь. Негры Золотого Берега вѣрятъ, что души умершихъ способны снова оживать въ тѣлѣ новорожденныхъ, и для африканской матери, оплакивающей своего умершаго ребенка, большимъ утѣшеніемъ служатъ слова: „онъ придетъ опять". Въ сѣверо-западной Америкѣ мы находимъ даже перенесеніе души знахаремъ, который, возлагая руки на грудь умирающаго или умершаго, затѣмъ кладетъ на голову его родственника и дуетъ черезъ нихъ; первый ребенокъ, родившійся у этого преемника отлетѣвшей души, одушевляется ею и получаетъ имя и положеніе покойника. Чаще всего предполагаютъ, что въ дѣтей переселяются души ихъ предковъ и родственниковъ, и въ глазахъ дикарей эта теорія поддерживается какъ частыми случаями наслѣдственности характера, такъ и рѣдкими, но поразительными случаями атавизма, т. е. появленія у ребенка какихъ-нибудь характеристическихъ признаковъ его болѣе или менѣе отдаленнаго предка. Къ этимъ случаямъ присоединяются еще другіе, которые могутъ имѣть цѣну только для слабаго ума дикаря. На Ванкуверовомъ островѣ въ 1860 году одинъ юноша пользовался большимъ почетомъ у индѣйцевъ потому только, что имѣлъ на бедрѣ знакъ, похожій на шрамъ отъ огнестрѣльной раны, изъ чего заключили, что въ лицѣ его снова вернулся къ своимъ соплеменникамъ извѣстный вождь, умершій четыре поколѣнія назадъ и имѣвшій такую рану. Въ Гвинеѣ ребенокъ, имѣющій рѣзкое физическое или нравственное сходство съ какимъ-нибудь умершимъ родственникомъ, по общему убѣжденію наслѣдуетъ его душу, а іорубы привѣтствуютъ новорожденное дитя словами: „ты вернулся", и ищутъ на тѣлѣ его признаковъ, по которымъ-бы можно было узнать, душа какого предка возродилась въ немъ. Это вѣрованіе въ возрожденіе, подстрекавшее негровъ, находившихся въ рабствѣ вдали отъ родины, къ самоубійству, въ надеждѣ родиться вновь въ своемъ отечествѣ, развивается у нѣкоторыхъ низшихъ расъ въ опредѣленное ученіе о земномъ воскресеніи. На основаніи этого ученія многіе дикари, видя въ первый разъ бѣлыхъ людей, принимали ихъ за своихъ умершихъ родственниковъ, а одинъ австраліецъ, повѣшенный въ Мельбурнѣ, выразилъ передъ смертью отрадное убѣжденіе, что снова вернется на землю бѣлымъ человѣкомъ и будетъ имѣть множество шестипенсовыхъ монетъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Отъ идеи переселенія душъ умершихъ въ живыхъ людей, въ животныхъ, въ растенія недалеко уже было до мысли о воплощеніи боговъ въ людяхъ, тѣмъ болѣе, что на низшей ступени развитія божественные духи почти ничѣмъ не отличаются отъ душъ умершихъ. Въ Нукагивѣ души нѣкоторыхъ людей превращаются въ боговъ и нерѣдко возрождаются въ тѣлахъ новорожденныхъ дѣтей. Это вѣрованіе въ воплощеніе играетъ важную роль и въ жизни культурныхъ народовъ. По китайской легендѣ, напр., Фоги родился слѣдующимъ образомъ: три нимфы спустились съ неба, чтобы покупаться въ рѣкѣ. Едва онѣ вошли въ воду, какъ на одной изъ ихъ одеждъ появилось растеніе лотусъ съ своимъ плодомъ. Онѣ не знали, откуда взялось оно, и одна изъ нимфъ съѣла плодъ. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась беременна и родила сына, который сдѣлался великимъ основателемъ религіи, военнымъ героемъ и законодателемъ. Въ Сіамѣ вѣрятъ, что Кодошъ родился подобнымъ-же образомъ. Одна дѣвица, подъ вліяніемъ таинственнаго наитія, покинула общество и поселилась въ лѣсномъ уединеніи. Однажды во время молитвы она сдѣлалась беременна отъ солнечнаго луча, родила сына и положила его на постель изъ листьевъ лотуса, которые сами открылись, чтобы принять новорожденнаго. Она была перенесена на небо, а мальчикъ, найденный и воспитанный пустынникомъ, сдѣлался великимъ мудрецомъ и героемъ. Эта идея воплощенія вполнѣ опредѣляется только съ развитіемъ нравственности и теоріи пантеизма. Видя человѣкоподобную душу во всемъ, и въ растеніяхъ, и въ животныхъ, и въ людяхъ, въ водѣ и вѣтрѣ, въ свѣтѣ и мракѣ, человѣкъ мало-по-малу доходилъ до мысли, что все это различныя проявленія одной и той-же міровой души, которая есть высшее всеобъемлющее существо. „Есть по-истинѣ только одно божество, высшій духъ; онъ той-же природы, какъ и душа человѣка“, говоритъ буддійская теологія, утверждая, что душа есть только истеченіе всеобъемлющаго, безличнаго разума, а видимая природа—только тѣнь бога. Отъ ведаизма произошелъ буддизмъ, самая распространенная изъ всѣхъ существующихъ религій; буддизмъ признаетъ только высшую Силу, которая проявляется въ матеріи и выдѣляетъ изъ себя душу человѣка, долженствующую снова исчезнуть въ ней. По мѣрѣ развитія нравственности различное проявленіе этой высшей силы, воплощеніе боговъ въ людяхъ и превра-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

щеніе людей, съ одной стороны, въ боговъ, а съ другой — въ самыя презрѣнныя созданія, получаютъ нравственное значеніе. Даже у низшихъ расъ мы встрѣчаемъ это вѣрованіе въ переселеніе душъ соединеннымъ съ идеей нравственнаго возмездія, которое получаетъ вполнѣ систематическій характеръ въ культурныхъ религіяхъ. Для индуса тѣло есть только временное жилище души, которая, „будучи заключена въ цѣпяхъ своихъ поступковъ и пожиная плоды прежнихъ дѣйствій", то возвышается, то понижается въ длинной цѣпи воплощеній въ растенія, въ животныя, въ человѣка, въ божество. Всѣ божества, такимъ образомъ различаются между собою скорѣе по степени, чѣмъ по сущности, всѣ они родственны человѣку; эта корова, можетъ быть, была прежде его бабушкой, душа этой обезьяны можетъ воплотиться въ его будущемъ ребенкѣ, а тотъ червякъ путемъ безконечнаго ряда очищающихъ воплощеній можетъ превратиться въ божество. Души праведниковъ по смерти ихъ переходятъ въ болѣе высокія существа, души грѣшниковъ тѣмъ-же путемъ могутъ дойти до низшихъ ступеней творенія, понижаясь отъ боговъ и духовъ черезъ ряды святыхъ, аскетовъ, браминовъ, нимфъ, царей, министровъ, къ актерамъ, пьяницамъ, плясунамъ, мошенникамъ, слонамъ, лошадямъ, судрамъ, варварамъ, дикимъ звѣрямъ, червямъ, змѣямъ, насѣкомымъ и, наконецъ, неодушевленнымъ предметамъ. Но путемъ добродѣтелей для нихъ возможенъ и обратный процесъ. Искупивъ свое преступленіе въ адскихъ мукахъ, убійца брамина можетъ возродиться въ дикомъ животномъ или паріи, а обезчестившій прелюбодѣяніемъ своего духовнаго отца долженъ сто разъ возродиться въ видѣ травы, куста, пресмыкающагося, хищной птицы, дикаго звѣря и т. д. можетъ повышаться постепенно по лѣстницѣ твореній. Восходя по этой лѣстницѣ, души добродѣтельныхъ людей у буддистовъ возвышаются, наконецъ, на степень божества.

Таковы въ общихъ чертахъ пантеистическія системы браманизма и буддизма, посредствомъ которыхъ пантеизмъ распространился въ большей части Азіи, смѣшиваясь, впрочемъ, повсюду съ народными вѣрованіями и мифами. Но пантеизмъ не ограничивается только этими системами и слѣды его открываются въ религіи древнихъ египтянъ, у которыхъ было въ большой силѣ вѣрованіе въ переселеніе душъ. Въ Греціи представителями этого

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ученія были великіе основатели философскихъ школъ. Платонъ думалъ, что души послѣ смерти тѣла избираютъ для себя жилищемъ формы, соотвѣтственныя качествамъ, пріобрѣтеннымъ ими въ ихъ земной жизни, начиная съ философа или влюбленнаго и кончая тиранами и узурпаторами; что души, переселяющіяся въ животныхъ, снова возвышаются до высшихъ стадій, смотря по жизни, какую онѣ вели; что легкомысленныя души переселяются въ птицъ, а невѣжественныя—въ устрицъ. Пифагоръ собственнымъ своимъ примѣромъ убѣждался въ справедливости метемпсихозиса, такъ-какъ онъ узналъ въ одномъ храмѣ мѣсто, гдѣ висѣлъ щитъ, принадлежавшій ему въ то время, когда онъ былъ Евфорбомъ, котораго Менелай убилъ при осадѣ Трои. Позднѣе онъ былъ прорицателемъ Герматимомъ, котораго погребеніе было преждевременно отпраздновано, когда его душа лишь на время покинула тѣло; послѣ этого, разсказываетъ Лукіанъ, — его пророческая душа переселилась въ пѣтуха. Ученіе о переселеніи душъ было принято и еврейскими кабалистами, отъ которыхъ оно перешло къ нѣкоторымъ христіанскимъ сектантамъ, напр., манихеямъ. Центромъ новѣйшаго пантеизма была александрійская школа, отъ которой посредствомъ сарацинъ идеи эманаціи и поглощенія перешли въ Европу. Главнымъ представителемъ ихъ былъ Аверроэсъ, учившій, что индивидуальный разумъ есть эманація изъ всеобщаго и составляетъ то, что называется душой человѣка. Ученіе Аверроэса было чрезвычайно популярно въ средней Европѣ, а позднѣе идеи пантеизма получили широкое развитіе въ системахъ Бруно, Спинозы, Шопенгауера. Въ то-же время пантеизмъ приводилъ къ мысли о единствѣ силы и матеріи, объ ихъ неуничтожаемости, и новѣйшая наука наслѣдовала отъ него теорію развитія органической жизни въ непрерывномъ и послѣдовательномъ творчествѣ природы отъ жизни растенія и до жизни человѣка.

IX.

Мифы.

Въ глазахъ первобытнаго человѣка всѣ предметы природы являются существами живыми и при крайней метафоричности, бѣдности и неточности тогдашняго языка разсказы объ явленіяхъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

природы превращаются въ мифъ, который, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, теряетъ, наконецъ, свой первоначальный описательный характеръ. Кромѣ того, весьма значительную роль въ образованіи мифовъ играютъ, какъ мы уже отчасти видѣли, сновидѣнія и галюцинаціи, образы которыхъ принимаются за дѣйствительные факты. Въ сѣверной Америкѣ, напр., одна индѣйская пророчица разсказывала, что однажды во время поста и одиночества она пошла по какой-то тропинкѣ и поднялась по ней на небо черезъ отверстіе, находящееся въ немъ; тутъ она услышала голосъ и увидѣла подлѣ самой тропинки человѣческую фигуру, голова которой была окружена сіяніемъ, а грудь покрыта четырехугольниками; онъ сказалъ ей: „Смотри на меня, меня зовутъ Блестящее голубое Небо!“ Впослѣдствіи эта женщина нарисовала видѣннаго ею бога, а ея разсказъ о путешествіи на небо сдѣлался общимъ достояніемъ племени. Подобныя путешествія и встрѣчи съ богами чрезвычайно часты у всѣхъ дикихъ народовъ и легенды о нихъ составляютъ одинъ изъ главныхъ матеріяловъ мифологіи. Припадки экстаза, илюзіи, галюцинаціи, страшныя сновидѣнія, психическія эпидеміи обыкновенно усиливаются во время народныхъ бѣдствій, напр., болѣзней, которыя такимъ образомъ ускоряютъ процесъ созданія мифовъ. Самыя болѣзни представляются первобытному человѣку въ образѣ личныхъ существъ. Дикій каренъ, напр., живетъ въ постоянномъ страхѣ эпилептическаго *ля*, сумасшедшаго *ля* и другихъ семи злыхъ духовъ, которые рыщутъ вокругъ него, угрожая его здоровью и жизни. Персы представляютъ себѣ скарлатину въ видѣ тѣлеснаго существа, Али, „цвѣтущей дѣвушки, съ кудрями изъ пламени, съ щеками, красными, какъ розы“. Одна славянская легенда разсказываетъ, какъ крестьянинъ, сидѣвшій подъ деревомъ, увидѣлъ вдали высокую дѣву, закутанную въ саванъ, которая гигантскими шагами приближалась къ нему. Отъ ужаса онъ хотѣлъ-было бѣжать, но она, вытянувъ свою длинную руку, схватила его. „Знаешь-ли ты Чуму? спросила она.—Это я. Посади меня къ себѣ на плечи и неси, не пропуская ни села, ни города; мнѣ нужно побывать вездѣ. За себя самого не бойся, ты останешься невредимъ среди умирающихъ“. Схвативъ его своими длинными руками, она усѣлась на его спинѣ и онъ пошелъ. Прежде всего онъ понесъ ее въ города; тамъ встрѣчали они пляски и веселыя пѣсни, но она махала своимъ саваномъ—и радость

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и веселье исчезали. Всюду, куда ни обращался взглядъ несчастнаго, онъ видѣлъ смерть и горе, слышалъ звонъ колоколовъ, встрѣчалъ погребальныя процесіи, и для умирающихъ не доставало уже могилъ. Онъ шелъ далѣе—и въ каждой деревнѣ слышалъ предсмертные стоны, а въ опустѣвшихъ домахъ видѣлъ блѣдныя лица больныхъ. Но вотъ на пригоркѣ стоитъ его собственная хижина, въ ней живутъ его жена, малыя дѣти, престарѣлые родители, и сердце его обливается кровью, когда онъ подходитъ къ ней. Тогда онъ крѣпко схватываетъ дѣву и погружается съ нею въ волны. Онъ пошелъ ко дну, а она выплыла, но его безстрашная душа побѣдила ее и она бѣжала въ далекія страны, въ горы и лѣса.

Потребность объясненія явленій природы также ведетъ къ созданію мифовъ. „Умственная дѣятельность творца мифовъ, говоритъ Тайлоръ, — обнаруживается даже у глухонѣмыхъ. Сколько разъ замѣчали въ нихъ предположеніе, будто ихъ родители учили ихъ покланяться и молиться солнцу, лунѣ и звѣздамъ, какъ живымъ существамъ. Нѣкоторые изъ нихъ описывали свои раннія понятія о небесныхъ тѣлахъ, какъ аналогичныя съ окружающими ихъ предметами. Одному казалось, что луна сдѣлана изъ тѣста и прикрѣплена къ верхушкамъ деревьевъ, какъ мраморная плита къ столу, а звѣзды вырѣзаны большими ножницами и прицѣплены къ небу; другому, что луна — горнило, а звѣзды — очаги, зажигаемые живущими на небѣ, подобно тому, какъ мы зажигаемъ свои свѣчи“. Подобнымъ-же образомъ объясняетъ себѣ явленія природы первобытный человѣкъ. Намъ нельзя много распространяться, и мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими примѣрами. Затмѣнія солнца и луны служатъ однимъ изъ поразительныхъ явленій природы, повергающихъ въ ужасъ дикаря. Всѣ народы объясняютъ себѣ ихъ болѣе или менѣе одинаково. Чиктосы южной Америки думаютъ, что за луною во время затмѣнія гоняются по небу огромныя собаки, которыя хватаютъ и терзаютъ ее, пока свѣтъ ея не станетъ тусклымъ и багровымъ отъ крови, струящейся изъ ея ранъ; китайцы говорятъ, что на солнце и луну нападаетъ драконъ. Нѣкоторые народы, впрочемъ, отступаютъ отъ этого типическаго способа объясненія; караибы, напр., представляли себѣ затмившуюся луну голодною и больною или умирающею; перуанцы думали, что солнце сердится и скрываетъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

свое лицо, а что больная луна можетъ совершенно померкнуть и тогда настанетъ конецъ свѣта; въ Кушанѣ думали, что солнце и луна, эти божественные супруги, поссорились и одинъ изъ нихъ ранилъ другого, а нѣкоторыя племена Африки объясняютъ себѣ солнечное затмѣніе тѣмъ, что „луна погасила солнце". Но какъ-бы ни объяснялъ народъ это явленіе, оно всегда считается несчастіемъ и наводитъ панику на народную массу, даже послѣ того, какъ наука объяснила сущность этого явленія. Китайскіе астрономы, напр., всегда предсказываютъ затмѣніе и извѣщаютъ о немъ народъ, но тѣмъ не менѣе китайцы всегда встрѣчаютъ зловѣщее чудовище звономъ колоколовъ и предназначенными на этотъ случай молитвами. Въ Европѣ затмѣніе считалось зловѣщимъ предзнаменованіемъ почти до нашего столѣтія; оно поражало ужасомъ и разсѣевало арміи, оно наполняло смятеніемъ всю страну черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ Плиній писалъ въ похвалу астрономамъ: „это великіе люди; они выше обыкновенныхъ смертныхъ; открывъ законы небесныхъ тѣлъ, они освободили бѣдный умъ людей отъ страха передъ зловѣщими предзнаменованіями затмѣній".

Подобно солнцу и лунѣ, которыя временно поглощаются чудовищами затмѣнія или грозовой тучи, день регулярно поглощается ночью и освобождается изъ пасти ея на разсвѣтѣ, лѣто побѣждается чудовищемъ зимы, чтобы потомъ снова освободиться отъ него. Всѣ эти сцены изъ великой драмы природы, эта борьба свѣта съ тьмой, тепла съ холодомъ, принимаютъ мифическую форму и даютъ главное содержаніе мифологіи. Слѣдующая легенда маорисовъ хорошо выясняетъ, что закатъ солнца можетъ драматизироваться въ разсказѣ о героѣ, погружающемся въ тѣло богини Ночи. Мауи, космическій герой Новой Зеландіи, подъ конецъ своей славной дѣятельности возвращается въ страну отца своего и узнаетъ здѣсь, что, быть можетъ, онъ будетъ побѣжденъ, такъ-какъ здѣсь поселилась могущественная прародительница его, Великая-Женщина-Ночь. „Ты можешь видѣть ее, говорятъ ему, — отражающуюся и какъ-бы скрывающуюся и снова выступающую тамъ, гдѣ горизонтъ сливается съ небомъ; то, что ты видишь тамъ блестящимъ такъ ярко-красно, это ея глаза; зубы ея остры и тверды, какъ осколки вулканическаго стекла; тѣло ея подобно мужскому; что-же касается зрачковъ ея глазъ, они изъ яшмы, а ея волосы похожи на пряди длинной морской травы". Мауи похва-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

лился своими прежними подвигами и сказалъ: „пойдешь безъ страха, узнаешь, должны-ли люди умирать или жить вѣчно?“ Но отецъ его припомнилъ одно дурное предзнаменованіе, онъ зналъ, что сынъ его долженъ погибнуть, однако онъ сказалъ: „о, мой послѣдне-рожденный, опора моихъ старыхъ годовъ, будь отваженъ, иди посѣтить свою великую прародительницу, которая скрывается тамъ, гдѣ окраина моря сходится съ небомъ“. Тогда къ Мауи подлетѣли птицы, желая сопутствовать ему, и былъ вечеръ, когда они отправились съ нимъ и пришли къ жилищу Великой-Женщины-Ночи; они застали ее въ глубокомъ снѣ. Мауи запретилъ птицамъ смѣяться, когда онѣ увидятъ его влѣзающимъ въ старую прародительницу, а когда онъ весь скроется въ ней и начнетъ выходить изъ ея рта, тогда онѣ могутъ смѣяться долго и громко. Затѣмъ Мауи сбросилъ свою одежду, и татуированная кожа его бедръ была разноцвѣтна и прекрасна, какъ чешуя макрели. Сначала птицы молчали, но когда онъ вошелъ ужь до пояса, маленькая *тивакавака* не могла долѣе сдерживаться и разразилась громкимъ и веселымъ смѣхомъ; тогда проснулась прародительница Мауи, охватила его, крѣпко стиснула, и онъ лишился жизни. Такъ умеръ Мауи, и смерть посѣтила міръ, такъ-какъ его прародительница есть богиня ночи и смерти, и если-бы Мауи прошелъ черезъ ея тѣло и вылѣзъ невредимымъ, то люди не умирали-бы. Новозеландцы думаютъ, что солнце опускается ночью въ свою пещеру, купается тамъ *въ водѣ жизни* и возвращается на разсвѣтѣ изъ подземнаго міра; этимъ и объясняется ихъ идея, что если-бы человѣкъ, опустившись въ подземный міръ, могъ снова возвратиться изъ него, то человѣчество стало-бы безсмертнымъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ солнечные мифы такъ характеристичны, какъ этотъ. Великая-Женщина-Ночь, живущая на горизонтѣ, есть новозеландскій Аидъ или богиня царства мертвыхъ; птицы должны молчать, когда солнце входитъ въ Ночь, но онѣ могутъ пѣть, когда оно выходитъ утромъ изъ ея рта; наконецъ птица, названная въ мифѣ *тивакавака*, собственно значитъ „крикъ птицы, поющей только при закатѣ солнца“.

Первобытный характеръ этого природнаго мифа очевиденъ; Солнце и Ночь не превратились еще въ немъ въ антропоморфическихъ героевъ, а ихъ взаимныя отношенія—въ героическую легенду, которая обыкновенно наполнена подробностями, неимѣю-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

щими нерѣдко ничего общаго съ первоначальнымъ содержаніемъ природнаго мифа. Развитіе этого мифа въ героическую легенду хорошо можно прослѣдить по сказаніямъ новозеландской мифологіи, отрывокъ изъ которой уже приведенъ нами выше. Вотъ какъ разсказываетъ эта мифологія о рожденіи солнца изъ Океана. Было пять братьевъ и всѣ они назывались Мауи; младшій Мауи былъ брошенъ въ море матерью своею Тарангою, но спасенъ отцомъ „Великимъ-Человѣкомъ-въ-Небесахъ", который взялъ его къ себѣ въ домъ и привѣсилъ къ крышѣ. Далѣе разсказывается объ исчезновеніи ночи на разсвѣтѣ. Однажды вечеромъ, возвратясь домой, Таранга нашла маленькаго Мауи въ обществѣ его братьевъ; узнавъ своего послѣдняго ребенка, рожденнаго уже въ старости, она взяла его спать къ себѣ въ постель, какъ это дѣлала со всѣми другими дѣтьми во время ихъ младенчества. Но маленькій Мауи, замѣтивъ, что мать его постоянно встаетъ передъ разсвѣтомъ и куда-то исчезаетъ вплоть до ночи, началъ безпокоиться и слѣдить за нею. Однажды ночью онъ потихоньку всталъ съ постели и заткнулъ всѣ щели въ дверяхъ и ставняхъ, чтобы солнечные лучи не могли проникать въ жилище. Появился свѣтъ утренней зари, потомъ взошло солнце и поднялось уже высоко на небѣ, а Таранга все спитъ, не подозрѣвая, что на дворѣ уже ясный день. Наконецъ, она открыла окно и, увидѣвъ свѣтъ, съ ужасомъ бросилась бѣжать, и Мауи увидѣлъ, какъ она спустилась въ отверстіе въ землѣ и исчезла въ немъ; такимъ образомъ, онъ открылъ глубокую пещеру, въ которой мать его скрывалась каждый день до наступленія ночи. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о путешествіи Мауи къ его прародительницѣ на ту западную окраину земли, гдѣ души людей опускаются въ царство мертвыхъ. Потянувъ въ себя воздухъ, прародительница почувствовала его приближеніе и вознамѣрилась съѣсть его, но, обернувшись кругомъ къ югу, востоку и сѣверу, она почуяла обоняніемъ, что онъ приближается къ ней съ западнымъ вѣтромъ, и признала въ немъ своего потомка. Мауи проситъ у нея ея чудотворную челюсть, она даетъ, и съ помощью этого оружія онъ ловитъ въ петлю „Великаго-Человѣка-Солнце", ранитъ его и заставляетъ идти медленнѣе. Затѣмъ, прикрѣпивъ эту челюсть къ удочкѣ и смазавъ ее для приманки своею кровью, онъ совершаетъ свое самое знаменитое дѣло, вылавливаетъ изъ океана Новую Зеландію, которая и до сихъ поръ на-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

зывается *рыбою Мауи*. Сравнивъ этотъ мифъ съ многочисленными его варіянтами, сильно распространенными на островахъ Тихаго океана, мы увидимъ въ немъ общее всѣмъ тамошнимъ туземцамъ сказаніе о поднятіи суши изъ моря. Въ нѣкоторыхъ варіянтахъ разсказывается, что Мауи получилъ челюсть отъ своего дѣда „Неба-Земли", въ другихъ-же, что у него было два сына, которыхъ онъ убилъ еще молодыми, чтобы взять ихъ челюсти; что подъ этими сыновьями разумѣются Утро и Вечеръ, видно изъ того, что Мауи изъ глазъ перваго сдѣлалъ утреннюю звѣзду, а изъ глазъ второго — вечернюю. Далѣе легенда разсказываетъ, какъ Мауи хватаетъ огонь руками, обжигается имъ и бросается въ море. Когда онъ погрузился въ волны, солнце сѣло въ первый разъ и тьма покрыла землю. Но когда онъ замѣтилъ, что ночь охватила все, онъ погнался за солнцемъ и къ утру привелъ его снова. Унося или бросая огонь въ море, Мауи зажегъ при этомъ вулканъ. Въ другой легендѣ разсказывается, что когда Мауи погасилъ всѣ огни на землѣ, мать послала его за новымъ огнемъ къ прародительницѣ ея Мауикѣ. Въ варіянтѣ этого мифа младшій Мауи открываетъ пещеру, ведущую въ страну умершихъ на западѣ, а отецъ его, тоже Мауи, посылаетъ его еще къ болѣе старому Мауи, сидящему у великаго огня подъ землей; они вступили между собой въ борьбу, и младшій Мауи отнялъ огонь, оставивъ искалѣченнымъ стараго подземнаго бога, который по временамъ ворочается и трясетъ землю.

Такимъ образомъ, въ этомъ циклѣ легендъ мы имѣемъ первобытный разсказъ о поднятіи солнца изъ океана, исчезновеніе ночи, угасаніе свѣта при закатѣ солнца и новое появленіе его утромъ, о сошествіи солнца въ западный подземный міръ ночи и смерти, который отождествляется съ царствомъ вулканическаго подземнаго огня и съ землетрясеніемъ. Частности этихъ мифовъ до сихъ поръ носятъ первобытный характеръ мифологическаго описанія явленій природы, но въ общей своей сложности они уже превратились въ героическія легенды, въ которыхъ антропоморфическіе герои начинаютъ сливаться съ представляемыми ими явленіями природы. И чѣмъ дальше идетъ этотъ мифологическій процесъ, тѣмъ болѣе явленія природы, послужившія основой его, исчезаютъ въ народномъ сознаніи за героями, которые дѣлаются главными центрами,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

группирующими около себя разрозненные вымыслы и порождающими новыя сочетанія фантастическихъ образовъ. Слѣды этого процеса мы видимъ у всѣхъ народовъ въ легендахъ о людяхъ и герояхъ, поглощаемыхъ чудовищами. У индѣйцевъ Америки, напр., герой Манобозо, солнечный характеръ котораго довольно ясенъ, стараясь выудить царя рыбъ, былъ проглоченъ вмѣстѣ съ лодкою, но онъ началъ поражать въ сердце чудовище своею палицею, такъ-что чуть не былъ выброшенъ имъ прямо въ озеро; но герой поставилъ свою лодку поперегъ горла рыбы и кончилъ тѣмъ, что убилъ ее; когда мертвое чудовище было выброшено на берегъ, чайки проклевали отверстіе въ немъ, сквозь которое и вышелъ Манобозо. Еще на низшихъ ступеняхъ развитія этотъ и другіе природные мифы принимаютъ уже такую форму, что первоначальный смыслъ ихъ дѣлается недоступнымъ для дикарей, вѣрующихъ въ похожденія ихъ героевъ, но невидящихъ въ нихъ описательныхъ разсказовъ о природѣ. Спенсеръ, видящій во всякой первобытной религіи одно только поклоненіе предкамъ, настойчиво разыскиваетъ его во всѣхъ этихъ мифахъ. Но при всемъ своемъ остроуміи, онъ все-таки не въ состояніи доказать своей мысли, хотя его изслѣдованія невольно наводятъ на то справедливое предположеніе, что во всѣхъ подобныхъ мифахъ, развившихся изъ первобытной описательной легенды о явленіяхъ природы, несомнѣнно находятся присоединенныя къ нимъ впослѣдствіи сказанія о предкахъ и герояхъ, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, но, во всякомъ случаѣ, самостоятельныхъ, а не какъ результатъ превращенія природнаго мифа въ героическую легенду. Сказанія о герояхъ сливались постепенно съ первобытнымъ природнымъ мифомъ и преобразовывали его, такъ-что въ одномъ и томъ-же мифѣ встрѣчаются и черты природнаго сказанія, и элементы героической легенды. Спенсеръ въ этомъ отношеніи ударился въ другую крайнюю противоположность сравнительно съ присяжными мифологами, которые большею частію, найдя въ извѣстномъ сказаніи слѣды природнаго мифа, не останавливаются, какъ и Спенсеръ не останавливается на несомнѣнныхъ слѣдахъ поклоненія предкамъ, а идутъ далѣе, относя къ природному-же мифу даже всѣ черты, примѣшанныя къ нему героической легендой. На это тратится много остроумія и эрудиціи, исписываются цѣлые фоліанты, наполненные всевозможными филологическими и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

этнографическими подробностями, но, поставленное на ложномъ основаніи, изученіе мифологіи не подвигается впередъ въ этомъ отношеніи. Чтобы показать читателю, до какого абсурда доходятъ мифологи, мы укажемъ на книгу преждевременно погибшаго русскаго молодого ученаго, Щепкина, „Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія". Посредствомъ филологической аргументаціи Щепкинъ старается доказать, что русскія былины не только въ своемъ общемъ содержаніи, но и въ каждой мельчайшей частности служатъ поэтическими разсказами о явленіяхъ природы. Князь Владиміръ — солнце, не даромъ-же онъ называется „краснымъ солнышкомъ"; скатерти, покрывающія столы его — „бѣлы-снѣги", тающіе подъ лучами краснаго солнышка, а пиры Владиміра и богатырей—оплодотвореніе земли весною!..

Природный мифъ о лунѣ связывается, такимъ образомъ, съ видимыми на ней пятнами, съ кажущимися перемѣнами въ ея формѣ и съ ея періодическими исчезновеніями. „Непостоянная луна" служитъ сюжетомъ многихъ характеристичныхъ легендъ. Австралійцы говорятъ, что мѣсяцъ былъ прежде котомъ, но соблазнилъ чужую жену, прогнанъ за то съ земли и съ тѣхъ поръ блуждаетъ по небу. По вѣрованію хазіевъ, мѣсяцъ періодически влюбляется въ свою мачиху, которая бросаетъ ему въ лицо пепелъ, отчего происходятъ его пятна. Буряты говорятъ, что въ древности мѣсяцъ утащилъ съ земли дѣвушку и съ тѣхъ поръ появились на немъ темныя пятна, которыхъ прежде не было. Замѣчательно, что точно такъ-же объясняетъ происхожденіе этихъ пятенъ скандинавская мифологія. Кромѣ бурятъ и другихъ инородцевъ Сибири, даже у русскихъ жителей ея существуетъ вѣрованіе, служащее, вѣроятно, объясненіемъ лунатизма, что луна похищаетъ дѣтей, почему имъ обыкновенно и запрещаютъ смотрѣть на нее.

Анализируя всю природу, не дѣлая никакого существеннаго различія между людьми и животными, между животными и неодушевленными предметами, первобытный умъ былъ склоненъ объяснять появленіе какого-нибудь предмета процесомъ рожденія, и пережившіе остатки такого умонастроенія до сихъ поръ еще сохраняются на нашемъ языкѣ, напр. въ выраженіи *родился*, т. е. появился, на *небѣ мѣсяцъ*. Рожденіе предполагаетъ родителей, и, задавшись вопросомъ о происхожденіи вещей, первобытный умъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

естественно приходилъ къ мысли, что всѣ предметы произошли отъ общихъ божественныхъ родителей, Неба и Земли. Въ религіозныхъ книгахъ Китая и отчасти японской мифологіи въ процесѣ этого происхожденія Небо и Земля представляются въ ихъ первоначальномъ, стихійномъ значеніи, но почти у всѣхъ другихъ народовъ, какъ скоро небо и земля превращаются въ антропоморфическія божества, процесъ творенія измѣняетъ свой характеръ и небо и земля изъ творцовъ дѣлаются твореніемъ. Превосходною характеристикою перехода отъ первобытнаго природнаго мифа къ героическому служитъ слѣдующая легенда новозеландцевъ. Небо и Земля прильнули другъ къ другу и тьма покрывала ихъ; отъ нихъ произошли всѣ люди и вещи, но такъ-какъ имъ было темно и тѣсно между соединившимися другъ съ другомъ родителями, то они держали совѣтъ, слѣдуетъ-ли имъ убить своихъ родителей или-же только разлучить ихъ? Тогда Отецъ лѣсовъ сказалъ своимъ пяти великимъ братьямъ: „лучше разлучить ихъ; пускай Небо встанетъ высоко надъ нами, а Земля ляжетъ подъ нашими ногами. Пусть Небо станетъ чуждымъ намъ, а Земля останется близка къ намъ, какъ наша мать-кормилица“! И возсталъ Отецъ хлѣба и пытался разъединить Небо и Землю, но не могъ; напрасны были также усилія Отца рыбъ, Отца дико-растущей пищи и Отца свирѣпыхъ людей. Тогда тихо поднялся Отецъ лѣсовъ и старался разъединить своихъ родителей, борясь съ ними своими дланями и руками. Вотъ онъ пріостановился, его голова крѣпко уперлась въ Мать-землю, а поднятыми вверхъ ногами онъ уперся въ Отца-небо; и напрягаетъ онъ свою спину и плечи въ могучемъ усиліи. Наконецъ, разорваны Небо и Земля, и они громко застонали съ плачемъ и проклятіями. Но Отецъ лѣсовъ не останавливается, далеко-далеко подъ себя вдавливаетъ онъ землю, далеко-далеко надъ собою отбрасываетъ онъ небо. Но Отецъ вѣтровъ и бурь никогда не соглашался, чтобы мать его оторвали отъ ея господина, и въ груди его возникло лютое желаніе напасть на своихъ братьевъ. Такъ Отецъ бури поднялся и послѣдовалъ за своимъ отцомъ въ поднебесную высь и помчался къ закрытымъ пещерамъ безпредѣльнаго неба, подъ кровомъ которыхъ онъ нашелъ себѣ пристанище. Тогда вышли его дѣти, могучіе вѣтры, буйные шквалы, темныя тучи, плотныя, огненныя, дикоскачущія съ трескомъ и громомъ, и окруженный ими отецъ ихъ ринулся на своего врага. Отецъ лѣ-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

совъ и его гигантскія рощи стояли, ничего не вѣдая и не подозрѣвая, когда бѣшеный ураганъ разразился надъ ними, съ трескомъ ломая попадавшіяся ему громадныя деревья и разбрасывая по землѣ вырванные съ корнемъ стволы и переломанные сучья, отдавая ихъ на съѣденіе насѣкомымъ и златницамъ. Тогда Отецъ бурь бросился внизъ и началъ бичевать воды, такъ-что волны поднялись, какъ скалы, а Отецъ океана и всего живущаго въ немъ въ ужасѣ бѣжалъ по своимъ морямъ. Дѣти его, Отецъ рыбъ и Отецъ пресмыкающихся, также бросились искать себѣ безопаснаго убѣжища. „Слушай, слушай, кричалъ Отецъ рыбъ, — давай, скроемся въ морѣ"; но Отецъ пресмыкающихся кричалъ ему въ отвѣтъ: „нѣтъ, нѣтъ; лучше постараемся спастись на землѣ", и, такимъ образомъ, существа раздѣлились: рыба ушла въ море, а пресмыкающіяся искали спасенія въ лѣсахъ. Но Отецъ океана, взбѣшенный измѣною дѣтей своихъ, пресмыкающихся, поклялся вѣчною враждою къ брату своему за то, что этотъ пріютилъ ихъ въ своихъ лѣсахъ. Отецъ лѣсовъ, съ своей стороны, отплачиваетъ ему тѣмъ-же, дозволяя дѣтямъ брата своего, Отца свирѣпыхъ людей, посредствомъ лодокъ, копій и удочекъ, сдѣланныхъ изъ его деревьевъ, и сѣтей, сплетенныхъ изъ его волокнистыхъ травъ, истреблять рыбъ, дѣтей Отца океана, а Отецъ океана въ гнѣвѣ набрасывается на отца лѣсовъ, заливаетъ его лодки волнами моря, сноситъ наводненіями въ безпредѣльный океанъ дома и деревья. Затѣмъ Отецъ бури набросился на братьевъ своихъ, Отцовъ воздѣланной и дикой пищи, но Мать-земля схватила ихъ и спрятала въ такое безопасное мѣсто, что Отецъ бури напрасно искалъ ихъ. Тогда онъ бросился на послѣдняго изъ братьевъ своихъ, Отца свирѣпыхъ людей, но не могъ даже пошатнуть его, хотя и напрягалъ всѣ свои силы. Какое дѣло было Отцу свирѣпыхъ людей до ненависти своего брата? Онъ выказалъ себя храбрымъ и свирѣпымъ на войнѣ, его братья отступили передъ ужаснымъ нападеніемъ Отца бури и дѣтей его; Отецъ лѣсовъ и его дѣти изломаны и разнесены на мелкія щепки; Отецъ моря и его потомство бѣжали въ глубину океана или въ береговыя углубленія; Боги пищи спасены въ тайномъ убѣжищѣ, и только люди выстояли непоколебимо и отважно на груди Матери-земли, пока сердца Неба и Бури не смягчились и не утихла ихъ вражда. Тогда Отецъ свирѣпыхъ людей сталъ думать, какъ ему отомстить своимъ братьямъ, кото-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

рые оставили его безъ помощи во время его борьбы съ Отцомъ бурь. Онъ свилъ силки изъ листьевъ дерева ванаки, и передъ нимъ пали птицы и звѣри, дѣти Отца лѣсовъ; онъ сплелъ сѣти изъ льна и сталъ ловить рыбъ, дѣтей Отца океана; онъ отыскалъ подземное убѣжище дѣтей Отца воздѣланной пищи, сладкій картофель, корень папоротника и всѣ дикоростущія съѣдобныя растенія, выкопалъ ихъ и сталъ сушить на солнцѣ. Хотя онъ и взялъ верхъ надъ четырьмя братьями, но до сихъ поръ еще не можетъ побѣдить пятаго брата, Отца бурь, который все еще насылаетъ на него свои бури и ураганы, стараясь погубить его съ дѣтьми на сушѣ и на морѣ. Подъ порывами гнѣва Отца бурь суша скрылась подъ водами. Древнія существа, потопившія, такимъ образомъ, землю, были Ужасный дождь, Долго-продолжающійся дождь, Ураганы и дѣти ихъ: Туманъ, Тяжелая роса и Легкая роса. Они оставили надъ поверхностью моря только самую небольшую часть суши. Но яркій свѣтъ увеличился въ мірѣ, и существа, скрытыя между Небомъ и Землей до ихъ разъединенія, размножились на землѣ. Небо до настоящаго времени остается въ разлукѣ съ своей женой, Землею. Но обоюдная любовь ихъ не прекращается; теплые, мягкіе вздохи ея любящаго сердца и понынѣ возносятся къ нему, поднимаясь отъ лѣсистыхъ горъ и долинъ, и люди называютъ ихъ туманами; а безпредѣльное Небо, тоскуя въ долгія ночи въ разлукѣ съ своею возлюбленною, часто проливаетъ слезы на ея грудь, и люди, видя ихъ, называютъ ихъ каплями росы.

Въ этомъ прекрасномъ, дѣтски-наивномъ мифѣ мы можемъ прослѣдить процесъ первобытнаго мифическаго творчества. Лѣсъ, море и всѣ вещи родились отъ Неба и Земли, но мысль о рожденіи ихъ необходимо приводила къ мысли о томъ, что для этого они должны были быть вмѣстѣ, и, слѣдовательно, было время, когда они были соединены другъ съ другомъ. Кто-же разлучилъ ихъ? Вѣдь сами они разойтись, какъ любящіе супруги, не могли. Такъ-какъ кромѣ нихъ и дѣтей ихъ никого на свѣтѣ не было, то понятно, что ихъ разлучили дѣти, которымъ было темно и тѣсно между ними, и главнымъ образомъ, мощный и высокій лѣсъ, который и теперь еще на краю горизонта своими вершинами упирается въ отца—Небо. Съ постепеннымъ переходомъ природнаго мифа въ героическій, эта

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дѣтски-наивная простота мысли болѣе и болѣе затемняется личными подвигами и свойствами антропоморфическихъ божествъ. Впрочемъ, у многихъ народовъ идея *о рожденіи* міра долго сохраняется и въ героическомъ мифѣ, выражаясь въ сказаніяхъ о происхожденіи міра, подобно всему живому, изъ яйца. Въ ассирійско-вавилонскомъ мифѣ въ Евфратѣ было положено яйцо Неба; рыба выбросила его на берегъ, а голубь высидѣлъ это яйцо и изъ него началъ нарождаться міръ. Въ нѣкоторыхъ мифахъ міръ творится не изъ яйца, а отъ сына, рожденнаго творцомъ. Въ Эддѣ природа создается изъ трупа убитаго великаго Имира: изъ крови—моря и всѣ воды, изъ костей—горы, изъ зубовъ—утесы и скалы, изъ черепа—небо, изъ мозга—облака. Наконецъ, съ развитіемъ великихъ культурныхъ системъ совершенно исчезаютъ всякіе слѣды первобытнаго природнаго мифа. Въ буддизмѣ безначальный Будда, желая проявить свои совершенства въ твореніи, сотворилъ сначала множество небесныхъ духовныхъ міровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Нирваны, и населилъ ихъ высшими существами, а для жительства менѣе совершенныхъ существъ онъ приступилъ къ творенію видимаго міра изъ райскаго цвѣтка. Но онъ только положилъ основаніе вселенной и, погрузившись въ покой, предоставилъ дальнѣйшее устройство міра двумъ геніямъ, родившимся изъ свѣта его праваго глаза. Первый изъ нихъ, Манжушри, образовалъ въ пустыхъ пространствахъ вселенной густое облако, пролившійся изъ него дождь образовалъ водную сферу, которая мало-по-малу отвердѣла и перешла въ сушу; но земля была пуста и необитаема; тогда подулъ бурный духъ Аріоболо—и на лицѣ земли появились горы, моря, растенія и т. д. Но если міръ рождается, подобно всему живому, то онъ долженъ и умереть, подобно всему рождающемуся, — эта мысль, чуждая еще уму первобытнаго человѣка, естественно возникаетъ при развитіи героическаго мифа. Уже Эдда рисуетъ страшную картину разрушенія или смерти міра. Въ буддизмѣ кончинѣ міра будутъ предшествовать всѣ ужасы нравственнаго паденія и страшныя предзнаменованія. На небѣ явятся сперва два солнца, потомъ четыре, наконецъ шестнадцать. Отъ ихъ невыносимаго жара погибнутъ всѣ растенія и животныя, рѣки и даже моря высохнутъ, земля превратится въ раскаленную печь, а горы будутъ дышать пламенемъ; этотъ жаръ проникнетъ даже къ золотой лягушкѣ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

поддерживающей на себѣ землю; она, вслѣдствіе неимѣнія необходимой для нея влажности, перевернется вверхъ брюхомъ — и весь міръ пойдетъ вверхъ дномъ...

Такимъ образомъ, первобытный умъ объясняетъ происхожденіе міра *рожденіемъ*, а всѣ явленія природы—дѣйствіями боговъ или чудовищъ: затмѣніе — нападеніемъ дракона, землетрясеніе—сначала тѣмъ, что „Мать-Земля пляшетъ", потомъ—движеніемъ подземнаго бога или животнаго, поддерживающаго собою міръ, слона, кита, гигантской черепахи и т. д. Мифы объ этихъ послѣднихъ животныхъ, по всей вѣроятности, основаны на ископаемыхъ остаткахъ мамонтовъ и другихъ животныхъ древнѣйшихъ періодовъ земли. Инородцы сѣверной Сибири, находимыя тамъ во множествѣ кости и даже уцѣлѣвшіе въ снѣгахъ трупы мамонтовъ приписываютъ животнымъ, которыя еще и нынѣ живутъ подъ землею, бѣгаютъ, производя землетрясенія, и немедленно издыхаютъ, выйдя случайно на воздухъ и свѣтъ. Въ другихъ мѣстностяхъ эти кости даютъ поводы къ образованію мифовъ о древнихъ великанахъ или гигантскихъ птицахъ, опустошавшихъ нѣкогда край, а находимые въ землѣ стрѣлы каменнаго періода считаются стрѣлами, которыми дѣйствуютъ духи грома. Стараясь объяснить себѣ сходство человѣка съ обезьяною, первобытный дикарь создаетъ сказанія о томъ, какъ обезьяны были въ древности людьми и потомъ только превратились въ обезьянъ, или какъ онѣ и теперь остаются людьми, но только не говорятъ изъ боязни бѣлыхъ. Мусульманскія легенды разсказываютъ: близъ одного еврейскаго города протекала рѣка, переполненная рыбой, но обезьяны, узнавъ нравы горожанъ, смѣло плавали на виду ихъ въ субботу и скрывались въ будни. Наконецъ, еврейскіе рыбаки поддались искушенію и отправились на ловлю въ субботу, но они дорого поплатились за это, будучи превращены въ обезьянъ за нарушеніе покоя субботняго дня. Не далеко отъ этихъ географическихъ легендъ стоятъ мифы историческіе. Такъ, напр., туземцы Индіи, которые оттѣснены индійцами-завоевателями къ холмамъ и лѣсамъ и потомство которыхъ индусы до сихъ поръ называютъ „обезьяньимъ народомъ", превращены санскритской легендой въ обезьянъ, сражавшихся въ войскѣ царя Ганумана. Дикари каменнаго періода, которые чуждались завоевавшихъ страну людей, ненавидѣли ихъ и боролись съ ними, превратились въ европейскихъ сказкахъ въ страшныхъ велика-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

новъ. Въ разсказахъ мусульманскихъ легендъ о гогахъ и магогахъ, имѣвшихъ чрезвычайно малый ростъ, но длинныя, какъ у слона, уши, опустошавшихъ міръ и т. д., легко узнать татаръ верхней Азіи. Преданія о городахъ, затопленныхъ наводненіями, разрушенныхъ землетрясеніямъ, сожженныхъ непріятелемъ, легко превращаются въ самыя фантастическія легенды, въ которыхъ, впрочемъ, не трудно угадать сущность описываемыхъ ими событій. У Гримма есть слѣдующая интересная эстонская легенда о священномъ озерѣ Эйшѣ. На берегу его жили злые люди; они не косили луговъ, которые орошали озеро, не засѣвали полей, которыя оно питало, а только разбойничали, и кровь убитыхъ ими мутила свѣтлыя воды озера. Озеро оскорбилось этимъ. Однажды вечеромъ оно собрало всѣхъ своихъ рыбъ и вмѣстѣ съ ними поднялось на воздухъ. Когда разбойники услышали шумъ, то закричали: „Эйшъ поднялось и оставило намъ свои сокровища и рыбу, но рыбы поднялись вмѣстѣ съ озеромъ и на обсохшемъ днѣ его не нашлось ничего, кромѣ змѣй, ящерицъ и жабъ, которыя вышли на берегъ и поселились въ сосѣдствѣ разбойниковъ. Цѣлую ночь висѣло озеро надъ землею, а поутру стало спускаться и спустилось на новое мѣсто. Жители устроили его ложе, сдѣлали плотины, по берегамъ насадили деревьевъ. Озеро оплодотворило страну, пашни зеленѣли, и жители плясали вокругъ озера: даже старики сдѣлались юношески-веселыми“. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ объ озерѣ, которое когда-то высохло или обмелѣло, вслѣдствіе засоренія или другихъ причинъ, но при развитіи культуры въ его окрестностяхъ снова сдѣлалось богатство водою. Великія эпохи и замѣчательные люди порождаютъ цѣлыя группы богатыхъ историческихъ мифовъ; у насъ, напр., эпоха борьбы съ азіятскими народами произвела былинный эпосъ, а эпоха „строительства земли русской“—мифъ о Георгіѣ Храбромъ. И въ этихъ мифахъ одну изъ главныхъ ролей играетъ риторика. Какъ легко образоваться мифу тамъ, гдѣ (какъ на островахъ Фиджи) жилище короля называлось *небесными облаками*, лодка, въ которой онъ ѣздилъ,—*радугой*, голосъ—*громомъ*, мерцаніе факеловъ въ его жилищѣ—*молніей*? Когда простолюдины вечеромъ проходили мимо его жилища и видѣли свѣтъ этихъ факеловъ, то, вмѣсто того, чтобы сказать; вонъ во дворцѣ горятъ факелы, говорили: вонъ молнія блещетъ въ небесныхъ облакахъ. Такимъ пу-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

темъ, напр., образовалось много мифовъ о Магометѣ. Метафора, что „сердце Магомета было раскрыто и очищено божественною волею“, превратилась въ легенду, которая разсказываетъ, какъ архангелъ Гавріилъ разсѣкъ грудь пророка, вынулъ изъ его сердца черный комокъ, обшилъ его и снова положилъ на прежнее мѣсто. До какой степени мифъ искажаетъ біографіи замѣчательныхъ дѣятелей, особенно основателей религій, можно видѣть на примѣрѣ Будды. Древнѣйшія легенды о немъ, хотя тоже далекія отъ истины, но все-таки не совершенно еще исказившія ее, разсказываютъ, что Шакъямуни былъ сынъ царя, отличался необыкновенною мудростью, и, убѣдившись вскорѣ послѣ своей женитьбы въ ничтожествѣ всего земного, велъ жизнь аскета. Но увидѣвъ, что и это не ведетъ ни къ чему, онъ бросилъ аскетизмъ, прозрѣлъ, сдѣлался Буддой, началъ творить чудеса и проповѣдывать „о четырехъ истинахъ“. Наконецъ, онъ умеръ, объѣвшись свинины, какъ передаютъ нѣкоторыя извѣстія, и прекратилъ свое стихійное существованіе. Во всемъ этомъ еще можно отыскать ясные слѣды возможныхъ, дѣйствительныхъ событій, но позднѣйшія легенды разсказываютъ совершенно другое. Онѣ говорятъ, что не Шакъямуни возвысился до Будды, а Будда сошелъ на землю и воплотился въ Шакъямуни самымъ чудеснымъ образомъ; что не одинъ только Шакъямуни сдѣлался Буддой, но что и прежде его былъ безконечный рядъ Буддъ, появлявшихся въ разныхъ мірахъ и проповѣдывавшихъ то-же самое, что и Шакъямуни, и послѣ него будутъ являться Будды вплоть до окончанія міра. Несмотря, однакожь, на всѣ чудовищныя искаженія исторіи, мифы могутъ служить превосходнымъ историческимъ матеріяломъ для изученія первобытной жизни, языка, обычаевъ, характера мышленія, міросозерцанія. „Мифъ, по прекрасному выраженію Тайлора,—есть исторія своихъ авторовъ, а не дѣйствующихъ въ немъ лицъ; онъ есть воспоминаніе о жизни не сверхъестественныхъ героевъ, а создавшихъ его народовъ“. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи слѣдуетъ пользоваться мифами чрезвычайно осторожно, такъ-какъ они легко принимаютъ въ себя всевозможные анахронизмы, вымыслы позднѣйшихъ временъ и вѣрованія чуждыхъ народовъ. На низкихъ ступеняхъ умственнаго развитія народы не имѣютъ никакой наклонности къ религіозной нетерпимости, они такъ-же вѣруютъ въ чужихъ боговъ, какъ и въ сво-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ихъ, готовы даже предпочитать первыхъ послѣднимъ, если они стоятъ того. Сибирскіе буряты-шаманисты, напр., давно уже приняли въ число своихъ боговъ „Михолу"; покланяясь своимъ идоламъ и принося жертвы посредствомъ шамановъ, они въ то-же время охотно слушаютъ буддійскихъ ламъ, нанимаютъ ихъ совершать у себя разные обряды, ходятъ въ русскія церкви и ставятъ свѣчи передъ образами. При такой воспріимчивости, дикіе народы, принимая чужія вѣрованія, смѣшиваютъ ихъ съ своими, искажая и обезображивая и тѣ, и другія. Вотъ эта-то смѣсь разнообразныхъ вѣрованій затемняетъ и искажаетъ первоначальную форму и творческій колоритъ первобытнаго мифа.

С. Шашковъ.